ПИОНЕР 10

ОКТЯБРЬ • 1971 г. • ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Подняли к небу сверкающие фанфары
пионерские трубачи.
Сигнал «СЛУШАЙТЕ ВСЕ!» полетел над Москвой
и дальше, дальше через лес, через поле и реку.
Его услышали Киев, Горький, Фрунзе.
Динамик на площади
донес его до чукотского поселка.
Всесоюзная радиолинейка
вновь собирает под пионерские знамена
всю пионерскую организацию,
а в ней 23 341 880 пионеров.
Последняя прямая осталась до юбилея
твоей организации.

Выходит с 15 марта 1924 г.

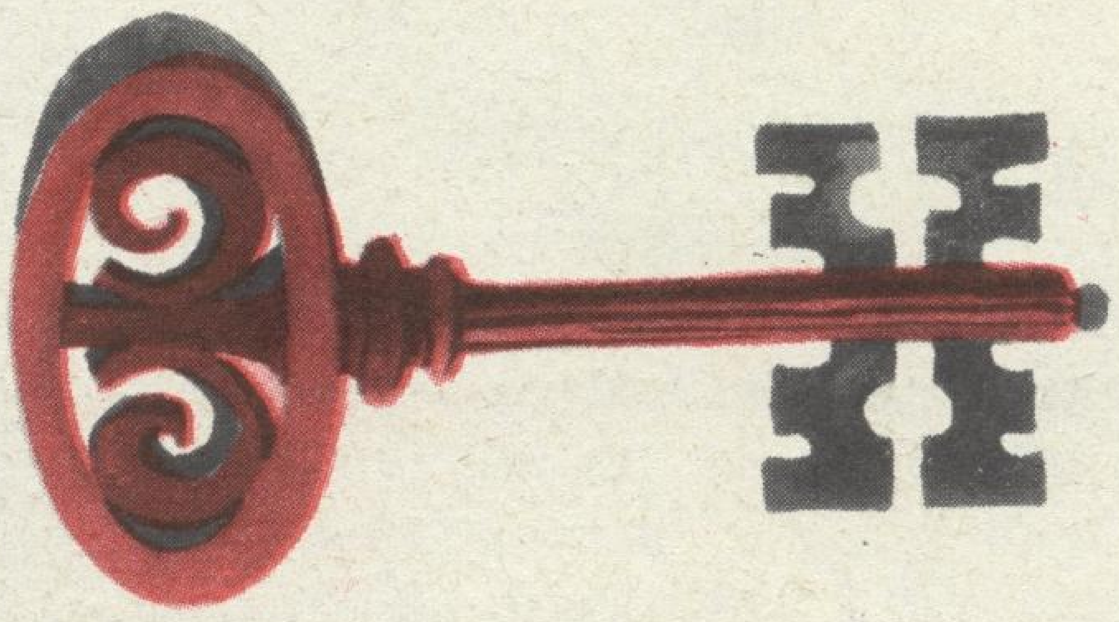
ПИОНЕР

Ежемесячный детский журнал Центрального Комитета ВЛКСМ и Центрального Совета Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина

ОКТЯБРЬ 10

Издательство «Правда»

Москва 1971 г.



● **Путешествие в Страну Знаний** — это маршрут твоего отряда на Марше «Всегда готов!». О твоей пятилетке, пятилетке человека за школьной партой, говорит министр высшего и среднего специального образования РСФСР Всеволод Николаевич Столетов.

● **Равнение на пионерские знамена,** знамена всех пионерских поколений — правило жизни твоего отряда. О том, как встретились два отряда — нынешних пионеров и тех, что носили пионерские галстуки сорок лет назад, и о чем они вместе говорили и думали, читай на странице 54.

● **Маршрут «Звездочка»** — это знакомая дорожка к младшим друзьям — октябрятам, это твоя помощь и совет во всех октябрятских делах. Рассказ о **Косте Емельянове, вожатом звездочки,** не только для чтения, но и для раздумья, для ответа себе на многие «как?» и «почему?».

● Антошка — мальчик, который мечтает летать высоко над землей, а «Антон»?.. Попробуй догадаться!

● **— Пошли в кино!** — приглашает тебя снова кинорежиссер Александр Митта.

● **СБ** — эти буквы встречаются все чаще и чаще на улицах больших городов и совсем маленьких, и в селах и в деревнях — их теперь всюду можно увидеть. Что такое СБ?

Ответ на странице 28.

● Таинственную историю **«Тридцать три злоключения и одно чудо»** рассказывает тебе писатель Александр Шаров. Прочти ее обязательно.

● Заседают **сорок** смешливых **сорок. Трое Неизвестных** напридумывали для тебя множество хитроумных головоломок. И у **Пешкина** есть для тебя очередной сюрприз.

Открывай поскорее номер!

**Отряды на Марше.
Отряды в пути.
По семи маршрутам
идет движение,
а цель одна:
ко дню юбилея
показать старшим —
коммунистам и комсомольцам,
всем советским людям,
что на пионеров можно положиться,
что растут они дружными, крепкими,
верными людьми —
юными ленинцами.**

Три весны первым встречал самолет Антошка Лапкин

И. ВАСИЛЬЕВ

АНТОШКА И «АНТОН»

РАССКАЗ

Рисунки С. ТРОФИМОВА

В лесах и оврагах еще лежал снег, а по утрам похрустывал на лужах ледок, когда в Зайцево обычно прилетал и садился на клеверном поле двукрылый АН-2, которого колхозники запанибратски называли «Антоном».

Три весны первым встречал самолет Антошка Лапкин. А нынче прозевал. Обманула его зима. Апрель развел на улице лужи, всю землю сделал мокрой, слякотной, неприглядной. Зиме это не понравилось, она дохнула северным ветерком и за одну ночь побелила землю тонким, чистым снежком.

Антошка, уже неделю торчавший после уроков за околицей, решил, что самолет сегодня не прилетит. А он прилетел.

Мальчик это сразу понял, как только за окном просигналил дяди-Федин самосвал. Антошка бросил недоеденные щи, выскочил из-за стола, на ходу подхватил пальто и шапку и вылетел из избы.

— Вот дела-то какие! Тезка прилетел, а ты сидишь, разобедываешь,— попенял дядя Федя.

Бывший военный летчик Федор Васильевич Косогоров знал, что АН-2 для мальчика не просто тихоходный трудяга, который с весны до осени, словно неутомимая швея, стрекочет над полями, а нечто более значительное. Ведь после встречи с самолетом у Антошки началась совсем другая жизнь.

До того, как они встретились, Антошка не жил. То есть он жил, но не так, как другие мальчики. Из той жизни вспомнить нечего, кроме разных обид. А про теперешнюю можно рассказать так много, будто встречает Антошка не четвертую весну своей новой жизни, а сорок восьмую, как дядя Федя.

— Нынче «Антону» работенки прибавится,— говорил Косогоров, с трудом выруливая на жидкой, как кисель, дороге.— Видишь, как развезло. Трактором на озими и не думай въехать, вся надежда на самолет.

— Скоро совсем перейдем на удобрение с воздуха, от наземного способа откажемся,— показал свою эрудированность Антошка.

— Это точно, как в воду глядел,— улыбнулся дядя Федя.

— А когда я вырасту, то додумаюсь и зерно с воздуха сеять. И тогда за один день отсеемся, а не как сейчас — за две недели. А сроки, дядя Федя, в нашем деле — все.

— Э, брат,—вздохнул шофер,—если бы за один день сеяли да за один убирали, хлеба было бы завались.

Федор Васильевич Косогоров и Антошка Лапкин размечтались. Такое с ними часто бывает. Ну пускай себе мечтают, может, им от этого дорога покажется не такой грязной. Мы же пока послушаем рассказ про Антошкину жизнь. Про то, как из плохой жизни сделать хорошую.

Родился Антошка слабым. Рос плохо, часто болел и всего боялся: холода, речки Песчанки, деревенского пса Кабыздоха и даже своего петуха Разбойника. Мать кутала Антошку во все теплое, не разрешала пить воду из колодца и велела играть только возле дома. А какая игра возле дома? Два года, ну три поиграешь на крыльце, под крыльцом, на придворке, а потом поманят улица, сад, речка Песчанка, тропинка в лядину (густой еловый лес) и большая автомобильная дорога.

Все в Зайцеве так познавали мир, а вот Антошка до шести лет дальше своего придворка почти и не хаживал. Лишь на седьмом году, держась за мамину руку, отправился он в первое большое путешествие—за два километра, в березовую рощу на горе, в новый колхозный детский сад. А через час совершил оттуда побег.

В детском саду все было огромное, гулкое, незнакомое и все пугало. А больше всего пугал Юрка Скворцов, по прозвищу Отпетый. Он больно дергал за уши и выкрикивал глупую частушку: «Черная кошка напугала Антошку. Антошка со страху объелся картошкой».

От этого Юрки он натерпелся обид! Юрка не давал проходу тихому Антошке, который не служил в его атаманской свите. Он придумывал страшные казни: насыпал в штаны рыжих мурашей, разбивал о голову грачиные яйца или расстреливал гнилыми помидорами.

Дома Юрку пороли, но на пользу ему это не шло. После очередной порки он лихо разъезжал верхом на Кабыздохе и грозил своим

врагам неисчислимыми карами. Юркина мать, занятая целыми днями на ферме, принародно обозвала сына Отпетым и положила на его воспитание крест.

Антошка убегал из детского сада не по дороге, а канавой. Канава была пыльная, заросшая лопухами и репейником. Из-под лопухов прямо под ноги прыгали холодные, скользкие лягухи. Огромный, с черным брюхом шмель угрожающе гудел и кружил над головой. Колючие репьи хватали за рукава. Страшно было бежать по канаве, но по дороге еще страшней. Антошка поминутно приседал и озирался: пуще лягух и шмелей он боялся погони.

Мелькавшую в лопухах кепчонку и увидел из кабины самосвала дядя Федя. Он остановил машину, поглядел на затаившегося Антошку и расстроенно проговорил:

— Дела-то какие, совсем тепличный огурец.

Потом тихонько окликнул:

— Антошка, вылазь, брат. Хочешь, прокачу?

Засопел Антошка, накуксился, да куда денешься? Дядя Федя над душой стоит, просто так не отпустит. Пришлось вылезать.

— Репьев-то на тебе, как на овце. Давай-ка почистимся.

В кабине самосвала Антошка успокоился.

— Я на аэродром еду,— сказал дядя Федя.— Ты бывал у самолета когда-нибудь?

Антошка помотал головой.

— Тогда надо посмотреть. Самолет, конечно, не ахти какой. На войне такие «огородниками» называли. Вот у меня был самолет — штурмовик!

Антошка не поверил, сказал, что дядя Федя придумывает.

— Я же старый, Антон,— засмеялся шофер.— Видишь, голова сивая. А в молодости, брат, отчаянным был. Знаешь, где наш гараж стоит? Там до войны сосны росли. Я с самой высокой на парашюте прыгал. А парашютом одеяло было. За сук зацепился и повис. Порку дома задали здоровенную.

Антошка рассмеялся. Он представил себе, как дядя Федя висит на одеяле и смешно дрыгает ногами, а внизу суетятся ребята и ничем не могут помочь. Потом приходит отец, снимает дядю Федю с сосны и задает ему порку. Но все равно это здорово — прыгнуть с парашютом! Пускай-ка Отпетый попробует. За грачиными яйцами умеет лазить, а вот пускай с парашютом... Антошка начал было злорадствовать над Юркой, но вовремя вспомнил, что сам-то он в жизни ни на одно дерево не залез.

— Ну вот и аэродром. Сейчас твой тезка на посадку пойдет,— сказал дядя Федя, и они вылезли из кабины.

Аэродромом было большое клеверное поле. Оно начиналось от большака и тянулось до лядины. По бокам тоже был лес, но поменьше и не еловый, а березовый и сосновый. В этом лесу была прорублена просека, и на ней стояла высокая-превысокая вышка-раскоряка, ее голова — деревянный решетчатый круг — видна даже из Зайцева. Антошка, бывало, все гадал: кто же это такой огромный стоит в лесу головой выше деревьев? И вот она, эта раскоряка, совсем рядом. Как далеко они заехали!

На поле в два ряда наставлены красные и белые флажки. Один ряд красных, другой — белых. Флажки походили на те, что на первомайские и октябрьские праздники избачка Галя прибивала вдоль улицы, отчего кривая зайцевская улица становилась нарядной и неузнаваемой. Флажки на поле тоже обозначали улицу, по которой неожиданно, будто выскочив из темной лядины, пробежал самолет. Он бежал на белую кучу удобрений, на трактор с длинным погрузчиком, на самосвал, на Антошку. Антошке стало страшно, он спрятался за дядю Федю и зажмурился. А когда открыл глаза, то увидел, что самолет, упершись в землю короткими ногами и широко распластав крылья, стоял рядом совсем-совсем тихий.

Антошка сразу про все позабыл и не стал ничего видеть, кроме этой громадной смирной стрекозы. В том, что стрекоза смирная, можно было не сомневаться, потому что дядя Федя влез ей на спину и стал расправлять брезентовый рукав на хоботе погрузчика. Потом ковш погрузчика раскрылся, рукав надулся, и по нему потекла белая мука прямо в брюхо стрекозе. Погрузчик отступил, зачерпнул из кучи еще удобрений и опять поднял ковш.

Антошке никак не удавалось рассмотреть все сразу. Он только сейчас заметил, что в прозрачной стрекозиной голове сидят два человека в белых рубашках с галстуками. Это были летчики. Один летчик отодвинул стеклянную форточку, высунулся и пошевелил губами. Он, должно быть, что-то говорил, но за треском погрузчика не было слышно. Тогда летчик засмеялся и сделал знак рукой, будто подзывал к себе.

Антошка подумал, что летчик что-то просит у него. Но у мальчика ничего такого не было, что могло понадобиться летчику, он смутился и опустил глаза. Под ногами росли белые с желтыми солнышками ромашки. Антошка сорвал цветок и сделал несколько робких шагов к самолету. Но тут же понял, как недосягаем для него летчик. Он сидел в стеклянной кабине так высоко, что не только дошкольнику Антошке, но даже бывшему летчику дяде Феде не дотянуться до него.

Но бывает же на свете чудо! Что-то стиснуло мальчика под бока, оторвало от земли и подняло вверх. Антошка ни вскрикнуть, ни испугаться не успел. Летчик принял от него ромашку, засмеялся и надвинул Антошке на глаза козырек.

— Молодец-огурец! Расти большой.

Возвращенный на землю Антошка увидел рядом с собой незнакомого дядьку в синем

комбинезоне, из карманов которого торчали тряпки, пахнущие бензином.

— Ну как? — спросил дядька.— Хочешь быть летчиком?

Антошка молчал. Он не знал, хочет ли быть летчиком. Он вообще не знал, кем хочет быть. Он просто мальчик, ему только седьмой год, он всего боится, и его сильно обижает Юрка Отпетый. И вдруг летчиком! Разве может быть летчиком мальчик, который ни разу не прыгал на парашюте-одеяле?

— Неужели не хочешь? — удивился дядька в комбинезоне.— Все хотят, а ты не хочешь. Ну, учись тогда на механика, будешь, как я. Без механика ни один самолет не поднимется.— Дядька улыбнулся и сказал спустившемуся со стрекозиной спины дяде Феде: — Робкий у тебя малец.

Дядя Федя проворчал:

— Ну-ну, мы не робкого десятка.— И, положив на плечо Антошке руку, огорченно добавил: — Вот дела-то какие, робкими нас считают, а? Как тебе это нравится?

Антошке не понравилось, но куда денешься. В это время сверху, из кабины самолета, раздалась команда:

— От винта!.

Дядька-механик крикнул в ответ:

— Есть от винта!

Черные с желтыми концами лопасти вздрогнули, закрутились, завертелись и пропали. Вместо них появился сплошной блестящий круг. Самолет, точь-в-точь как рыбина плавниками, шевельнул рулями и побежал по дорожке, обозначенной флажками. Он добежал почти до лядины, там развернулся и что есть силы помчался назад. Вдруг оторвался от земли и пошел и пошел вверх. Все выше и выше, уже поверх леса летит, к круглым белым облакам ушел самолет. Антошка, задрав голову, глядел ему вслед и вдруг вспомнил:

— Ромашка-то полетела! — И, счастливый, засмеялся.

Антошкина мать не знала, что ее сын заболел самолетом (есть такая болезнь), а дядя Федя знал, и поэтому он сказал матери:

— Ты, Мария, не ругай нас, мы на аэродроме были.

— Так он же в садике переполох устроил! — сердито закричала мать.— Воспитательница в контору прибегала. И в кого такой дикарь уродился?

«Дикарь», насупившись, стоял у порога и молчал. За него извинялся дядя Федя.

— Виноваты, конечно, но ты не ругайся, Мария. Мы летчику цветы подарили. Вот дела-то какие.

— Защитника нашел,— сказала мать Антошке уже не так сердито.— Чего лупаешь глазами? Раздевайся да садись за стол. Целый день не евши. Горе ты мое луковое.

Антошка был прощен.

А назавтра все повторилось. С той лишь разницей, что бежал он из детского сада не домой, а на аэродром. Без дяди Феди он не решился приблизиться к самолету, спрятался в кустах у большака. Самолет взлетел прямо над ним. Грохот сваливался с неба, пригибая, словно буря, кусты. Антошка, закрыв глаза, приседал и чувствовал, как ветер, поднятый самолетом, хочет оторвать его от земли.

На третьем взлете мальчик не втянул голову в плечи, а поднял ее и увидел под брюхом самолета три колеса: два больших и одно совсем маленькое. Казалось, колеса вот-вот зацепятся за деревья, а если бы Антошка влез на стоявшую рядом березу и вытянул руку, то обязательно достал бы до колес. Он и подумал так сделать, даже подошел к березе, но ствол ее на два Антошкиных роста был совершенно гладкий. Антошке было очень досадно, что береза так высоко подняла свои ветви.

Антошку пригнал домой голод, а изба была на замке. Он пошел в сад, нашел под яблонями опадыш, вытер его подолом рубахи и стал есть. С улицы через плетень донеслись знакомые голоса:

— Строгость не поможет, Мария Ивановна. Попробуйте лаской. Уж очень он боязливый.

— Березовой кашей его попотчевать, а не лаской. Ишь моду взял — бегать!

В одну минуту Антошка оказался на яблоне и затаился.

Мать отомкнула замок, побыла недолго в избе и вышла с ведром в огород — огурцы обирать. Грядки были рядом, у забора, и Антошка все видел. Одной рукой мать осторожно приподнимала длинные зеленые плети, другой отщипывала огурцы и клала в ведро. Она не торопилась, обирала аккуратно.

Антошке невмоготу стало сидеть на яблоне. Онемели руки, в животе начало бурчать, наверно, от гнилого опадыша.

— Ма, скоро ты оберешь огурцы? — заныл Антошка.

Мать разогнулась и стала глазами искать Антошку. На яблоню она и не подумала взглянуть.

— Чего тебе?

— Слезть хочу.

— Ах, вот ты где! Какая нечистая сила тебя занесла туда?

Антошка понял, что выдал себя. Сейчас он получит обещанное. Мать стояла под яблоней и тянула к нему руки.

— Спустись пониже. Я приму.

— Ага, а сама драть будешь.— Он готов был пустить слезу.

— Ладно уж, сегодня погожу, только не сорвись смотри. Тихонько слезай,— сказала мать и рассмеялась.

И этот день для Антошки кончился счастливо.

Радостный, немного привирая, он делился с матерью:

— Я сижу, а он как побежит на меня. Бежит, бежит — и полетел. А я рукой вот так хотел дотронуться, а его уже нет, только ветер.

— Страх-то какой! — сказала мать.— А ну как свалится да на тебя.

— Что ты, мама! Он не свалится. У него же крылья. Во-от такие!

— Может, ты летчиком хочешь стать? — спросила мать, тихо улыбаясь, веря и не веря, что это ее пугливый сын один убежал на аэродром.

— А ты разрешишь? — поднял счастливые глаза Антошка.

— Ой, не знаю, сынок. Летчиком опасно, а ты ведь у меня такой слабенький.

Лучше бы она не говорила так. Антошка сразу погрустнел, и ему показалось, что все сегодняшнее было не с ним, а с кем-то другим, а он лишь видел со стороны.

Скоро начались дожди, и самолет улетел. Антошка загрустил. Целыми днями сидел он в избе у окна, водил пальцем по запотевшему стеклу и безучастно смотрел на улицу. На улице лил дождь, пузырились лужи, все живое попряталось под крышу, даже петух Разбойник не выводил своих кур на прогулку.

В один из таких унылых дней перед домом Лапкиных остановился председательский «газик» и из него вылез высокий мужчина в плаще и с чемоданом. Антошка радостно взвизгнул, сорвался со стула и кинулся на крыльцо. Мужчина подхватил его на руки и принялся щекотать лицо колючими усами.

— Папка,— закричал Антошка,— зачем ты сделал себе усы?

— Для солидности,— засмеялся отец и показал зелененький значок-ромбик на пиджаке.— Теперь я ученый. А все ученые носят усы.

Антошка понимал, что отец шутит. Какой же он ученый, если день-деньской ходит по полям? Он просто агроном, сеет хлеб, возит навоз, ругается с трактористами и по ночам пишет контрольные. А контрольные — уж это-то Антошка точно знает — пишут все школьники, но никак не ученые.

— Ну, вот,— сказал отец, раскрывая чемодан,— я свое отучился, теперь твоя очередь, Антон.

Когда отец называл его Антоном, это значило, что разговор начинается всерьез. Да и куда серьезней, если в руках у отца оказался новенький школьный ранец.

— Учись, Антон Лапкин,— сказал отец, вручая подарок.— Выучишься на летчика, будешь помогать мне хлеб растить.

От этих слов Антошка так и вспыхнул. И чего это они все про самолет? Как сговорились.

— Папка,— потупясь, спросил Антошка,— ты нарочно так говоришь, да?

— Нет, почему же? Вполне серьезно. Я ведь и диплом защищал по теме «Применение авиации в сельском хозяйстве». За самолетом, сын, будущее.

Ехать первый раз верхом все-таки было страшновато.

Все-таки отец и вправду стал ученым; сказал, а ничего не понять.

— Ты какой-то странный, Антон,—заметил отец и потрогал его лоб.— Не болел тут без меня? А, брат, да у тебя голова горячая.

— Папка,— закричал Антошка в отчаянии,— почему я у вас такой слабый? Сам ты вон какой здоровый, а я...

И Антошка заревел. В голос, с обильными слезами. Отец подхватил его на руки, легонько похлопывал по спине и растерянно уговаривал:

— Ну будет, будет... Я ведь тоже не всегда таким был, вырастешь и ты. Мало ли какими в детстве бывают...

Утешал отец Антошку, а сам думал: «Вот ведь о чем спросил, а? И ответить не могу. Днями сына не вижу. Утром ухожу — спит, вечером приду — спит. Вот задал мне задачу!»

Задумался Лапкин-отец, да ненадолго. В поле хлеб сыпался, лен под дождем гнил — и поесть некогда. А у Антошки свои дела: в школу пошел.

И все бы ничего, да записали Антошку в один класс с Юркой Отпетым. И как только таких земля держит? На первом же уроке учительница Юрку в угол поставила.

Светлана Митрофановна написала на доске букву, очень похожую на лесную вышку-раскоряку, и сказала:

— Вот это, дети, буква «А». Какие слова вы знаете на букву «А»?

Юрка первый выкрикнул:

— Антона знаем!

— Правильно,— сказала Светлана Митрофановна.— У нас есть ученик Антон Лапкин. Его имя начинается на букву «А».

— Антон — это самолет,— закричал опять Юрка.— А у нас Антошка — печеная картошка.

— Скворцов, ты плохо себя ведешь,— сказала учительница.

— Я отпетый. По мне острог плачет.

Юрка докричался до того, что попал в угол. И посчитал, что виноват в этом Лапкин. На перемене он схватил Антошку за ухо и сильно дернул.

— Хошь, ухи оторву?

Что произошло дальше, Антошка и сам не помнил. Он только увидел, как Отпетый схватился за нос и размазал по лицу кровь. Антошка побежал и наткнулся на Светлану Митрофановну.

— Вот не ожидала от тебя, Лапкин! — сказала учительница.— Оказывается, ты драчун.

И тут Антошка совершенно неожиданно для себя выкрикнул:

— Еще не так дам!

А вечером вся деревня копала в огородах картошку. Распахали по нескольку борозд и Лапкины с Косогоровыми. Антошкина мать водила под уздцы коня, а дядя Федя держал плуг. У Лапкина-старшего даже на свою картошку не было времени. Антошка, прибежав из школы, тоже взял корзину и пошел помогать матери. Но дядя Федя, распрягая коня, сказал:

— Антон, отведи-ка, брат, лошадь на конюшню.

Антошка не боялся ни трактора, ни автомобиля и даже к самолету, как мы помним, смело подходил. А коня пугался. Такие уж теперь деревенские мальчишки пошли, что лошадей видят реже, чем машины.

Но в этот день Антошка считал себя смелым: шутка ли, самому Отпетому нос разбил! Подошел к коню и протянул недоеденный кусок хлеба, который прихватил на ходу со стола. Конь мягкими губами взял хлеб и —удивительное дело — потерся головой об Антошкино плечо. Старый мерин будто говорил: «Спасибо, я тебя люблю». Тогда Антошка притянул за узду лошадиную голову совсем близко и сказал в большое волосатое ухо: «Я тебя тоже люблю».

— Ну, познакомились? — спросил дядя Федя.— Давай подсажу.

Каким смельчаком ни считал себя Антошка, а ехать первый раз верхом все-таки страшновато. Ноги не висят, а лежат на гладких лошадиных боках, отчего съезжаешь то в одну сторону, то в другую. За повод не удержаться, хватаешься за гриву, но тогда сидишь на самой холке, а это ничуть не лучше, чем на жердине.

А главное, высоко. Выше плетней, выше окон. Можно свободно рвать яблоки с веток, что протянулись из-за плетней на улицу. Антошке, однако, не до яблок, он смотрит вниз, на землю, и ему удивительно видеть консервную банку на дне лужи, кур, собирающих червяков на тропинке, следы велосипедных шин и всякую мелочь на дороге. Все это выглядит необычно, ново, будто не по своей улице едет Антошка, а по незнакомой земле, на которой так много интересного. Куры, например, кажутся вовсе без ног, велосипедный след — длинной узорчатой тесьмой, а...

— Ага, попался!

На тропинку, загораживая коню дорогу, выскочил Отпетый. Он словно ошалел: запрыгал, закривлялся, зафырчал, замяукал. Мерин шевельнул ушами, мотнул головой и отодвинул Юрку с дороги, Юрка в великой злости стукнул коня по боку кулаком.

Антошка смеялся. Ай да конь! Вот умница! Попробуй, возьми нас, Отпетый!

Однако Юрка не лыком шит. Одним манером не удалось, другим попробует. Антошка должен бы это помнить, да вот от радости позабыл. Только подъехал он к конюшне, как из-за угла выскочил Юрка с Кабыздохом и закричал:

— Возьми его!

Собака кинулась коню под ноги, конь шарахнулся в сторону, и Антошка слетел в лужу. Это было даже не страшно, а только удивительно: вот же сидел на коне — и вдруг в луже. Отпетый хохотал и издевался, как только мог.

— Антошка-лепешка, мокрая курица, в луже жмурится. Ай-ля-ля, вот так шмякнулся!

Антошка поднялся, расставил пошире ноги и сжал кулаки. Отступать никак нельзя. Если сейчас убежит, то уж ни за что не сможет рассказать отцу и дяде Феде, какой он видел свою улицу сверху.

— Подойди попробуй. Живо нос расквашу.

Это было сказано так решительно, что обидчик не посмел приблизиться, состроил гримасу и убежал. Вот тебе и Отпетый! Храбрец среди овец...

После морозов и метелей пришла весна. В тот год она выдалась ранняя. На календаре стоял март, а сугробы уже осели, сосульки свесились с крыш, к полудню с них накапывали лужи, и старый петух Разбойник, запрокидывая голову, пил из них хмельную мартовскую брагу.

Однажды вечером отец, снимая у порога забрызганный грязью плащ, шумно вздохнул и сказал:

— Фу, кажется, управился. Завтра надо ждать самолет.

Антошка потерял покой. В классе сидел чрезвычайно рассеянный, все глядел в окно, ерзал на парте и едва дождался конца уроков. Как только прозвенел последний звонок, он выскочил из школы и помчался на клеверное поле.

На аэродроме разноцветными кучами лежали удобрения; калийная соль — красная, как ягода журавина; суперфосфат — серый, как мартовский снег, а аммиачная селитра — белым весенним облаком.

Как-никак Антошка был сыном агронома и кое в чем разбирался. Он знал, что эти красивые кучи, рассеянные с самолета по озимым, обернутся к осени другими — золотистыми кучами зерна. Зерном завалят все: навесы, сараи, амбары. Оно горой поднимется на току. Его станут сушить, сортировать, возить на запыленных самосвалах, а комбайны с утра до вечера будут жать, жать, жать...

В такие дни Антошкин отец валится от усталости, как сноп, едва добравшись до дивана. А утром, вскакивая до солнца и торопливо, прямо из кринки, глотая молоко, твердит одно и то же: «Ох, привалило... Ох, и привалило нынче...»

Потеряет покой и мать. Она в своей конторе до того нащелкается на счетах, переводя папкину работу в цифры, что вечерами глотает пирамидон и жалуется, что голова у нее пухнет от этой адской работы. И Антошка

знает, почему такое происходит с его родителями. Потому что пошел хлеб.

Антошка походил между куч, попробовал удобрения на ощупь. Сухие, рассеиваться будут хорошо. Только бы дождь не пошел.

Самолета еще не слышно, и заняться больше нечем. Разве что сбегать к дяде Феде и дяде механику. Они на краю аэродрома, у склада ГСМ, то есть горюче-смазочных материалов, сгружали с машины бочки. Антошка уже снял ранец, чтобы бежать налегке, но в это время в небе послышался слабый рокот. Мальчик задрал голову и стал высматривать самолет.

И вот из-за темной лядины, словно легкий голубой корабль, выплыл и пошел к земле АН-2. Антошка подкинул вверх ранец, потом шапку, а потом просто стал махать руками.

Еще большая радость охватила мальчика, когда вылезший из самолета старший пилот вдруг сделал большие глаза и воскликнул:

— Ба, знакомый огурец! Счастливая примета.

Однако веселым летчик был недолго. Он огляделся и нахмурился.

— И где этот академик Лапкин пропадает? Время не ждет.

Тогда Антошка тоже насупил брови и сказал летчику:

— Он не пропадает. Он вовремя управился.

Подошли механик с дядей Федей, поздравили летчиков с прибытием. Летчик велел механику проверить левый элерон. Антошка, выбрав минутку, переспросил у дяди Феди:

— Дядя Федя, что такое элерон?

Бывший военный летчик прокашлялся и сказал:

— Элерон — это закрылок. Непонятно? Тогда так: задняя подвижная часть крыла. Хм... Опять, неясно? Элероны делаются на крыльях для того, чтобы самолет мог разворачиваться. Вот гляди.—Дядя Федя раскинул руки и кисть левой руки загнул кверху, а правой опустил вниз.— Видишь? Руки — это крылья, а кисти — элероны. Они всегда действуют так: один вверх, другой вниз. Поток воздуха левое крыло опускает, правое поднимает, а руль поворота заносит хвост — и самолет делает круг. Дошло?

Ну, конечно, дошло. Это же каждый мальчишка знает. Когда бегаешь кругами, надо одну вытянутую руку держать книзу, другую — кверху. Совсем просто. А когда не знаешь, думаешь, как это самолет кружится? Оказывается, все дело в элеронах. Какое интересное слово! Так и хочется поглядеть на небо. Кажется, оно пришло оттуда, из голубой бездонности. Легкое, певучее и такое же голубое-голубое.

Антошка перекатывал во рту новое слово так и этак. Сначала шепотом, потом вполголоса. А потом он побежал через поле в лес. Добежал до просеки, раскинул руки и стал «облетать» невысокую березку, напевая во весь голос.

— Элероны, элероны, элерончики,
Элерончики, вы милончики...

Песня из одного слова длилась до тех пор, пока Антошка не закружился окончательно. Брякнулся на землю и подумал: худо, голова кружится. А у летчиков голова не должна кружиться. Вот возьму и стану каждый день бегать по кругу. А еще заберусь высоко-высоко, на самую большую сосну.

Антошка отлежался и пошел по просеке, выискивая нужное дерево. Подходящего все не попадалось. Так дошел он до вышки-раскоряки и увидел, что внутри вышки, от площадки к площадке, идет лестница. Она была сделана из бревен, а перекладины — из поленьев. Шаг у лестницы такой большой, что если стать на одну перекладину, то вторая как раз на уровне груди придется. Трудно лезть, а надо. Иначе не бывать летчиком.

Он решился. Скинул пальто, ухватился за перекладину, подтянулся. Так, один шаг в небо сделан. Теперь второй. Не торопись, Антон, спокойно. Это тебе не конь, тут шмякнешься, костей не соберешь. И на землю не смотри, смотри вверх. Когда смотришь вверх, лестница сама тебя тянет. Ну вот видишь, уже и площадка. Первый этаж одолел. Сядь, передохни, а то и ноги и руки дрожат. Посиди, освойся, а потом можно и дальше. Впереди дней много — целое лето, успеешь взобраться и на четвертый этаж, к самой вышкиной голове.

Посидел Антошка на площадке, порассуждал сам с собой и стал спускаться. Не благоразумие его удержало, а просто силенок не хватило. На эту вышку даже лесники, когда смотрят, нет ли где пожара, взбираются с отдыхом, а где уж первокласснику Антошке!

Но оказалось, что и целого лета мало, чтобы взобраться на такую громадину. Этаж с четвертью одолел Антошка в тот год. До второго добрался на следующее лето. А до четвертого еще через год. Это уже когда он в четвертый перешел.

Стоял май, занятия в школе кончились, и Антошка целыми днями пропадал на аэродроме. Иногда прибегал туда и Юрка со своей свитой. Баловаться у самолета не разрешали, и компания долго не задерживалась. А в этот раз на Юрку нашло, он взял да и забрался на хвостовое оперение самолета. Механик так рассердился, что турнул с аэродрома всю Юркину компанию.

— А его чего не гонишь? — закричал Отпетый, указывая на Антошку.

Механик погрозил Юрке кулаком и сказал, чтобы его ноги тут больше не было. Обиженный атаман подкараулил на опушке леса Антошку, схватил сзади и сказал своей свите:

— Глядите, сейчас я этому любимчику башку откручу!

Антошка повернулся к неприятелю лицом и, ни слова не говоря, двинул его кулаком в

грудь. Отпетый так и сел. Но тут же вскочил и, ослепленный яростью, кинулся на Антошку. Антошка не стал больше бить Юрку, а обхватил его руками и положил на обе лопатки.

Ох как тяжко было подниматься Юрке! Он повернулся лицом вниз, оперся на руки, поднялся и, ни на кого не глядя, пошел к дороге. Немного погодя следом отправилась и компания.

А Антошка подошел к вышке, поглядел сквозь переплетение бревен на облака и сказал сам себе: «Заберусь!»

В тот день он поднялся на самую верхнюю площадку, и, когда посмотрел вокруг, сердце его замерло. Зеленая шуба леса расстилалась до самого горизонта. А в другой стороне, к Зайцеву, лежали поля. Они были словно нарисованные — зеленые, коричневые, желтые квадраты. Между полями голубой ленточкой вилась речка Песчанка. Стоило еще немного повернуться, и открывалось Зайцево. В деревне можно все дома пересчитать. Вон там тракторная мастерская, гараж, левее, за березами, школа, а еще левее, на пригорке, детский сад, из которого давным-давно убегал маленький пугливый мальчик.

Чтобы не вспоминать то неприятное время, Антошка перевел взгляд на аэродром. Вон он стоит, маленький голубой АН-2. И впрямь похож на стрекозу, опустившуюся на белый ромашковый луг. Но что это? Откуда дым? Людей нет, все уехали на обед, а белый, как туман, дым наплывает на аэродром и вот-вот закроет самолет.

Антошка глянул подальше и все понял. Горела трава в закустаренном овраге. Это не страшно, до самолета далеко, да и на клеверном поле гореть нечему. Но у оврага склад ГСМ. Бензин, масло. Хоть и в землянке, а вдруг...

Антошка поспешно стал спускаться вниз. Ноги дрожали. Скорее бы кончилась эта лестница! Фу, даже не верится, что он уже на земле.

Он побежал к оврагу. Огонь, широким фронтом слизывая красными языками сухую траву, выползал из оврага. До землянки сто метров, а может, и того меньше. Антошка топтал огонь ногами, ногам в легких кедах стало жарко. Он сбросил куртку и стал сбивать огонь ею. Черный пепел набивался в рот, дым ел глаза. Антошка на минуту отступал, чтобы вдохнуть свежего воздуха, и снова кидался на огонь. Он ничего не видел, кроме красных языков, с треском пожиравших бурьян.

— Ну, полно, Антон, угроза миновала,— сказал сзади дядя Федя.— Сам-то не ожегся? Дай-ка осмотрю. Подзакоптел малость, но ожогов не видать.

У Антошки кружилась голова и спирало грудь. Это он дыму наглотался. Но на воздухе скоро прошло. Тем временем дядя Федя что-то горячо доказывал летчику. Летчик

Он сбросил куртку и стал сбивать огонь ею.

сначала сердито мотал головой, потом засмеялся и сказал:

— От тебя разве отвяжешься, старый бомбовоз.

Это означало, что летчик разрешил дяде Феде и Антошке сесть в самолет и прокатиться один круг. Для бывшего летчика то было воспоминанием прошлого, а для Антошки... Я не берусь описывать, чем был для него этот полет. Лучше вы уж сами поднимитесь в воздух и все поймете. А я закончу на этом пересказ коротенькой Антошкиной биографии, тем более что самосвал уже въехал на аэродром, и Антошка с дядей Федей здороваются с летчиками.

— Привет бывшему и будущему! — сказал старший пилот, подавая руку дяде Феде и Антошке.— Опять я не вижу академика Лапкина.

— Парится наш академик,— ответил дядя Федя.— В район вызвали: почему с подкормкой задерживаемся? А весна, видишь, какая.

— Непутевая весна,— вздохнул летчик.— Две недели в воздух не выпускали.

— Вас не выпускали, а мы сами не могли на озими въехать,— нахмурился дядя Федя.— Давайте нажимайте, а то хлеба не доберем.

— На двадцать центнеров замахнулись,— вставил Антошка.— Кровь из носу, а надо сделать.

— Сделаем, товарищ Лапкин,— смеясь, сказал летчик и хлопнул Антошку по плечу.— Иди-ка, помоги механику. Сегодня, вижу, не работать. Не ждали вы нас.

— Все жданки съели! — крикнул Антошка и побежал помогать механику.

Они поставили на элероны и рули струпцины, закрепили самолет тросами и штопорами и стали укрывать мотор чехлом. Антошка сидел верхом на капоте и расправлял брезент.

— Подтяни еще,— командовал снизу механик.— Так, теперь фонарь укрой.

Антошка не слышал. Он как глянул в кабину, так и прилип носом к прозрачному плексигласовому фонарю. Боже мой, чего там только не было! Стрелки, рукоятки, штурвалы, тумблеры... Как это летчик разбирается в этом темном лесу?!

— Антон, ты оглох? Что у тебя там заело? — сердился механик.

А бывший штурмовик Косогоров и старший пилот трудяги «Антона» глядели на мальчишку и улыбались.

— Эх! — сказал Косогоров.— Ты хоть на тихоходе да небо бороздишь. А я грязь на колеса наматываю.

— Ничего, старина,— утешил пилот,— скоро он за тебя полетит. Видишь, как примагнитило его.

...Так началась четвертая весна новой и счастливой Антошкиной жизни.

Зоя ТУМАНОВА

Мне кажется...

Мне кажется, что-то случится
Такое... не знаю какое.
Влетит в нашу форточку птица,
Закружит, не зная покоя...
Не горлинка и не синица,
А кто же? Не знаю...
Наверно, она неземная,
Наверно, с далекой планеты!
Я первый узнаю об этом!
И в этот же день заодно
Мне скажут: «Снимайся в кино!»
Дадут мне коня,
Седло, чтобы было как раз для меня,
И саблю:
Все знают, я храбрый!

Я думаю, всякое может случиться,
Наверно, я мог бы летать научиться
За горы и за океаны,
В далекие, странные страны.
И если ведут коммуниста на плаху,
Примчусь я с оружьем, не знающий страха!
И спросит спасенный: «А как вас зовут?
Во сне вы мне снитесь иль вы наяву?»
А я не скажу. Промолчу.
И снова на помощь к другому лечу...

...Кто там на углу меня ждет?
В окно потихоньку стучится?
Секунда — и дверь отворится...
Войдет...
Наверное, что-то случится!
Я знаю: ведь что-то случится!

Б. ЛАПУЗИН

Маяк

Он стоит на скале,
он дежурный земли.
Самым храбрым он призван помочь.
Корабли, корабли, корабли, корабли —
день и ночь, день и ночь, день и ночь.
Плачут горестно чайки над буйной волной,
и лучи простирает маяк.
Хоть бы взяли его, бедолагу, с собой.
Он моряк!

Но крепка под ногами крутая скала,
и ничем ему грусть не унять.
В дальний рейс вся команда однажды ушла,
а его позабыли взять.

И остался он верен нелегкой судьбе —
помогать самым храбрым в морях.
Он напомнит не раз еще всем о себе.
Он моряк!

Рисунки А. ВОВИКОВОЙ.

Алексей **КОНДРАТЬЕВ**

За каждой рекою

За каждой рекою,
За каждой горою
Есть кто-то,
Еще не увиденный мною.
И очень мне хочется
Встретиться с ним,
Знакомым,
          товарищем,
                    другом моим.
Я знаю:
сейчас
перейду через реку.
Я знаю:
сейчас
подойду к человеку
И бережно,
Как разжигают костер,
Неторопливый начну разговор...

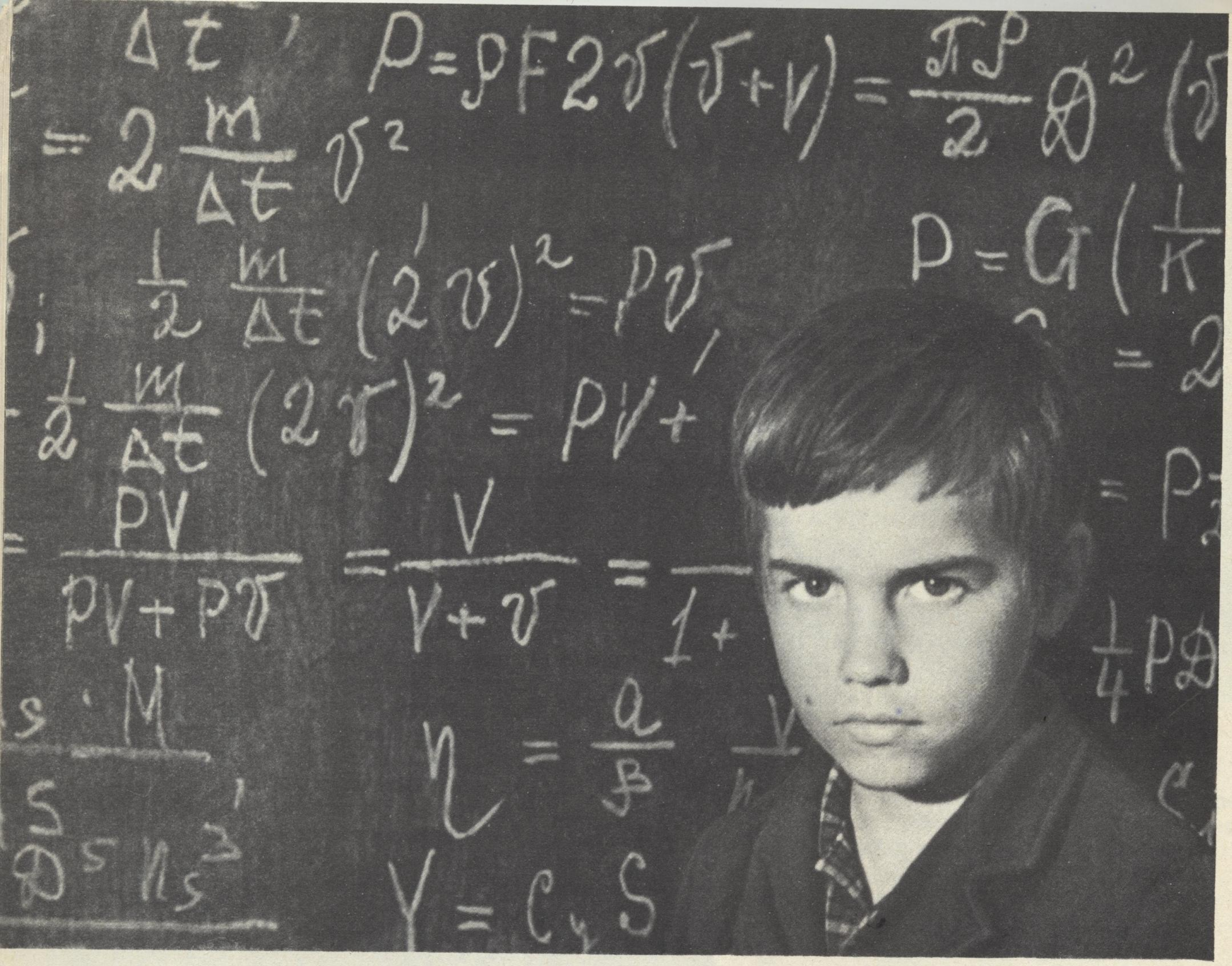
Скорее в дорогу!
Он может уйти,
Уехать совсем,
По другому пути.
Тогда не придется
Увидеться с ним,
Знакомым,
          товарищем,
                    другом моим.

Константин **КОВАЛЕВ**

Я помню...

Я помню в детстве все росло
Легко, стремительно со мною:
Деревья, озеро, село
И каждый камень под луною.
Росли на небе облака,
Рос мох на срубе заскорузлом,
Росли глаза мои, река
С мальками, травами и руслом...
Росли дожди, росла трава,
Врастал я в мир воображенья.
Росли знакомые слова,
И разрастались их значенья.
Еще за хатой лопухи
Росли, и подрастала хата.
Росли, росли во мне стихи,
Чтоб после прозвучать когда-то.
Теперь я вырос, и со мной
Расти все будто перестало:
Село — селом, луна — луной,
Все без конца и без начала.
И лишь, как в детство оглянусь,
Растет, растет со мною снова
Весь мир, знакомый наизусть
И обращенный мною в слово.

Рисунки А. ВОВИКОВОЙ.



НАУКА В ТВОЕЙ ЖИЗНИ

Беседа с министром высшего и среднего специального образования РСФСР **Всеволодом Николаевичем СТОЛЕТОВЫМ**

Фото В. ПОСТНИКОВА.

Про будущую профессию, пусть даже и невсерьез, думает даже маленький ребенок. «Кем ты станешь?» «Летчиком»,— важно говорит он. Или: «Пограничником, космонавтом, милиционером, пожарным...» Цели у малышей всегда возвышенные, благородные — они хотят защищать и спасать человечество, штурмовать небо. Они еще не знают, что этим заняты и люди других профессий. Прежде всего люди науки.

О выборе своего рабочего места — уже с некоторым пониманием дела — снова задумываются в середине школьного пути, где-то в шестом, седьмом, восьмом классах. Не многие тогда представляют, из какого множества профессий (больше тысячи ста!) им предстоит выбирать. Но уже в эту пору начинает вырабатываться у человека путеводное чувство ответственности, желание работать там, где он нужнее всего Родине. И вам, ребята, конечно, будет интересно прочитать, что об этом говорит профессор ВСЕВОЛОД НИКОЛАЕВИЧ СТОЛЕТОВ — руководитель министерства, в ведении которого почти все институты и техникумы на территории Российской Федерации. Наш корреспондент ЭЛЛА МАКСИМОВА попросила его ответить на вопросы, которые, вероятно, вы сами не раз задавали себе.

— Многие школьники считают, что если они станут, скажем, фрезеровщиками или комбайнерами, то им уже не понадобятся книги, не нужны будут ни алгебра, ни химия, ни биология. Правильно ли это?

— Для нынешних учеников пятых, шестых, седьмых классов настоящая творческая работа, когда они будут зрелыми мастерами в своей профессии, начнется, как я полагаю, лет через десять — пятнадцать. Значит, без колебаний могу ответить: их работа обязательно будет связана с наукой, каким бы делом они ни занимались.

Ведь что такое наука? Это — постоянное желание людей узнавать тайны жизни природы и общества, узнавать законы их развития и с помощью этих законов разумно управлять ими.

Есть выражение — школьные науки. Они учат ребят основам человеческих знаний. Чтобы добыть их, ученые истратили сотни и даже тысячи лет на исследования и раздумья. Очень трудно представить себе, что все эти знания **открыли**, что было время, когда их не существовало вовсе и люди стояли перед стеной непознанного, таинственного.

Таких «стенок» немало и сейчас, однако наука стала столь мощной, столь знающей, что смело проникает во все области человеческой работы. Состав удобрения, расписание городского транспорта, управление заводом, возведение дома, воспитание детей — всем теперь занимается наука.

Машины, пришедшие на помощь людям, — от тех, что стирают белье, до тех, на которых получают энергию в миллиарды электрон-вольт, — становятся все разнообразнее. И успехи в использовании техники все больше зависят от знаний и сообразительности того, кто ею управляет.

Пахота с помощью сохи, или посев из лукошка, или кустарное ткачество давали немного пищи уму. Другое дело — комбайн или автоматическая прядильная машина. Чем сложнее техника и грамотнее работающий человек, тем больше возможностей для выдумки. Соединенные усилия машины, которая многое может, и человека, который много думает, сулят большие научные достижения.

— Следует ли заранее, предположим, в шестом-седьмом классах, наметить, что делать после школы, куда идти?

— Думаю, что это не обязательно. Исключение, пожалуй, составляют ребята с уже проявившимися данными для профессиональных занятий музыкой, искусством. А остальные пусть добросовестно, сознательно выполняют школьные учебные планы и пробуют себя на разных поприщах. Как выбирать, не испробовав? Так можно и похоронить в себе какую-нибудь важную способность, если не дать ей проявиться.

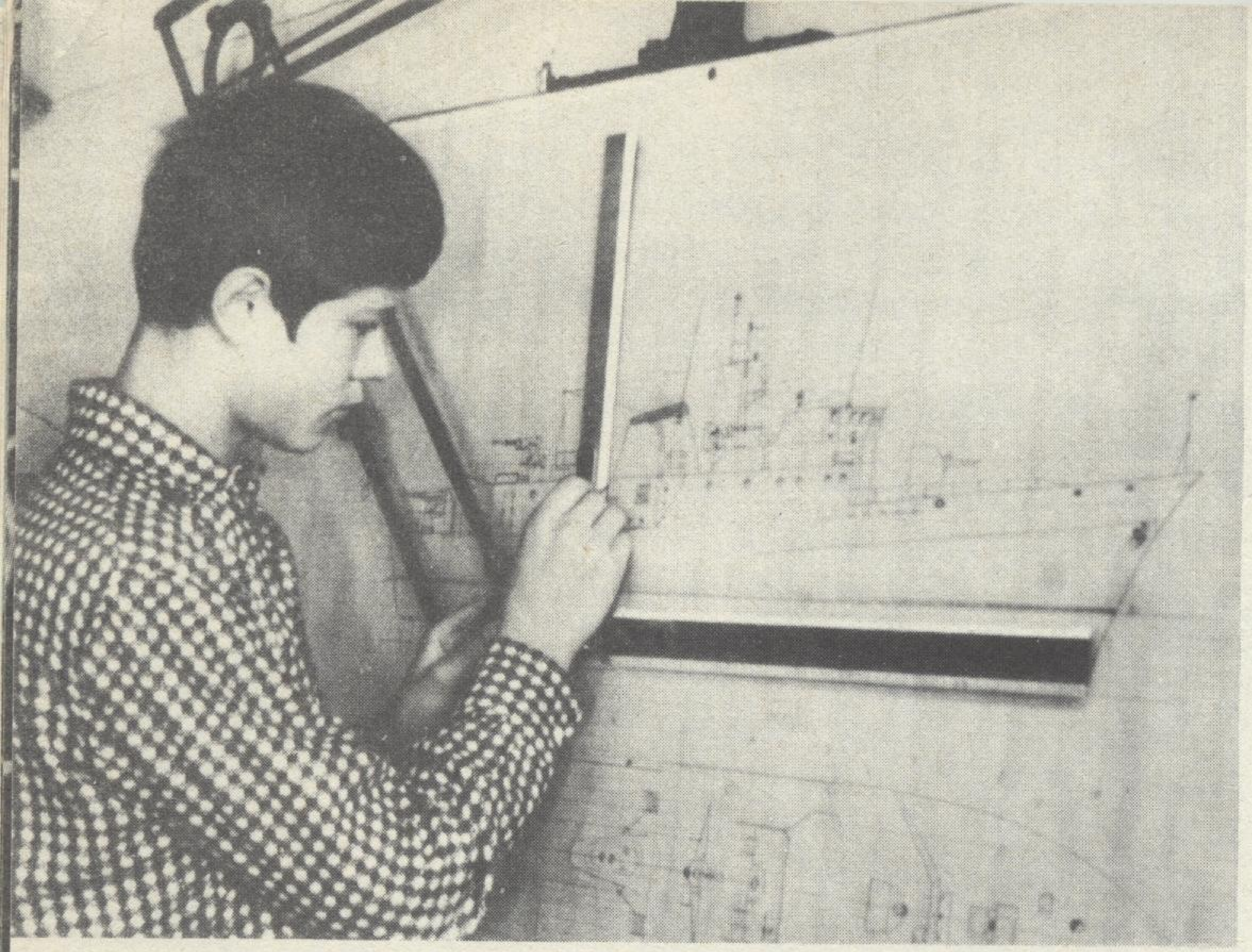
Я не признаю такой характеристики: способный. Способный обязательно к чему-то. А вот к чему?

Был я знаком с одним шофером. Никакого интереса к чтению, к книге, зато в машине для него не существовало загадок: знал ее по винтикам, на ощупь, на слух, мог разобрать и собрать все узлы вслепую. В школе про него говорили «неспособный» и поставили, что называется, на человеке крест. А если бы привлекли его там к техническому кружку, к конструированию, заставили почувствовать нужду в математике, в физике, может быть, эта способность к пониманию машины развилась бы раньше и повела парня в техникум или институт.

Конечно, школьное увлечение не всегда устойчиво, иногда исчезает столь же молниеносно, сколь появляется. Но ничего, свой след в душе оно оставило. И может так случиться, что спустя много лет, соединившись со знанием, приобретенным совсем в других науках, оно вдруг вернется и направит мысль по новому руслу.

— Что лучше: идти в высшую школу сразу после средней или сначала поработать, испытать себя?

Ответ зависит от выбора рода деятельности. Если к концу школьных занятий стало ясно, что у тебя есть серьезный **научный** интерес к математике, физике, литературе, разумнее продолжать образование, а если определилась склонность, например, к агрономии, то куда полезнее пойти на два-три года в родной колхоз. Потом будет легче и интереснее учиться, да и специалист получится более ценный. То же самое отношу к инженерным специальностям, связанным с машиностроением, стро-



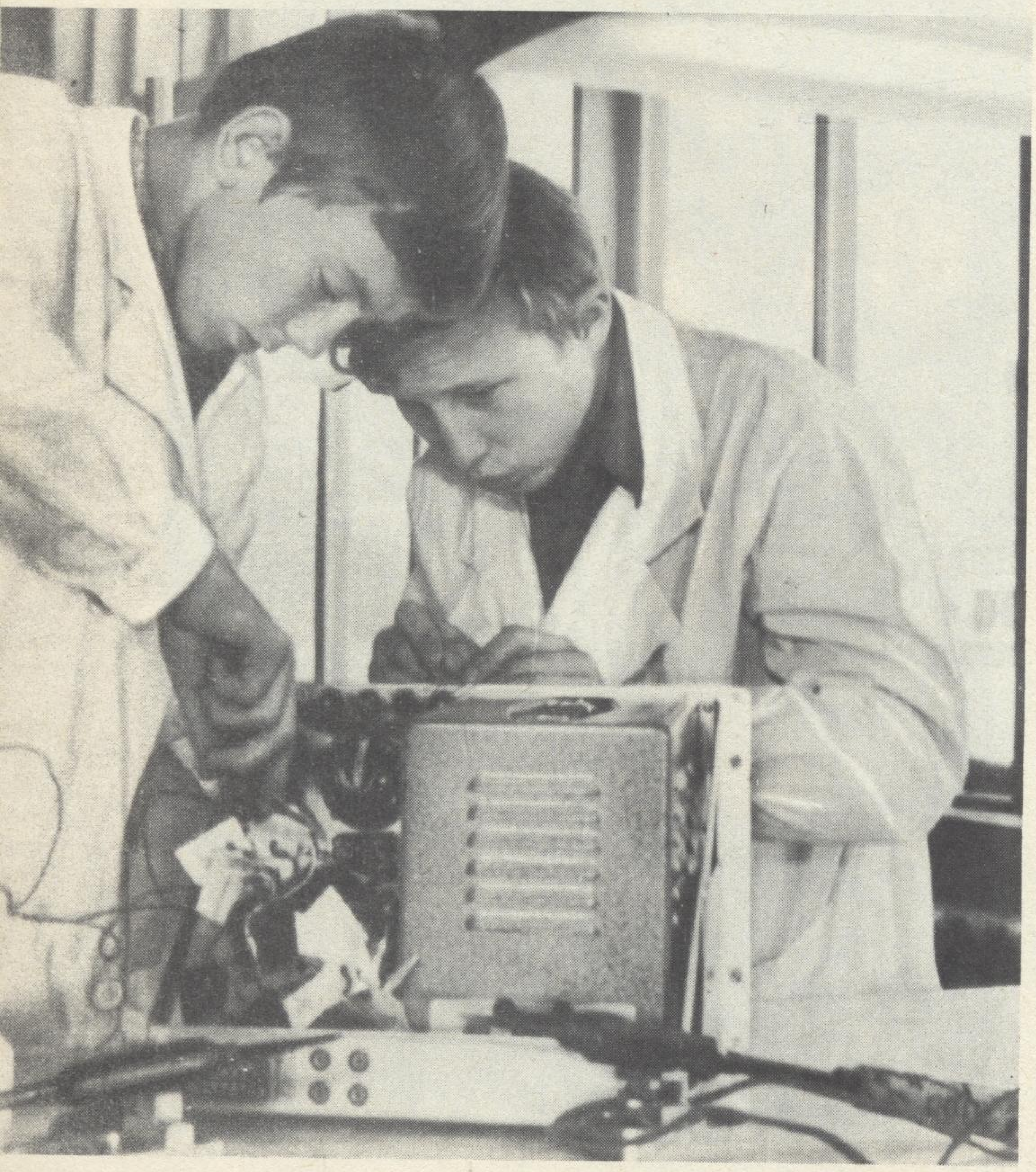
ительством и т. д. Но ни на миг не прекращать самообразования, то есть читать, размышлять, упражняться.

— Среднее образование должно быть у каждого. А высшее? Нужно ли оно всем?

— Я бы сформулировал так: всем едва ли надо и едва ли получится, однако стремиться к тому, чтобы рано или поздно получить высшее образование или закончить техникум, обязательно.

В нашей стране человек не закрепляется навечно за той работой, которой по желанию или воле обстоятельств занялся после школы. Переход от труда на заводе, в шахте, в колхозе к учению в высшей школе — дневной, вечерней, заочной — несложен и вполне возможен для каждого.

Я недавно повстречался со своей одноклассницей, с которой мы кончали вместе школу почти пятьдесят лет тому назад. Помню, сознательно стремились в вуз из большого нашего выпуска, из девяноста человек, всего десять — пятнадцать. Остальные решили: «Поживем — посмотрим». И эта девушка про вуз тогда не думала, да и условия в семье так сложились, что она пошла в медицинское училище и стала медсестрой. А теперь я беседовал с доктором, профессором медицины, заведующей кафедрой. Если так устроилась судьба школьницы двадцатых годов, насколько легче, скорее пройдет подобный же путь современная девочка, которая не сумеет по каким-либо причинам перешагнуть из десятого класса прямо в медицинский институт.



— Кому вы посоветовали бы идти в техникум?

— Тому, кто легче осваивает новые знания, когда они более предметны, то есть связаны не с отвлеченными теоретическими законами, а с вполне осязаемыми вещами — машинами, приборами, землей, живой природой. Скажу снова: этот шаг вовсе не обязательно определяет весь ход дальнейшей жизни, ничему не препятствует, никаких дверей не закрывает, а только позволяет раньше испробовать себя на конкретном деле. И в конечном итоге может не замедлить, а, наоборот, ускорить получение высшего образования.

— Каких особых качеств ума, характера требует занятие наукой?

— Любознательности, трудолюбия, глубокого освоения научных богатств, уже накопленных в книгах. Конечно, тех, которые доступны пониманию. А еще — одержимости в желании обогатиться знаниями. Без этого идти в высшую школу нечего, просто там будет очень тягостно и скучно. Пристрастие без знаний, без усердия — вздор, заблуждение, от которого надо постараться вовремя избавиться. Даже если папа или мама настаивают на поступлении в институт. Вот тот единственный случай, когда я посоветовал бы больше прислушиваться к себе.

— Как вам кажется — есть ли у школьника возможность заниматься наукой более или менее серьезно?

— Прежде всего я считаю, что сами уроки, выполнение домашних заданий—уже занятие наукой, первая ступень овладения научным знанием. На этой ступени, чем бы человек ни увлекался, ему необходимо хорошо усвоить и математику, и биологию, и историю. Познание окружающего мира и себя как биологического и общественного существа — это закладка фундамента для работы всей жизни. Все школьные науки важны и могут пригодиться. Достаточно сказать, например, что современные инженеры все чаще прибегают к живой природе в поисках новых конструктивных идей и решений.

Вот при всем этом желание узнать какую-то науку подробнее, почитать научно-популярные кни-

ги, походить в музеи, на выставки, записаться в кружок прекрасно и похвально.

— А не создаст ли это перегрузки?

— Такая перегрузка, по-моему, вещь кажущаяся или выдуманная. Занятие любимым делом, интересным делом не переутомляет, а рождает новые силы. По честному счету: сколько времени уходит на пустые промежутки дня, которые не труд, не отдых, а так, выброшенные в бездну часы?

Не должен человек, даже юный, у которого впереди еще много и лет и десятилетий, тратить время на любое занятие. К любому занятию я отношу и кино. Не определенную картину, которую хочешь, которую полезно посмотреть, а кино вообще, телевизор вообще. Простите за резкость — пустое глазение.

Дорожить временем — значит уметь считать его и планировать. Привычка, которую вырабатывают и тренируют с детства. Чем взрослее человек, тем меньше времени остается. Оглянулся — ба, сколько его ушло по пустякам, без нужды! Ушло время... Страшные, если вдуматься, слова. Ушло, утекло, улетучилось, и не вернешь, не восполнишь.

Да, так о перегрузках. Заниматься наукой можно только не считая часов, не торгуясь с книгой, с бумагой, с тем же временем. Размеренного занятия наукой не бывает. И кто к этому не готов, на это не способен, — держись от нее подальше.

Я наблюдал немало примеров, когда молодые, в сущности, люди через семь — десять лет после окончания института уже защищали докторские диссертации, делали заметные открытия. Я интересовался: что это — проявление таланта? Не только. Быстрый и даже сверхбыстрый рост — почти всегда еще и следствие воли, организованности, самодисциплины и самовоспитания в школьные годы.

— А какие школьники обычно оказываются лучшими студентами?

— Этот вопрос вы мне уже задавали, когда спрашивали, каких качеств требует от человека наука. Повторю с удовольствием: трудолюбивые, любознательные, преуспевшие в школьных премудростях. Как министр, могу твердо обещать таким школьникам: места в высшей школе им обеспечены.

Макс ДАХИЕ

НЕИЗВЕСТНЫЙ СОЛДАТ

У стен Кремля,
От времени щербатых,
В ту землю,
Что зовем священною землей,
Могила Неизвестного солдата
Пятиконечной
Врезана звездой.
...Мальчишкой,
Распихав в карманы гильзы,
Я провожал к вокзалам
Наши роты,
А мимо шли
Пропыленные «кирзы»
И гимнастерки,
Темные от пота.
Я сбоку к ним
Пристраивался ловко
И, чтоб догнать,
Бежал сквозь мерный гул
И помню,
Как боец
Вдруг снял пилотку
И звездочку
На память протянул...
У Вечного огня
Гляжу на пламя...
И вижу звездочку
И тот веселый взгляд,
И тихо
Пересохшими губами
Я говорю:
«Я знал тебя,
Солдат...»

Костя Емельянов, вожатый октябрят

Часто пишут в «Пионер» вожатые октябрят. И вот, отвечая на все просьбы, мы хотим тебя познакомить с Костей Емельяновым. В то время, о котором мы рассказываем, Костя учился в шестом классе московской школы-интерната, а его подшефные октябрята — в первом.

Костя не знал, что в течение месяца — с 1 по 30 октября — один взрослый наблюдатель вел дневник Костиных занятий, разговоров, игр с ребятами. Вот его-то мы и печатаем сегодня.

Стоит, может быть, в самом начале заметить, что Костя Емельянов, объясняя, почему он хочет работать с октябрятами, сказал:

— С ними очень интересно! Они маленькие, мне нравится им во всем помогать. Они еще многого не знают, и все им интересно и ново. Я хочу, чтобы они были дружными и за все общие дела брались охотно.

Рисунки Е. МЕДВЕДЕВА.

4 ОКТЯБРЯ. Костя первый раз пришел в свой подшефный класс. Познакомился с учителем и воспитателем (пришел после уроков, первоклассников уже отпустили). Попросил разрешения посмотреть «технику», наладить работу фильмоскопа. Узнал расписание занятий у малышей, сказал, что придет в понедельник, шестого октября.

6 ОКТЯБРЯ. Костя взял из класса свою звездочку, посадил всех в пионерской комнате и показал диафильм про «Ребят-трулялят». Диафильм короткий, но веселый, ребятам очень понравился. Все принялись составлять все новые и новые слова (мальчишки-трулялишки, козленок-труляленок, опята-трулялята, и так без конца). Все громко говорили и смеялись.

КОСТЯ. Ребята, нам тоже весело, как и всем, о ком рассказано в этом фильме. Правда?..

— Да! Да! Да! — закричали все.

— А когда всем весело, что хочется сделать?

— Посмеяться, повеселиться!

— А еще что? Спеть! Спеть всем вместе! Давайте споем!

Но тут выясняется, что малыши не знают слов ни одной песни. Тогда Костя предлагает «Веселое звено». Но ребята и ее не знают. Костя прочитал наизусть слова, и все вместе пели с большим воодушевлением.

Костя пришел утром в спальню к малышам. Показал, как правильно заправлять постель. Поставив песочные часы, сказал, что посмотрит, кому сколько времени нужно, чтобы убрать постель быстро и красиво. Отличился Эрик. Но ребята заметили, что он нечестно все сделал: простыню не расправил («Все равно не видно!»). Кто-то стукнул Эрика, началась общая перепалка, которую никак не мог прекратить вожатый. Пришлось звать воспитателя.

Октябренок Эрик во время встречи с вожатым на все вопросы старался ответить первым, даже выкрикивал: «Я знаю!», «Я первый», «Я лучше всех!». Костя как будто не замечал этого, не обрывал Эрика, но и старался не спрашивать его лишний раз. Совсем иначе вела себя Люся, которая сначала не стала даже петь с ребятами, так она стеснялась. Костя и это заметил, но не подал вида. Потом Люся увидела, что на нее не обращают внимания, и стала чуть-чуть подпевать. Лишь в конце встречи Костя спросил Люсю, знает

ли она какие-нибудь смешные песенки. Люся ужасно застеснялась и промолчала. Встреча окончилась, и Костя повел ребят в класс. Там их ждала воспитательница. Она очень удивилась, когда услышала, что молчаливая Люся при прощании с Костей пообещала принести из дома пластинку с песней «Ребята-труляля».

9 ОКТЯБРЯ. Во время прогулки Костя организовал игру в пряталки. Среди играющих была вся его звездочка. Ребята стали ревниво оберегать своего вожатого от других ребят. Кто-то сказал: «Уходите, это наша звездочка играет! Это наш вожатый!»

Костя, услышав это, сказал: «А мы играем все вместе, не делимся на звенья. И всем интереснее и веселее, когда ребят больше». Но Эрик как будто не слышал этих слов, он толкнул кого-то и закричал: «Давай сматывай удочки, кому говорят!»

КОСТЯ. Я к вам пришел играть, а не ругаться. Пока ссоримся, у нас время тает, вот и не останется на игру. А я придумал такую вещь, что ух! Нас много, можно переодеваться — меняться платками и шапками!

Это привело всех в восторг.

Игра прошла весело. В конце встречи Костя собрал всех ребят и сказал: «Здорово было? Все повеселились? Наша звездочка приглашает всех ребят приходить на наши игры. Правильно, ребята?» И все охотно согласились.

13 ОКТЯБРЯ. Костя собрал звездочку и увел ее в пустой класс. Он сказал ребятам, что у них сегодня не просто встреча, а сбор звездочки, поэтому надо встать на линейку. Показал, как надо стоять в строю, попросил командира звездочки Олю построить всех ребят.

Ребята после сбора наперебой рассказывали воспитателю, что было очень интересно, что вожатый в следующий раз будет следить по часам, как быстро строятся, и что он велел всем хорошенько потренироваться.

Костя рассказал ребятам о знакомой девочке, очень аккуратной. Ее все за это хвалили, а потом оказалось, что все за нее делала бабушка, даже портфель в школу носила.

— И в нашем классе есть такой Олег! — сказал Эрик.

Костя спросил: «Неужели и в нашей звездочке есть такие? Я думал, вы помогаете своим бабушкам и родителям... Кто помогает?»

— Костя сказал, что придет к нам домой в гости, познакомится с нашими родителями,— рассказывали потом ребята воспитателю.

14 ОКТЯБРЯ. Костя зашел на перемене в класс к своим октябрятам, но никого там не застал. Когда ребята пришли в класс, они нашли на своих партах записки (написаны были печатными буквами). «Молодец, у тебя на парте порядок и чистота. Так и должно быть у октябренка» — так было написано в одной записке. «Что-то не вижу порядка. Может, бабушку пригласить?» — написал он в другой записке. «Смой чернила с парты. Некрасиво». «Твою парту мне самому пришлось отмывать. Теперь держись! Проверю». И везде подпись: вожатый Костя.

14 ОКТЯБРЯ. Когда Костя вошел в класс после полдника, ребята из его звездочки в полном составе уже сидели на своих местах, притихшие и лукавые: в классе был абсолютный порядок, парты сияли. На вопрос нянечки: «Кто же это так постарался?»— ребята с гордостью ответили, что это они с Костей придумали.

На сборе все слушали пластинку, которую принесла с собой Люся, пели, вожатый рассказывал ребятам очень короткие, смешные истории. (Он перевел их с английского. Костя учит английский язык.)

17 ОКТЯБРЯ. Костя вышел на несколько минут поиграть с малышами во дворе школы. Его буквально облепили со всех сторон. Стали играть в «салки». Олег хотел считаться, ребята закричали, чтобы считал Костя: «Костя честно считает, а у тебя всегда одна считалка, и ты первый выходишь!» Но Костя, увидев, что Олег готов заплакать, заметил: «Мне кажется, Олег хорошо посчитает. Поручим ему?» Просчитали без спора, игра шла очень весело. Ребятам нравилось, что их старший товарищ играет с ними на равных, не поддается нарочно. Некоторое время спустя Костя предложил играть с «выручалочками», так, чтобы товарищ мог выручить. И вот здесь, как заметили воспитатели, он частенько поддавался, когда видел, что малышу трудно все время водить одному.

Во время игры сделал замечание Вове: «Что ты, Вов, так долго стоишь в домике? Надо стараться выручить товарищей! Смотри, Олег уже троих выручил. Вот сейчас удобный момент, беги, не трусь!» Мише, который долго не мог отводиться, но продолжал играть, он при всех ребятах сказал: «Миша не нытик, люблю таких ребят. А то некоторые ноют, с ними противно играть. А вы, я смотрю, все молодцы!»

18 ОКТЯБРЯ. Костя перед сном демонстрировал октябрятам диафильм «Вовка в тридевятом царстве». Читал титры и вместе с малышами смеялся. После просмотра ребята зашумели, стали бегать по коридору. Костя быстро дал команду «стройся» и развел ребят по спальням «паровозиком». Малыши стали просить его еще задержаться хоть чуть-чуточку, но он ответил, что нельзя подводить всю спальню.

20 ОКТЯБРЯ. Костя принес «Пионерскую правду» и читал ребятам выпуск «Звездочки». Разговор пошел о правилах, которые должен выполнять каждый октябренок. Костя сказал, что скучно там, где друг друга не поддерживают сами ребята, одному интересно одно, другому—другое. Вот, например, Володя предложил спеть про елочку, а Эрик, хоть и знает ее, не хочет подпевать, а предлагает про туристов. Так никогда ничего толком не выйдет. Вот туристам почему всегда весело? Кто бы ни начал петь — все подхватывают. Поэтому-то они никогда не скучают. И тут же предложил ребятам спеть «Веселое звено», все дружно запели. В классе были дежурные из других звездочек. Костя и им предложил подпевать, а сам стал помогать им убирать класс. Так с песней вся звездочка принялась за уборку класса. Никто даже не вспомнил, не сказал, что вовсе не их очередь убираться. Олег предложил украсить классную комнату цветами. Все вместе решили: каждый вырастит дома какой-нибудь цветок. И еще решили сделать октябрятский уголок, чтобы всем понравился.

21 ОКТЯБРЯ. Собрались в пионерской комнате. Костя расспросил октябрят, выполняют ли они и дома правила октябрят, сказал, что разговаривал с Вовиной мамой, и похвалил его за заботу о сестренке. Сегодня Костя принес с собой бумагу и карандаши, Маша тоже положила на стол краски, а Олег — ластик и линейку. «Вот молодцы, сразу видно, что пришли работать, а не смотреть. Я вас не предупредил, чтобы вы приготовились и все принесли для работы, сами догадались, молодцы! С вами можно работать!»

Во время работы двое ребят столкнулись и ударились. Володя и Маша громко засмеялись. Костя подошел к ребятам, посмотрел место ушиба, утешил ребят, сказал, что ничего серьезного нет. Завел разговор о состязаниях по фигурному катанию. Сказал: «Вот какие мужественные спортсмены: падают, сильно ушибаются, а соревноваться не бросают, потому что не о себе беспокоятся, а о команде». Кто-то из малышей стал комически изображать падение спортсменов, кто-то рассмеялся. Косте это не понравилось: «Вы, наверное, также смеялись, когда наши спортсмены падали?» Ребята закричали: «Нет! Мы за них болели!» А Вова спросил: «А почему тогда Роднина очень смеялась, когда Уланов упал? Это ведь тоже нехорошо, они друзья?» Костя ответил, что он тоже заметил, что она смеялась, «но, ребята, и смех бывает разный. Она без злости, добродушно смеялась. Они уже выступили и заняли первое место, им можно было вместе посмеяться». Ребята стали приводить примеры, когда нельзя смеяться над другими людьми, когда другим больно и неприятно оттого, что над ними смеются.

Листочек с песней, аккуратно оформленный, в тот же день повесили в октябрятской группе с призывом выучить всем песню.

22 ОКТЯБРЯ. Костя заходил в класс во время большой перемены и услышал, как учительница отчитывала Олега за то, что он плохо читает. Костя тут же собрал звездочку и спросил ребят о трудностях в учебе. «Мы не бросим товарища в беде! Правда, ребята? Я первый помогу. Кто еще хочет помочь? Давайте назначим часы и дни помощи. Но и тот, кому помогают, не должен лениться, а стараться».

Перед уроком чтения и перед сном Костя стал заходить и проверять уроки у ребят.

25 ОКТЯБРЯ. Костя зашел в класс к октябрятам и, пошептавшись с ребятами, попросил учительницу отпустить на перемене звездочку для очень важного дела. Несколько дней подряд на всех переменах можно было видеть вожатого и членов его звездочки с очень озабоченными лицами. И наконец тайна открылась.

29 ОКТЯБРЯ. Класс, в котором занимаются октябрята, украшен красными флажками. На доске надпись: «С праздником!» Перед началом уроков Костя рассказал октябрятам о комсомольцах, о дне комсомола.

Л. Романова

ОТ РЕДАКЦИИ.

Внимательнее всех, наверное, читали о Косте и его младших друзьях — октябрятах вожатые октябрят.

Вас-то мы и просим теперь ответить. Как вы оцениваете работу Кости Емельянова, вожатого звездочки октябрят? Ко всем ли нашел он правильный подход? Интересные ли дела подбирал Костя для своих октябрят? Наблюдаете ли вы за своими октябрятами? Какие дела с ними проводите? Нужна ли вам помощь и чья?

ГДЕ ВОДА, ТАМ ЖИЗНЬ

Этот снимок сделан в Средней Азии, где создается Яван-Обикиикская оросительная система. Нынешней весной я побывал в тех местах. И там от одного старика таджика услышал слова: «Касарда сув булмаса, хает бумайди». «Где нет воды, там нет жизни» — переводятся эти слова. В этой фразе жажда ливня. Яванская долина испокон веку изнывала от зноя, люди покидали ее: без воды нет жизни.

И вот однажды сюда со всех концов страны приехали тысячи парней и девушек. Это были московские метростроевцы, ирригаторы с Кавказа и Дона, нурекские гидростроители. На уступах хребта Кара-Тау молодые люди подняли щит: «Ударная комсомольская стройка».

Удивительные дела начались здесь. С помощью направленного взрыва подняли в воздух миллион кубометров грунта — так перекрыли реку Вахш. В скалах пробили семикилометровый тоннель, и вода пришла в Яванскую долину. Она всегда была желтого цвета и высушенной, как овчина. Теперь стала белой от хлопчатника, зеленой от садов. Комсомольцы дали жизнь горной пустыне.

Где бы вы ни побывали — в Заполярье, Белоруссии, на Волге, в Сибири, везде вас нынче встретят эти звучные, как присяга, слова: «Ударная комсомольская». И отправляются от вокзалов больших городов эшелоны — сто всесоюзных ударных комсомольских строек ждут молодых. Перед вами изыскатели, которые трудятся в Яванской долине, они идут по нехоженым маршрутам, следом за ними побегут серебристые мачты высоковольтных передач.

Фото В. КРУГЛИКОВА.

«Пошли в кино»!

А. МИТТА, кинорежиссер

Рисунки А. БОРИСОВА.

В мастерской сказки

Жил в Москве веселый и талантливый художник Константин Павлович Ротов. Он рисовал карикатуры и детские книжки. Читали вы, например, «Приключения капитана Врунгеля»? Вот там его рисунки. Он очень любил молодежь. И я, когда был студентом, ходил к нему в гости, учился у него. Как-то рассказал он такую историю.

— Жил я летом на даче и перед домом посадил помидоры. Но я все время рисовал, за помидорами ухаживал мало, и они выросли чахлые, жалкие, с маленькими зелеными шариками. А за забором жил другой художник. Рисовал он меньше, но помидоры свои опекал очень тщательно. И они у него выросли пышные, высокие, с большими зелеными шарами.

Сижу я на террасе, рисую и вижу, как нет-нет да подойдет мой сосед к забору, поглядит с гордостью на свои пышные помидоры, а потом снисходительно на мои жалкие и уйдет к себе довольный.

Решил я пошутить. Встал утром рано и аккуратно кисточкой покрасил свои маленькие помидоры в красный цвет. Сижу, как обычно, на террасе, рисую и вдруг вижу, за забором ходит обеспокоенный сосед. То на свои помидоры поглядит, то на мои. Наконец не выдержал, спрашивает:

— Скажите, сосед, почему это ваши помидоры стали красные?

— Не знаю,— говорю.— Решили созреть.

— Это очень странно,— говорит сосед.— Я свои помидоры поливаю, окучиваю, подкармливаю, но они все не краснеют, а ваши сами покраснели. Очень странно. И непонятно.

— Да вы,— говорю,— наверное, свои помидоры замучили воспитанием. Я смотрю, с утра вы на них холодную воду льете, потом навозную жижу, потом что-то у них отрезаете,— ну, подумайте, кому такая жизнь по душе?

Посмеялись мы этой истории, а лет через десять вспомнил я ее, когда сочинял кинофильм «Гори, гори, моя звезда!». Там у нас среди героев есть один хороший человек — деревенский художник. Играет его артист Олег Ефремов. Очень хотелось, чтобы в этом художнике жило какое-то воспоминание о Константине Павловиче Ротове. «Пусть об этом никто не узнает, пусть об этом только я буду знать,— подумал я.— Но какая-то черточка моего учителя должна в этом деревенском художнике жить». Вспомнил я про историю с помидорами, и придумали мы со сценаристами такую сцену.

В местечке, где жил художник, лютуют бандиты. Дело происходит давно, в двадцатом году. Кинули бандиты бомбу в дом художника, но не попали, выворотили в саду яблоньку с зелеными яблоками.

Ее бы срубить, яблоки поросятам скормить, а художник, странный человек, вышел утром и покрасил все яблоки в цвета радуги. Пожалел яблоньку. Люди над ним смеются, жена чуть не плачет, дурнем обзывает. А он знай себе рисует на зеленых яблоках радуги. Хочет, чтобы хоть перед смертью стало дерево красивым, как в сказке.

Странно, скажете. Но вот Ротов мог бы так поступить.

Художники вообще иногда бывают странными: все люди только в детстве картинки рисуют, а они всю жизнь рисуют и радуются.

Но вообще-то я побаивался: вдруг эта сцена не понравится? Скажут, что я выдумал что-то неправдивое. Сняли мы фильм, и однажды иду я по коридору студии, навстречу мне старый режиссер и тоже мой учитель — Александр Лукич Птушко.

— Саша! — кричит.— Я твою картину посмотрел. Ты там историю из моей жизни снял. Это я в молодости яблоки на деревьях раскрашивал! Я в деревне учительствовал и решил для ребятишек сделать сказочное дерево. Откуда ты узнал про это?

— Ниоткуда, Александр Лукич. Это мы придумали.

— Не может быть. Меня, помню, в деревне после этого дурнем звали, ну прямо как твоего художника Федора. Только я, кроме яблок, еще и ветки раскрасил и ствол.

Вот так бывает иногда. Рассказываешь об одном человеке, а получается, что о нескольких. И жизнь оказывается богаче наших фантазий. Представляете, какой яркой, какой сказочной была яблоня Александра Лукича?

Всю свою жизнь Александр Лукич снимает в кино сказки: создает небывалые, невиданные миры, населяет их фантастическими существами.

Давайте попробуем вместе с вами ответить на вопрос: каким требованиям должен отвечать режиссер сказочных фильмов?

Во-первых, ясно, что у режиссера должна быть богатая фантазия. Такая, какая бывает у изобретателей, когда человек может представить себе нечто небывалое до малейших деталей и объяснить другим, как это сделать. Мы говорим об этом так: у человека «точное видение», «конкретная фантазия».

Дракон размером в два метра летит на фоне макета старинного города.

Нетрудно написать: «Огромный трехголовый дракон летел по небу, изрыгая огонь». Вот он, этот летящий дракон из фильма Александра Птушко «Илья Муромец».

Кажется, что он огромный, как самолет АН-10. Но ведь таких драконов не бывает, и самолет под дракона не загримируешь. На автомобиль, допустим, можно надеть драконью шкуру, на трактор, но не на самолет. Для такого кадра дракона делают в уменьшенном виде. И этот дракон, открою вам секрет производства, размером метра два, летит на фоне специального макета, изображающего старинный город. Как летит, догадаться нетрудно — прикреплен нейлоновыми нитями к строительному крану.

Но ведь это огромный дракон, сказочный, во много раз больше человека. И, чтобы показать его убедительно, создали еще одно чудище. Оно изрыгало настоящий огонь, в каждой его пасти сидел солдат с огнеметом. Оно устрашающе изгибалось. Чудище спроектировали инженеры, рассчитали конструкторы, мастера выточили, выковали, выстругали, сшили части его сказочного тела и под руководством художников и режиссера оживили дракона. Летать такой дракон, конечно, не мог, но зато с этим драконом можно было драться богатырю.

В нужный момент от удара меча отвалятся одна за другой драконьи головы. И каждое движение дракона заранее спланировано, выверено специалистами вплоть до инженера по технике безопасности, который позаботился, чтобы артист, играющий богатыря, не пострадал на съемке.

Чудище изрыгало настоящий огонь: в каждой его пасти сидел солдат с огнеметом.

Два эти дракона, казалось бы, такие же родственники, как котенок и тигр, но в целом они на киноэкране создают облик «живого» чудовища. Точности ради надо добавить, что был еще и третий дракон для других кадров.

Привел я этот пример, чтобы показать, как много изобретательности требуется, чтобы сделать реальным, видимым мир сказки. И художником надо быть, чтобы придумать и нарисовать сказочный мир, и изобретателем, чтобы сочинять волшебные трюки, и механиком, чтобы представить, как можно эти трюки сделать.

В сказке достаточно порой одного меткого слова, чтобы ваша фантазия дорисовала остальное. А в кино надо показать все дотошно, самым тщательным образом.

Уж если три богатыря выезжают из белокаменного города, то надо и богатырям справить амуницию богатырскую и город выстроить, как в былине, с белокаменными стенами и палатами.

С этим драконом можно было драться богатырю.

Фантазия режиссера может потребовать огромных пространств и тысяч людей. Так, в «Илье Муромце» на двадцать километров в округе были зажжены костры ночного лагеря войска Идолища. На высоком холме расположилась съемочная группа. А внизу, в долине, десять тысяч человек подготовили десять тысяч костров и с наступлением сумерек по команде зажгли их. Страшно стало, как в сказке. До края земли все огни, огни, горят зловеще и тревожно.

Как можно записать вопрос, на который мы только что ответили? Нужен ли режиссеру-сказочнику размах мышления? Нужно ли умение думать широко, так, чтобы тысячи людей, пространства полей и лесов входили в ваши планы?

Вспомните, какие сражения происходят в былинах, какие величественные картины писал художник-сказочник А. Васнецов, как значительна музыка Бородина, Мусоргского, Римского-Корсакова! И ответ на этот вопрос станет ясным.

Но сказочный мир в кино может уместиться и на столе или на полу небольшого зала. Почти сорок лет тому назад Александр Лукич выстроил такой мир в павильоне «Мосфильма» и населил его лилипутами, настоящими гражданами фантастической страны Лилипутии. «Новый Гулливер» назывался этот фильм. Вы его, конечно, видели, он до сих пор на экранах. Сорок лет назад это был самый большой фильм с самыми маленькими актерами, или, проще сказать, первый в мире полнометражный кукольный фильм.

Сидит перед киноаппаратом артист Георгий Вицин и бормочет: «Ук-ук! Иебеттов!»

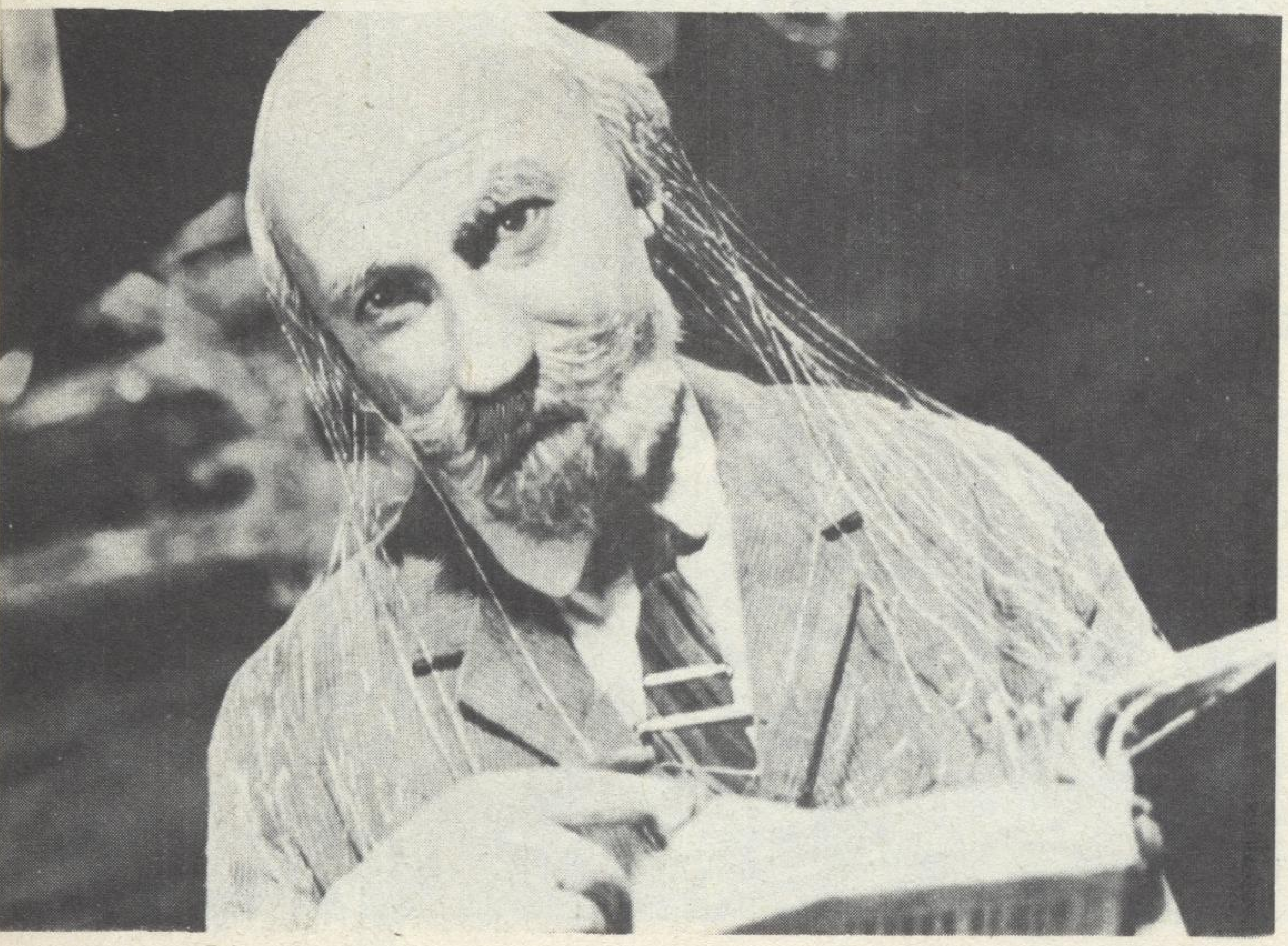
Тысячи маленьких куколок были оживлены в нем покадровой съемкой. Это значит, что для каждой секунды фильма пришлось двадцать четыре раза переставлять куклам ручки и ножки, шевелить листочки на деревьях, поворачивать колеса повозкам — все двадцать четыре раза, чтобы на экране прошло время, за которое вы только и успеете сказать: «Раз-два».

А потом еще двадцать четыре раза — и еще одно «раз-два». А потом еще... и так, пока не получится фильм на целый час.

Тут мы, пожалуй, затронули ответы на два вопроса. Один: должен ли режиссер сказочного кино быть трудолюбивым и усердным? И другой вопрос: надо ли каждый раз придумывать что-то совершенно необычное? Выходит, надо и то и другое.

Но усердие — это малая часть общих забот. Надо, чтобы все на экране происходило легко, как будто само собой. Сказку нельзя рассказывать, потея от натуги. Режиссеру-сказочнику нужна легкая фантазия.

Как-то я зашел к Александру Лукичу на съемки фильма «Сказка о потерянном времени».

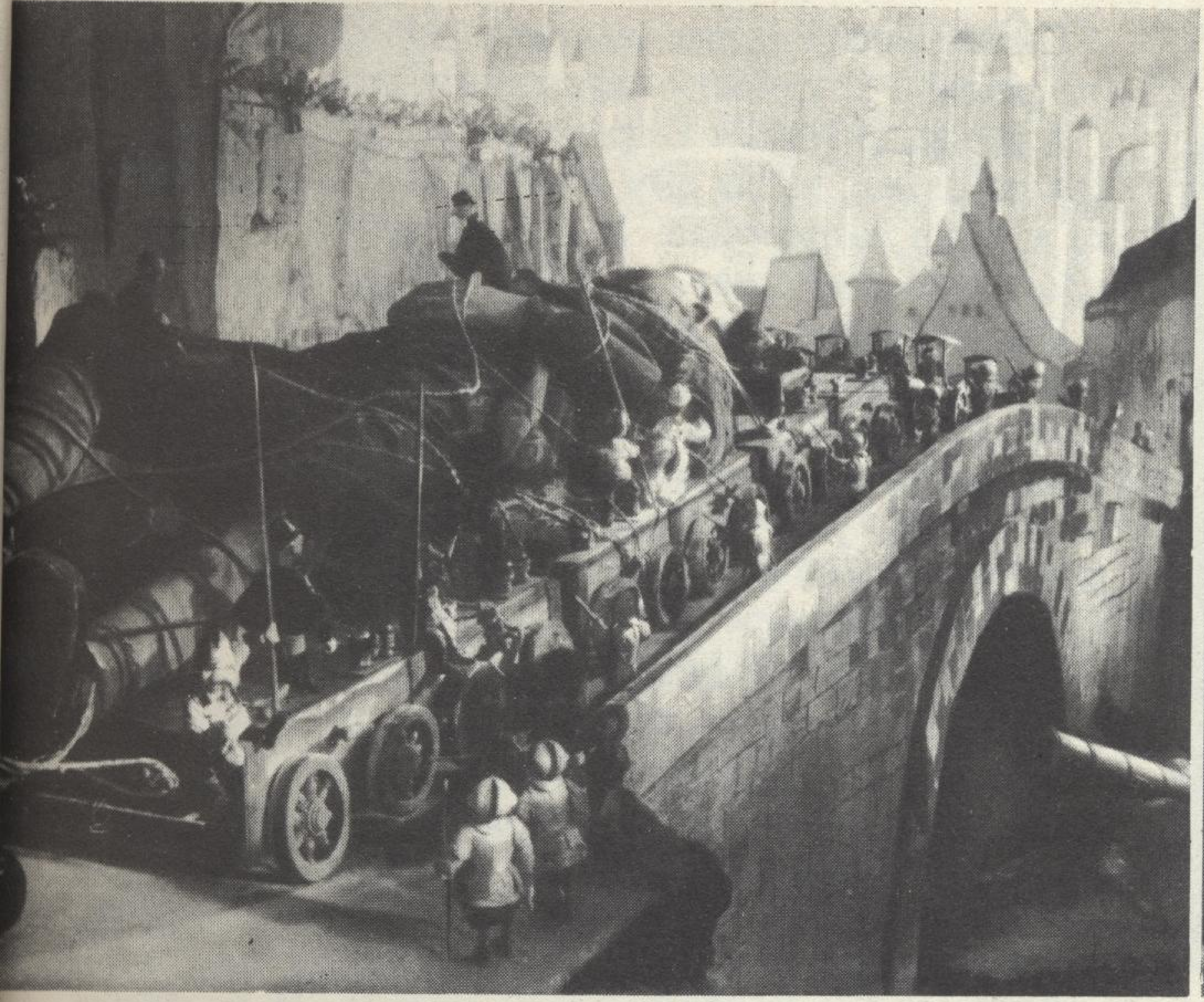


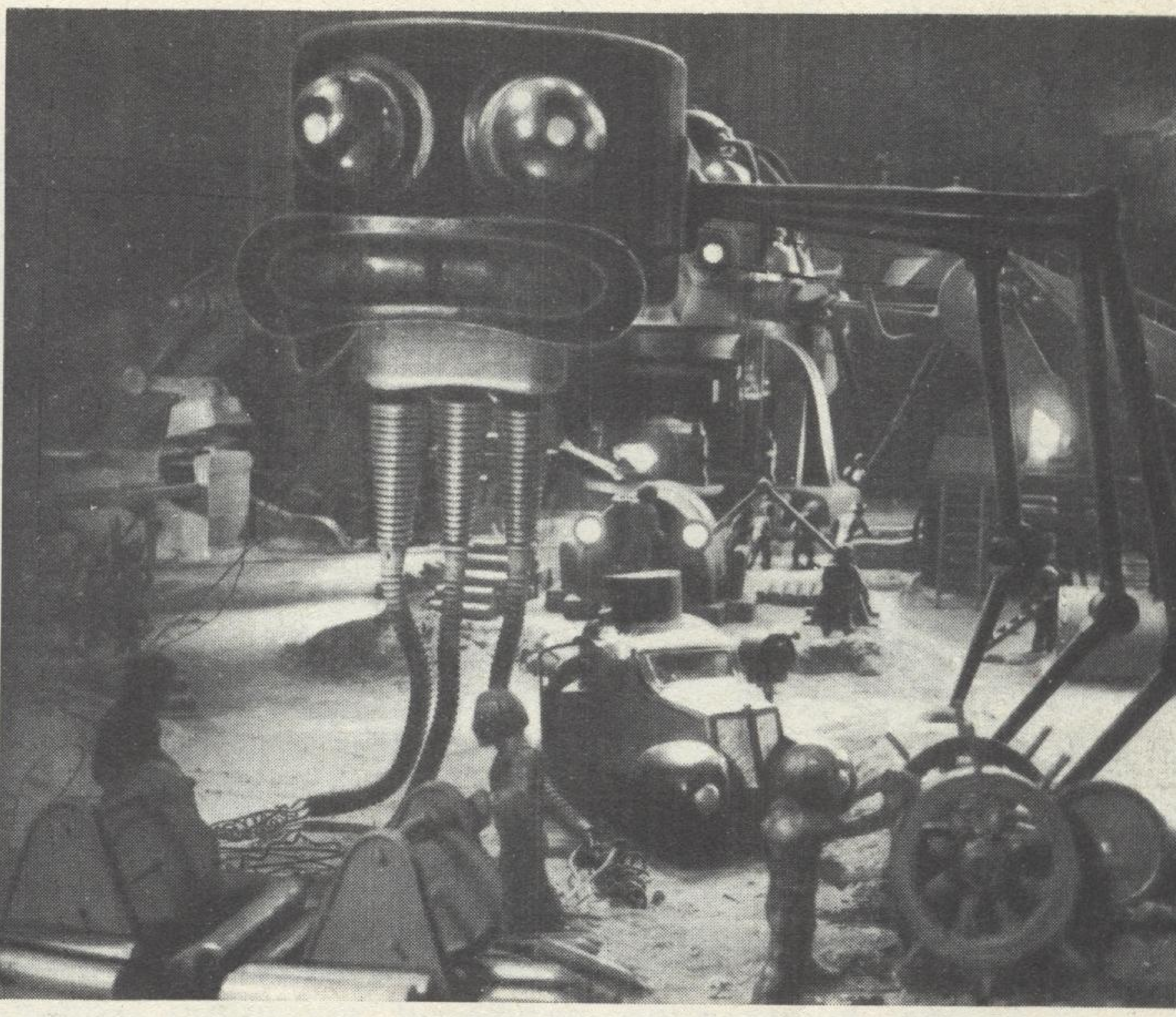
Вижу, сидит перед киноаппаратом известный артист Георгий Вицин и тихо бормочет какие-то непонятные слова: «Ук-ук! Иебеттов! Ук-ук! Иебеттов!»

— Что это вы снимаете, Александр Лукич? — спрашиваю я Птушко.

— Да так, — говорит он, — один несложный трюк. Надо, чтобы на голове у этого артиста, — показывает он на артиста Вицина, — выросли волосы на глазах зрителей. Это снять трудно, но я сниму этот кадр обратной съемкой. Мы сделали такой парик, где все волосы под париком собраны в один узел. Потянем за этот узел, и волосы как будто влезут в голову. А пленка при съемке в киноаппарате будет вертеться в обратную сторону. Значит, если показать ее нормально, увидим, что волосы вылезают из лысой головы. Станет голова волосатая, человек на глазах помолодеет — это мне и надо.

— Здорово! — говорю я.





Тише! Идет съемка первого в мире кукольного фильма «Новый Гулливер».

— Что ты, это простейший трюк. Такие еще Мельес делал. Но я придумал кое-что новенькое. У меня во время трюка актер удивится и скажет: «Вот тебе и ку-ку!» Это потому, что чудеса начнутся по сигналу кукушки. Вот актер сидит и слова эти учит,— показывает Птушко на Вицина.

— А я думал, он какие-то заклинания бормочет.

— Так пленка будет в аппарате идти задом наперед. Значит, и актер должен слова задом наперед произносить. Зрителя слова отвлекут, никто и не заметит, как вдруг волосы вырастут.

Но иногда сказочная легкость требует очень больших усилий.

Вот в былине богатыри раскидывают врагов, поднимают их на копье... А как его поднимешь, этого ворога? Нет таких силачей в жизни. Попробуйте, возьмите железную трубу и попросите, чтобы ваш приятель обхватил один конец, а вы поднимите его за другой. Ничего не выйдет. И груз тяжелый, и плечо у рычага, которым стало ваше копье, длинное. Но сказкам до правила рычага дела нет. Там чудеса. И режиссер должен создать это чудо.

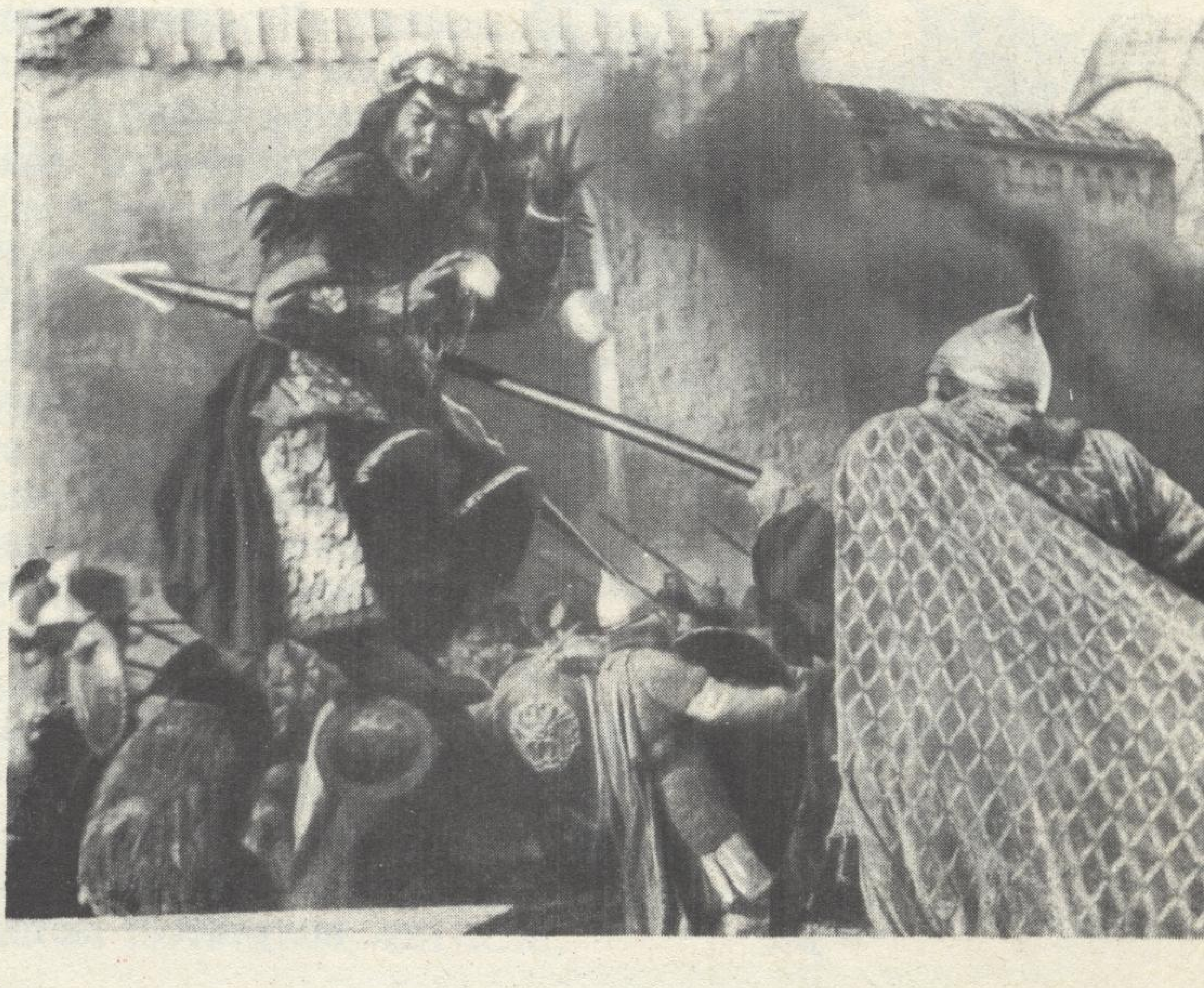
Для первого кадра изготовили особое копье, у которого при прикосновении к человеку наконечник уходит внутрь. На экране же получается, что богатырь проткнул ворога копьем. Ну, хорошо, часть задачи выполнили — спасли жизнь артисту, играющему ворога. Теперь богатырю надо ворога на копье поднять и через себя перебросить.

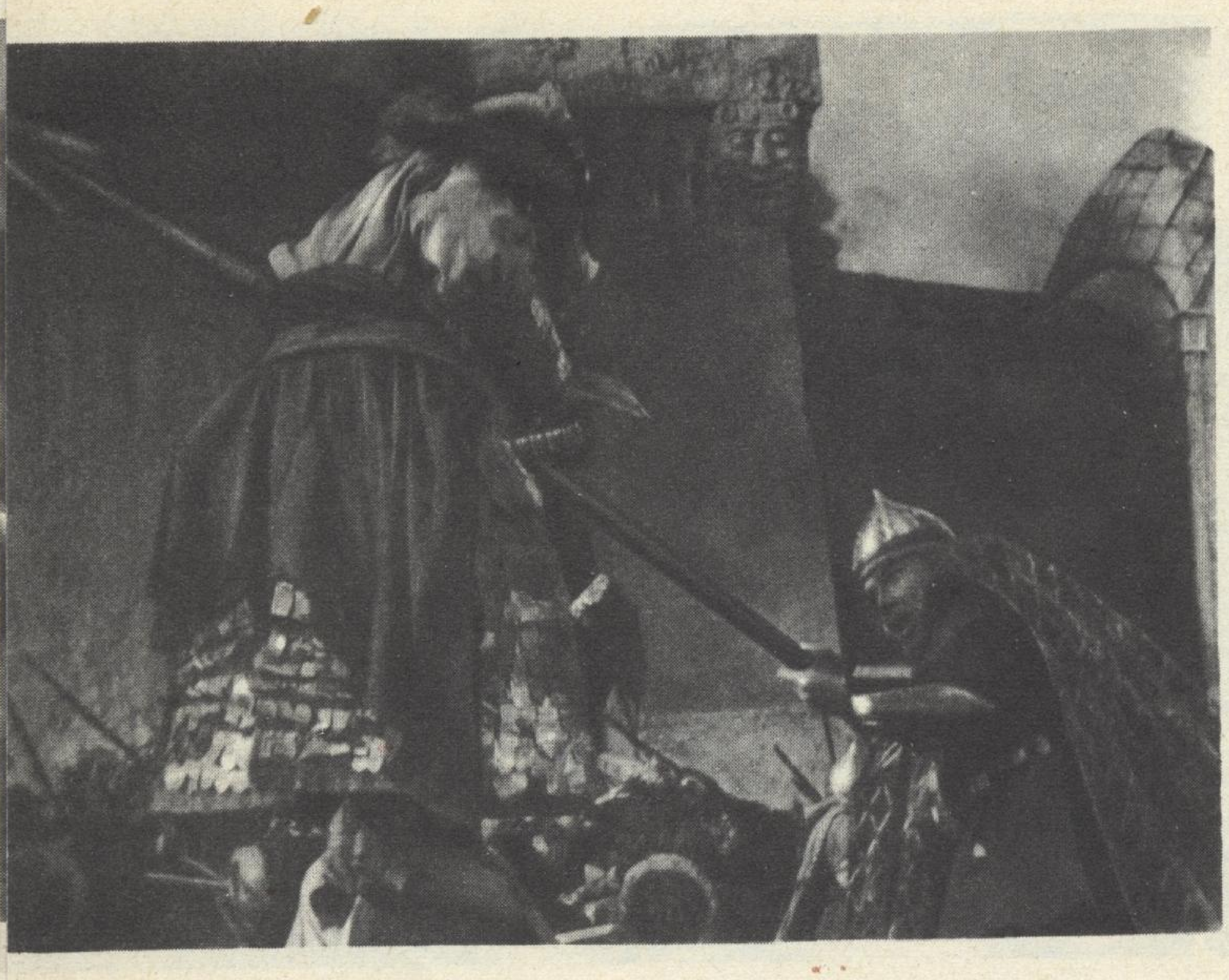
Для второго этапа, «на копье поднять», изготовили целое приспособление. Копье с кольцом. В это кольцо ворог влез, оно у него вместо пояса под одеждой. Но такое копье все равно никакому живому богатырю не удержать, даже чемпиону мира. Поэтому копье сделали в виде колодца-журавля. На одном конце — ворог, на другом — тяжелый груз, а посередке — стойка-опора; получился рычаг с двумя плечами. Богатыря в этом кадре снимают со спины. Он собой стойку закрывает. А ворог поганый хорошо виден, корчится на копье.

Ну, хорошо, поднял богатырь ворога на копье. Теперь его надо перекинуть и сбросить в кучу тел. Нужна новая выдумка. Богатыря снимают в лицо, а ворога на копье — со спины. И правильно делают, потому что это уже не человек, а кукла в натуральную величину. И она легко ходит по копью взад-вперед. Ее и перекинуть можно.

Вроде бы мы ответили на вопрос, нужна ли режиссеру-сказочнику неистощимая изобретательность.

Богатыря в этом кадре снимают со спины. А ворог поганый хорошо виден, корчится на копье.





Самые невероятные выдумки порой нужны, чтобы решить трудности сказочного кино.

Александр Лукич Птушко рассказал мне как-то, как он бился, когда ему понадобилось, чтобы собака в кино заговорила. Это было во время съемок «Золотого ключика».

Вы, наверное, не обращали внимания, что в собачьей речи одни согласные. Собака лает: «Гвв! Гв!!! Ррр!..» Гласных звуков, которых так много в нашей речи, в собачьей нет. И пасть она открывает резко. Как же заставить пса плавно открывать рот и чтоб он сказал: «Здравствуй, ми-и-ленький Бурати-и-но!»

Пригласили консультантов из цирка.

Давайте, говорят консультанты, сделаем такой ошейник в виде камеры, надутой воздухом Собаке воздух сдавит горло, она пасть и откроет, чтобы вдохнуть пошире. Ослабили давление в ошейнике — пасть закроется. Но что с эстрады хорошо, то в кино не смотрится. Нужно, чтобы собака говорила с «удовольствием», с охотой. И то пробовали и это. Как вдруг Птушко говорит:

Теперь богатыря снимают в лицо, а ворога на копье со спины.

— Принесите мне конфеты «коровка».

Есть такие тянучки — ребячья радость. Они прилипают к зубам, и так приятно растягивать их во рту, поправляя и полизывая языком.

Принесли тянучки. Птушко дал одну собаке. Собаки — тоже любительницы сладкого. Стал пес разевать свою пасть, чтобы переправить тянучку поудобнее. Медленно разевает. Тянучка тянется. И «проговорил» всю роль.

Ладно, собака — друг человека, она сладкое любит. А как заставить лебедь белую сказать: «Здравствуй, князь ты мой прекрасный»... А ведь заставили. Довела эта злая птица режиссера до сердечного приступа полным нежеланием идти навстречу предложениям к сотрудничеству.

И вот такая картина: с одной стороны плавает несговорчивая лебедь, с другой — на легком полотняном стульчике сидит режиссер и капает себе сердечные капли в стаканчик. И вдруг кричит:

— Нашел! Тащите ко мне ее сюда, эту птицу!

Притащили Царевну-Лебедь к Птушко. Взял он резиночку, которую в аптеках надевают на бутылочки с лекарством, и надел лебеди на клюв. Стала лебедь клюв разевать, чтобы сбросить резиночку с клюва. И так раскроет клюв и этак. Честное слово, говорит!

Однако все, о чем мы говорили,— это только подробности, необычайные мгновения, которые должны сложиться в одну общую картину, в единый сказочный мир. А в каждой картине этот мир неповторим, необычен.

То мир сатирической фантастики — «Гулливер», то озорная, веселая сказка «Золотой ключик», то поэтический сказ «Каменный цветок», то героический эпос «Илья Муромец». Много разных фильмов сделал режиссер Птушко, и каждый по-своему необычен.

Спрашивается: как надо любить свою работу, чтобы иметь силы каждый день задавать себе все новые и новые неразрешенные вопросы? Как любить эту работу, чтобы не впасть в отчаяние от неудач, не стать высокомерным при успехе?

Александру Лукичу уже за семьдесят, часто в свободную от съемок минутку я заглядываю к нему в мастерскую.

Вот и недавно зашел и удивился. С пола вверх льются светящиеся хрустальные фонтаны, струи расходятся веерами и возвращаются. Что такое? Оказывается, у Черномора во дворце должны быть удивительные люстры (вы читали, наверное, что Птушко снимает сейчас «Руслана и Людмилу»?). И эти фонтанчики, подсвеченные огнями, снимает камера, поставленная вверх ногами. А на экране что получится? Потолок.

КНИГА СЛАВЫ

РАССКАЗЫВАЕМ О КНИГЕ ПОЧЕТА ВСЕСОЮЗНОЙ ПИОНЕРСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ИМЕНИ В. И. ЛЕНИНА

Каждая страница ее — страница истории.

Перелистай и увидишь, как поднималось в нашей стране, как росло это большое, сильное движение пролетарских детей — пионерское движение, как все годы пионеры — юные ленинцы были рядом со взрослыми — коммунистами и комсомольцами.

Короткие записи в несколько строк.

«Гаврилов Миша (посмертно) — юный герой гражданской войны, погибший в борьбе с белогвардейцами в 1919 году в городе Уральске».

«Мяготин Коля — воспитанник Мокроусовского детского дома Мокроусовского района Курганской области, активный организатор сельских пионеров на борьбу с кулаками в период коллективизации страны».

«Алексеев Антон — комсомолец-общественник, первый пионервожатый Белогорского района Крымской области. Зверски убит кулаками в 1928 году».

Да, в ту лихую годину шла борьба за новую жизнь, суровая, смертельная.

В ней участвовали не только взрослые, но и дети.

Тысячи и тысячи мальчиков и девочек в красных галстуках увидели победу. И в гражданской войне, и в войне с разрухой, и в борьбе с кулачеством. Тысячи и тысячи мальчиков и девочек в красных галстуках передали следующему поколению пионеров эстафету пионерской славы.

Ты знаешь это имя — **Мамлакат Нахангова?** Пионеры тридцатых годов, помогая взрослым, старались работать, как Мамлакат. Мамлакат Нахангова, одиннадцатилетняя пионерка из таджикского села, удивила тогда всех. Она ухитрилась каждый день собирать в поле больше хлопка, чем взрослые, опытные сборщицы. Она была первой пионеркой, удостоенной высшей награды страны — ордена Ленина.

Голиков Леня, Дубинин Володя, Котик Валя. Бессмертны их подвиги, и вечно живы их имена.

За каждой строкой Книги Почета — примеры мужества и верности Родине.

«Пионерский отряд «Двенадцать отважных» (Караваевский союз пионеров) действовал в период Великой Отечественной войны в селе Покровском Артемовского района ныне Донецкой области и оказывал большую помощь партизанским соединениям в борьбе с фашистскими захватчиками».

«Пионерское звено «Товарищ» проводило большую работу по распространению антифашистских листовок среди населения города Харькова в период оккупации города фашистскими захватчиками».

«Подпольная пионерская организация в деревне Карповцы Волоколамского района Гродненской области оказала большую помощь партизанскому отряду в снабжении оружием и сборе разведывательных данных».

Новые записи в Книге Почета говорят о том, что война миновала. Взрослые принялись за созидательную работу. Пионеры по-прежнему хотят быть участниками всех важных народных дел. Книга Почета отмечает успехи ребят.

Матказимов Турсунали, вожатый звена школы имени Лахути Регарского района Таджикской ССР, 1 марта 1948 года удостоен звания Героя Социалистического Труда за высокий урожай хлопка на подшефном поле.

14 августа 1948 года четырнадцатилетний Турсунали, пионер — Герой труда, подает заявление в комсомол.

Нателле Челебадзе, председателю совета пионерской дружины Бобокватской школы Кобулетского района Грузии, за высокий урожай чая в 1949 году присваивается звание Героя Социалистического Труда.

Идут годы. Все новые и новые страницы Книги Почета, книги Славы пионерских поколений заполняются записями. Но об одной записи хотелось бы сказать особо. 12 апреля 1961 года в Книгу Почета было записано имя бывшего пионера — **Юрия Алексеевича Гагарина,** пионера космоса. Его жизнь, его подвиг будут всегда примером преданности Родине и нашей партии для всех поколений юных ленинцев.

Эта Книга никогда не будет закончена. Она пишется и сейчас и будет продолжена завтра.

В день пятидесятилетия пионерской организации в нее будут внесены отряды и дружины, завоевавшие признание всех, получившие звание правофланговых на Марше «Всегда готов!».

Книга Почета хранится в зале Комсомольской славы под знаменем Ленинского комсомола и Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина, рядом с Книгой Почета ЦК ВЛКСМ.

ТЫСЯЧА

Дед Мороз по телефону

Пришла зима. Скоро и Новый год! Елка. Для всех ребят такой долгожданный и веселый праздник. А Андрюшка — больной, в постели.

Вера Степановна, Андрюшина мама, пожаловалась:

— Не знаю, что делать с мальчишкой, совсем раскис...

Я зашла навестить мальчика.

— Что ж ты, Андрей Петрович! — сказала я бодро. — Новый год у ворот! Вставать пора!

Андрюшка отвернулся и пробурчал:

— На свете чудес не бывает! Не поправлюсь к Новому году...

— Как это не бывает! — возмутилась я. — Вот хочешь, позвоним сейчас Деду Морозу, пригласим его к тебе в гости?

Андрюшка недоверчиво усмехнулся, не поверил.

Но на следующий день Дед Мороз пришел.

— Ну, Андрюша, дорогой, здравствуй! — сказал он. — Угадай, какой я тебе подарочек принес?

— Не знаю... — смутился Андрей. — Может быть, подъемный кран? — сказал он неуверенно. (Откуда Деду Морозу знать, что больше всего на свете ему хочется иметь подъемный кран, точно такой, как у Вадика с шестого этажа?)

— Угадал! Молодец! — весело воскликнул Дед Мороз. — На, держи!

И Дед Мороз вытащил из мешка яркий желто-красный подъемный кран.

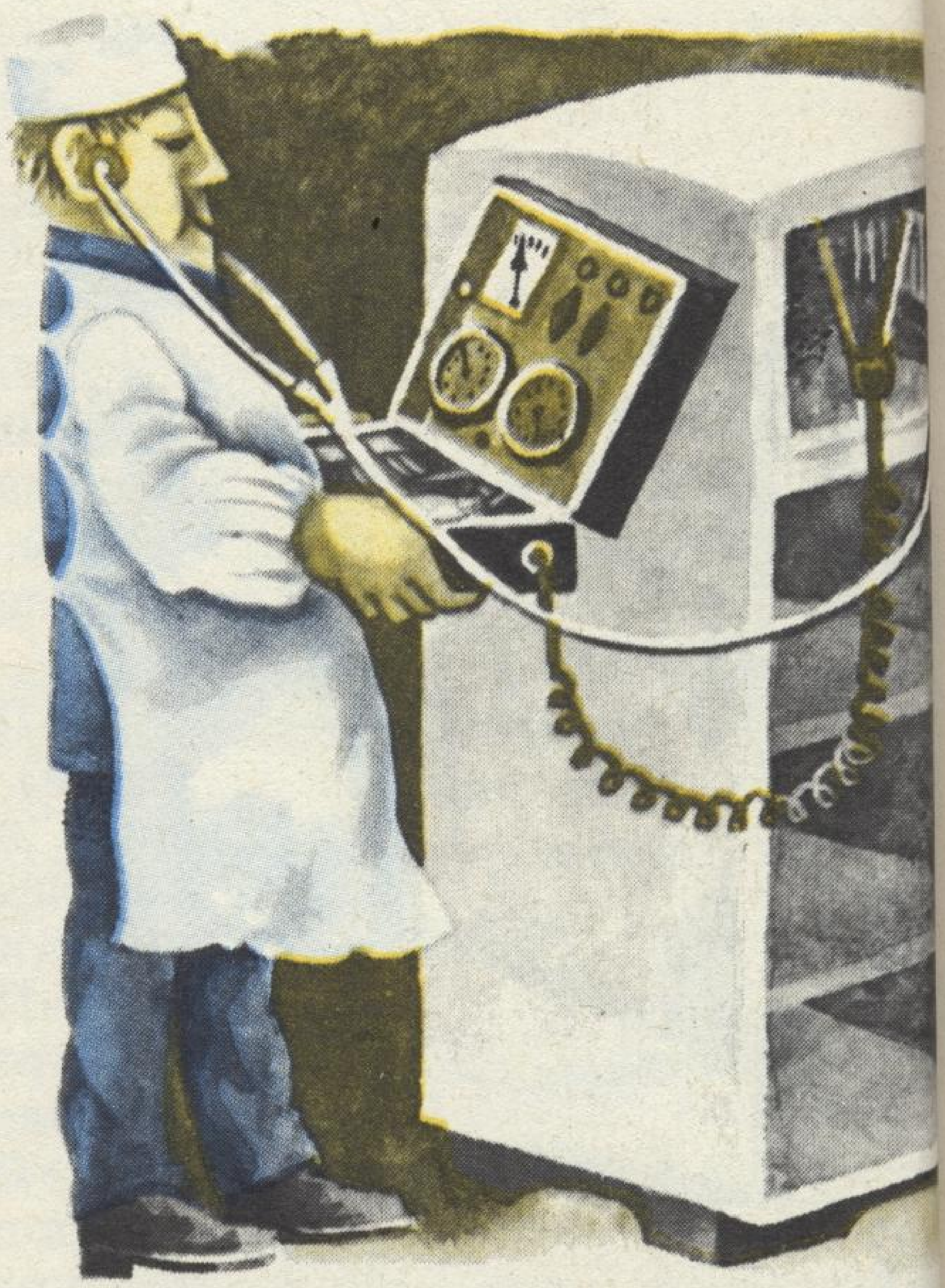
— Вот это да! — восхитился Андрюша.

— Ты, дружок, — сказал Дед Мороз, — слушайся маму, пей лекарства, ешь побольше! Как поправишься, по телефону мне позвони. Договорились? Вот тебе мой номер.

И Дед Мороз достал из мешка блокнот с карандашом, что-то написал на страничке, а потом вырвал эту страничку и вручил Андрюше.

Вы, ребята, конечно, скажете: «Дед Мороз-то был не настоящий». Что ж, вы правы! Андрюше всего пять лет — он и поверил. Дедом Морозом был обыкновенный человек — работник службы быта. Его действительно можно вызвать по телефону. Как «Скорую помощь».

— Скорее! Приходите! Маленькому человеку необходимо чудо!



Для мам и бабушек особенно...

Мелкие каждодневные заботы. Без них не обходится ни одна семья. Надо убрать квартиру, что-то починить, постирать, сделать покупки, приготовить обед. Домашняя работа отнимает много времени и сил: почти все тут приходится делать руками. Конечно, есть теперь электрические бытовые приборы, но они только помогают человеку, а не заменяют его. Больше всех устают от этих хлопот ваши мамы и бабушки. А ведь мамы, часто и бабушки, еще и работают. Да и отправиться вместе с вами в лес, пойти на интересную экскурсию в музей, посмотреть новую пьесу в театре, почитать книгу они тоже не прочь.

На помощь всем нам и особенно мамам и бабушкам приходит служба быта.

Надо выстирать белье — пожалуйста! Сдайте белье на приемный пункт, а оттуда оно отправится на большую фабрику-прачечную. На фабрике все делают машины: стирают, отбеливают, крахмалят, сушат, гладят. Через несколько дней вы получите аккуратно завернутую стопку белоснежных простыней, наволочек, скатертей.

Иногда хозяйки спешат, хотят постирать непременно

ДОБРЫХ УСЛУГ

Валерия ГЛАЗУНОВА

Рисунки Ф. ТЕРЛЕЦКОГО.

сегодня. К их услугам прачечные самообслуживания.

Здесь тоже все делают машины. Только они не такие огромные, как на фабрике. Вы загружаете белье в барабан стиральной машины, закрываете герметическую дверцу с толстым стеклом и опускаете в машину жетон (жетоны продаются у входа в зал). Единственное, что еще требуется от вас, — всыпать в специальное отверстие стиральный порошок, когда загорится сигнальная лампочка. Больше никаких забот — можно читать книгу! Машина сама остановится, когда закончится стирка. Теперь белье надо отжать. Для этого вы перекладываете его в другую машину — центрифугу. Через три-четыре минуты отжатое белье можно сушить. В сушильной машине тоже есть барабан, только он гораздо больше, чем в стиральной. В барабан поступает горячий воздух. Через круглое стекло дверцы видно, как летают простыни, мелькают разноцветные майки, носовые платки. Полетает белье в барабане несколько минут — и готово, можно его гладить! Оно как раз такое — чуть-чуть влажное, которое легче всего гладится.

Медленно вращается большой вал гладильной машины. С одной стороны под вал подставляют расправленную скатерть, а с другой скатерть выползает из-под него гладко выглаженной. Сколько пришлось бы потрудиться, чтобы отгладить ее утюгом! Да и не выгладить так!

От многих домашних хлопот избавляет нас служба быта. Надо вымыть окна — пожалуйста! Опытный мойщик сделает это куда быстрее и лучше, чем самая старательная хозяйка. Надо почистить большой ковер — не мучайтесь. Есть специальный цех фабрики химической чистки. За ковром приедут к вам и привезут его обратно. Надо просушить и почистить подушки? Наши бабушки сушили их на солнце и выколачивали колотушкой из кожаных ремешков. Теперь есть пылесосы. Но и пылесосом вы не сможете почистить подушки так, как это сделают на фабрике.

Вам натрут полы и отремонтируют пианино, выведут пятна на одежде, дадут напрокат посуду, приемник, пишущую машинку или туристскую палатку — одним словом, все, что вам вдруг понадобится. Вам принесут железнодорожный билет, сходят в аптеку за лекарством, к малышу придет няня, если его родители решили пойти вечером в гости или в театр. Если вы живете в деревне, к вам приедет магазин на колесах с разными товарами, вам закажут в городской библиотеке нужные книги. Можно вызвать на дом консультанта, который подготовит вас к трудному экзамену, пригласить повара, электрика или даже Деда Мороза!

Тысяча добрых услуг — вот что такое служба быта.

Она сохраняет людям здоровье и силы, дарит им драгоценные свободные часы.

Свободное время! Это значит, что все мы сможем прочитать больше интересных книг, увидеть больше кинокартин, чаще бывать всей семьей на прогулках, стадионах, уделять друг другу больше внимания. Избавившись от мелких забот, семья становится дружнее, у всех хорошее настроение.

И быстрее и лучше

Мне вспоминается мое детство. Время было трудное — война. Все в доме что-то не ладилось, то лопнет водопроводная труба, то перегорят электрические пробки, то прохудится последняя кастрюля. Что бы ни случилось у кого в хозяйстве, все, наши соседи и мы тоже, шли к Рогачеву. Рогачев был инвалид, ходил на деревянной ноге, которую наверняка соорудил себе сам. Он брался за любую работу. Кому фанеру вставит вместо разбитого стекла в форточке, кому залатает старое ведро. Чинил он и водопроводные краны, и замки, и электроплитки. Цену за работу не назначал.

— Уж не обидите инвалида-то, верно?! — говорил он всегда каким-то простуженным голосом.

А если кто-нибудь из хозяек сердился на него, дескать, замок в двери опять заедает, видно, плохо он его починил, Рогачев вежливо, но с упреком объяснял:

— Эх, мадама-мадам, ежели ваш замок вовек больше не сломается, что ж тогда мне, с голоду помирать?

Ушли теперь времена рогачевых. Бытовое обслуживание в наши дни стало целой отраслью народного хозяйства. И работают в нем сотни разных специалистов.

В центре Москвы, недалеко от Арбата, стоит шестиэтажный дом. На двери табличка с непонятным словом: «НИТХИБ». Расшифровывается оно так: Научно-исследовательский технохимический институт бытового обслуживания. Здесь работают ученые.

В химической лаборатории они разрабатывают технологию чистки изделий из новых материалов. Создают составы, с помощью которых можно вывести любое пятно. Думают над тем, как очищать одежду не только от пятен и пыли, но и от микробов, которые могут на ней быть.

Мастерским по ремонту обуви нужен клей. Разные сорта клея для всяких материалов. Нужны лаки, краски, износостойкие подошвы, набойки, каблуки. Этим тоже занимаются в институте.

Мне показали сверхпрочные набойки и «косячки». На два-три месяца продлевают они срок носки обуви. Химики института придумали и тонкую пленку — материал для профилактической подошвы. Если на ваши туфли наклеют такую подошву, бегайте на здоровье! Вам не скоро придется обращаться в ремонтную мастерскую.

В институте создана новая легкая съемочная камера для фотоателье. Она заряжается рулоном пленки сразу на двести кадров. А фотоавтомат! Над ним немало пришлось поломать голову. Зато как это удобно! Понадобилась вам фотография для документа — минутное дело. Опустили в автомат монету, подождали немного и — получайте готовые карточки. Скоро такие автоматы появятся почти в каждом городе.

Когда наши электрические помощники — холодильники, стиральные машины, пылесосы — отказываются работать, мы вызываем мастера из ателье. «На что жалуетесь?» — спрашивает он тоном врача. «Да вот урчал, а потом как-то чихнул — и все!» — беспомощно разводит руками владелец холодильника. А сам холодильник, тот и вовсе молчит. Мастер принимается исследовать «больного».

Бывает, неисправность обнаруживается быстро, но чаще всего приходится повозиться: развинтить, разобрать, рассмотреть. Девять десятых времени уходит на все эти операции, а не на устранение дефекта.

Как помочь мастеру быстрее обнаружить поломку? Как облегчить его труд? Ответили на этот вопрос научные сотрудники института. Они сконструировали прибор для определения неисправностей бытовых машин. Прибор этот (он помещается в небольшом чемоданчике) не только помогает обнаружить дефект, а затем проверить, например, надежность работы холодильника после ремонта, но и предугадать возможную неисправность. Да, мастер теперь сразу определит, какая деталь может выйти из строя в ближайшее время.

Зачем ждать, когда холодильник или пылесос сломаются? Не лучше ли заранее сделать профилактический ремонт, заменить ненадежную деталь?

Вещи должны служить людям долго и безотказно. Так, чтобы нам с вами как можно реже приходилось обращаться в мастерские. Такую задачу решают сейчас ученые института бытового обслуживания.

«Хватит ли мастерам тогда работы? — спросите вы. — Ведь если вещи перестанут сами ломаться, а мы их сами будем беречь, никакие «доктора» не нужны». Нет, понадобятся и технический осмотр и ремонт. Работы с каждым годом прибавляется. И дело тут не в качестве вещей, а в количестве.

Сегодня в наших домах одних холодильников и стиральных машин почти шестьдесят миллионов, завтра их будет намного больше. А если подсчитать количество всех бытовых электроприборов! Ведь их уже сейчас больше ста тридцати разных на-

именований. Да не забудьте десятки новых, которые скоро придут на прилавки магазинов. Представляете, сколько получится!

Им говорят: «Спасибо!»

Какая сегодня у мамы красивая прическа! И как идет ей новое платье, которое сшили в ателье! А этот торт с шоколадной надписью: «Поздравляем дорогую маму с днем рождения!» — какой он нарядный!.. Что это? Звонок в дверь? Посыльный принес корзину цветов. От дяди Коли, маминого брата. Он сейчас в плавании где-то очень далеко, кажется, в Баренцевом море. Вот так праздник!

Кто же эти люди, которые позаботились о том, чтобы маме и всем нам было сегодня радостно? Да они, так же, как и Андрюшин гость, работают в сфере обслуживания.

Сережа Сказкин, киевлянин, окончил школу с золотой медалью. Однажды он попал на конкурс молодых официантов. Ему очень понравилось, с каким изяществом, с какой ловкостью выполняли молодые люди свою нелегкую работу.

И Сережа Сказкин стал официантом. Теперь он сам участвует в конкурсах и уже завоевал в своем родном городе первое место. Но не в этом главное. Главное — сознание пользы своего труда, та радость, которую приносит человеку возможность проявить о ком-то заботу.

Сибирячка Светлана Воронцова — художник-модельер. Ей так приятно делать людей красивее! А студентка педагогического института на Украине Майя Иванченко работает по вечерам воспитательницей в бюро добрых услуг и просто жить не может без неугомонных ребят, которых ей доверяют родители.

Все люди заботятся один о другом. Строители строят дома для парикмахеров, продавцов, фотографов, ткачихи ткут ткань для их одежды. А парикмахеры, продавцы, фотографы и другие обслуживают строителей и ткачих. Да, но первые трудятся на промышленном производстве! А производство услуг?! Это же услуга любому производству!

«Спасибо!» — говорит всякий раз человек человеку за добрую услугу. Люди, даже совершенно незнакомые, всегда готовы прийти друг другу на помощь, оказать услугу.

Для многих людей, как для Светланы, Майи и Сережи Сказкина, услуги стали их повседневной заботой, их профессией.

Растет благосостояние советских людей, растет и спрос на услуги. И не случайно XXIV съезд нашей Коммунистической партии уделил такое большое внимание развитию службы быта. В новой пятилетке объем бытовых услуг в стране увеличится вдвое, а в сельской местности — почти в три раза. Уже не отдельные мастерские, а целые комбинаты, фабрики, фирмы занимаются нашим бытом. В распоряжение работников службы быта поступают новейшие приборы и аппараты, машины и автоматические линии, совершенное оборудование с программным управлением.

Служба быта развивается быстрее других отраслей народного хозяйства. В ней уже сегодня трудится свыше двух миллионов человек. Еще больше умелых, заботливых рук понадобится завтра. Рук опытных и рук молодых.

Полтора миллиона комсомольских путевок на предприятия службы быта, коммунального хозяйства и торговли получат в нынешнем пятилетии юноши и девушки Советской страны.

Может быть, через несколько лет эти почетные путевки вручат и кому-то из вас, ребята. Готовьтесь!

Ответ на срочную телеграмму

В седьмом номере «Пионера» мы вместе с вами — и редакция и читатели — поздравляли со славным семидесятилетием Сергея Владимировича Образцова, главного режиссера Центрального театра кукол, Героя Социалистического Труда. И в ответ получили письмо:

Дорогие читатели журнала «Пионер»!

За поздравительную телеграмму большое, большое спасибо, только я сам с собой в куклы никогда не играю. Это вы вместе со мной играете, когда приходите в театр да еще чуть что — в ладошки хлопаете, как маленькие.

Давайте как-нибудь поменяемся местами. Вы приготовите кукольное представление, а я приду к вам смотреть и тоже буду в ладошки хлопать, как маленький. И вам занятно, и мне весело.

Ваш С. Образцов.

Интересно, найдутся ли среди вас такие смельчаки и мастера кукольного дела, которые приготовили бы такое кукольное представление, чтоб можно было Сергея Владимировича пригласить и чтоб смотреть это представление ему было весело?

Журнал в журнале ✱ печатает только тебя

Марина ДРЕНОВА.
Ей 13 лет, живет она в Москве.

ЛЕБЕДИ

Лебединая стая кружится —
Снежный, пушистый рой.
Вместе со мной ложится
И утром встает со мной.

А ночь бесконечно длится,
Сливаясь с бескрайней зимой,
И белая стая мне снится,
Объятая снов тишиной.

Утром они улетают,
Случайно касаясь стекла.
В слепую метель забирают
Частицу ночного тепла.

И солнце так ярко сияет,
И утра багряная гладь...
И снежные лебеди тают,
Чтоб ночью опять прилетать.

✱

Сережа ОНИЩУК,
город Владимир.

Ржавых прутьев крепкая ограда,
А за нею — маленький зверек.
Он глядел таким молящим взглядом,
Так просил! Но что я сделать мог?

Воробьи чирикали на ветке,
Теплый ветер листья колыхал,
А зверек сидел в железной клетке
И о чем-то с грустью вспоминал...

И надежда сквозь тоску сквозила,
До сих пор я помню этот взгляд.
На душе моей так скверно было,
Словно был я в чем-то виноват.

Оля СЕМЕНКИНА.
Живет она в городе Ангрене, в Узбекистане.
Ей 11 лет.

НОЧЬ

Обходит ночь свои владенья,
Ступая твердою ногой.
Не слышно мягкого движенья,
Лишь звездный блеск над головой.
Но звезды — это плащ цветастый,
Луна — венок стоит дугой.
Сама же ночь на небе ясном
Видна лишь темнотой.

НОЧНАЯ СКАЗКА

Ночная сказка к нам приходит,
Когда мы спим и все стихает,
И в каждый дом она заходит,
И люди сразу засыпают.

Деревья шепчутся тревожно,
И ждут они рассвет,
А сказка ходит осторожно,
Уже ей много лет.

✱

Адэла ФИШМАН из города Кишинева. Учится она в 4-м классе.

ОБЛАКА

Облака, облака
Все плывут,
Вдаль бегут.
Пушистые, мохнатые,
Летят, они летят.
Не устают, они спешат
И с высоты на мир глядят.

Было облако медведем,
А сейчас оно — лисица.
А другое было шаром,
Расплылось и стало паром.

ТЕЛЕФОННЫЙ ГНОМ

Слышу звон-перезвон,
Затрезвонил телефон.
В телефоне гном живет,
Если кто меня зовет,
Он звонить не устает.
В колокольчик гном звонит,
Даже ночью он не спит.

Тридцать три злоключения и одно чудо

А. ШАРОВ РАССКАЗ **Рисунки И. УРМАНЧЕ.**

ТО, О ЧЕМ БУДЕТ РАССКАЗАНО ЗДЕСЬ, происходило в доме № 3 по Колодезному переулку, а еще на трамвайной остановке и в школе. И участвовали в этих событиях ребята, которых в нашем микрорайоне знают все,— Костя и Ромка.

А что касается гнома, то он появился только в самом начале и всего на несколько минут, даже и не гном, а просто маленький человечек. Так что это не сказка, а самая обыкновенная таинственная история.

Глава первая, с которой все начинается

Костя Бузыкин стоял на остановке. Бузыкины не так давно перебрались в новый дом, и Костя все еще учился в своей двести одиннадцатой школе.

Ему было не слишком весело. Он ждал трамвая и думал: «Если вызовет Ольга Максимовна, можно будет сказать: «Стихотворение я не выучил потому, что болела голова». А если вызовет Кузьма Петрович, скажу, что задачи решил, но забыл тетрадку. А вот как быть с географией? С реками Австралии?»

Костя огляделся по сторонам. Ни одного человека. Он только успел подумать, что это странно, когда увидел, что через рельсы движется фигурка в красивом красном с золо-

тым костюме. Очень маленькая фигурка—не выше карандаша.

«Заводная игрушка,— подумал Костя.— Как она очутилась на рельсах?»

У Кости почему-то похолодело в груди. Он открыл рот, чтобы перевести дыхание, но забыл вдохнуть воздух.

А человечек все бежал по трамвайному полотну. Костя видел, как мелькают ножки в коротких красных штанах и золотых чулках.

Человечек старался бежать быстрее, но увязал в снегу.

«И почему он без пальто? — подумал Костя.— Даже без шарфа — ведь зима?.. Кому понравится, когда пристают с дурацким шарфом! Но я-то здоровый парень, в четвертом классе. А он...»

Человечек все бежал, когда из-за поворота, стуча колесами и звеня, показался вагон.

— Берегись! — отчаянно крикнул Костя.

Он рванулся, схватил гнома под носом скрежещущего тормозами трамвая, выскочил на мостовую и побежал по переулку, чтобы поскорее скрыться от сердитой кондукторши, которая закричала вслед:

— Ноги отрежет — будешь знать!

Костя представил, как он лежит на операционном столе. Оперирует его отец. Слезы из глаз отца падают на простыню. Все это возникло так явственно—белые стены операционной, отец с хирургическим ножом,— что Косте стало ужасно жаль себя.

А потом он увидел себя ковыляющим на костылях по комнате. Мать, плача, прерывающимся голосом говорит отцу:

— Забросили ребенка, вот и дождались!

Костя сам чуть не расплакался, но в эту секунду услышал тоненький голосок:

— Мне больно.

Он вспомнил о человечке и осторожно, чтобы не уронить его, разжал кулак.

— Спасибо! — сказал человечек.—Опустите меня, пожалуйста, на тротуар.

Прохожих по-прежнему не видно было.

Человечек стоял, заложив за спину крошечные руки и устремив на мальчика спокойный взгляд.

— Вы меня спасли,— сказал он.— И я повелеваю, чтобы исполнилось одно ваше желание.

Эти слова он проговорил особенным торжественным голосом.

«Как волшебник»,— подумал Костя и спросил:

— Любое желание?

— Любое. Но одно-единственное!

— Даже... даже сундук с драгоценностями?

— Мне будет жалко, мальчик, если вы не придумаете ничего лучшего. Не торопитесь: впереди вся жизнь.

— Надо сказать волшебное слово?

— Волшебные слова в сказках.— Человечек улыбнулся.— Просто сильно пожелайте — и желание исполнится.

Проговорив это, он исчез. Словно сквозь землю провалился.

Улица наполнилась людьми. Их было много, и двигались они так быстро, что Костя испугался, как бы человечка не затоптали.

Он даже крикнул: «Осторожнее!» — но никто не обернулся.

В школу Костя не пошел, весь день был сам не свой, а вечером побежал к Ромке, своему лучшему другу.

Он остановился около маленького деревянного дома, где жил Ромка, и, как было заведено, три раза свистнул.

«Вот Ромка скажет...» — думал он, чувствуя, что волнение, не оставлявшее его весь день, проходит.

Глава вторая, в которой Костя советуется с другом

— Сундук с драгоценностями!.. Будто маленький! — проговорил Ромка, когда Костя рассказал об утреннем происшествии.

Был звездный морозный вечер. Они шли по переулку между домами с палисадниками. Снег скрипел под ногами и, чуть слышно шурша, падал с деревьев.

— Да,— задумчиво сказал Ромка,— тут, я полагаю, и не у каждого пятиклассника шарики сработают.

Костя молчал. Он ни о чем особенном не думал. Он дружил с Ромкой, сколько помнил себя. И с тех пор, как он еще ходил в старшую группу детсада, а Ромка был уже школьником, с тех пор, как он учился еще у Марии Борисовны, учительницы младших классов, а Ромка перешел в четвертый класс, Костя привык во всем полагаться на друга. Есть люди, знающие больше, чем Ромка,— и отец, и учителя, и всякие профессора,— но они того, что заботит Костю, не поймут как следует. А Ромка поймет, и все, что нужно, Ромка знает.

Так повелось между друзьями, что Ромка в трудных случаях решал за обоих. И если уж решал, Костя слушался.

И сейчас Ромка думал за обоих.

Он думал: конечно, есть сотни, тысячи всяких желаний — сходить в кино, съесть мороженого сколько захочешь. Но ведь нужно придумать такое, что иначе никак бы не сбылось.

Даже не велосипед, даже не самый лучший на свете радиоприемник.

Даже не автомобиль?

Да, даже не автомобиль.

Поехать туда, куда иначе не попадешь? В Африку? Или уж лучше в Антарктиду, где королевские пингвины? Но ведь и в Антарктиду можно попасть. Завербоваться в экспедицию — и готово дело...

— А если на Марс...

Последние слова Ромка проговорил вслух, но тихо и с некоторым страхом в голосе.

— Вот он,— сказал он, останавливаясь и вглядываясь в небо.— Красный и два спутника: Фобос — по-нашему «Страх» и Деймос — «Ужас». Так не разглядишь, только в телескоп.

Он взглянул на Костю.

— А... а обратно? Желание-то одно...

— Думаешь, человечек не поможет? И марсиане...

— А ты думаешь, они есть? На Луне-то ведь людей нет,— робко напомнил Костя.

— Верно...— Ромка снова надолго задумался.— А может, они в кратерах?.. Мы в домах, а они в кратерах! Чтоб от метеоров...

— А если тебе полететь?—сказал Костя.— Ничуточки мне не жалко желания этого. Марсианам ты лучше понравишься...

— Не выйдет.— Ромка долго глядел в небо, где таинственным красным светом горел Марс.— Бабушку не с кем оставить: она и не встает теперь. И дареного не дарят... Да ты не торопись. Предупреждал же человечек, чтоб не торопился... Подумаем...

Глава третья, где рассказывается, как бывает, когда ничего не хочешь

Дома Костя сразу почувствовал тот еле уловимый запах, по которому можно узнать, что отец пришел с операции.

Отец сидел у стола, смущенно улыбаясь, а мама ходила по комнате и говорила радостно-возбужденным голосом:

— Ты великий человек, Пашка Бузыкин. Ты самый великий и замечательный человек из всех самых нелепых и рассеянных людей на свете.

— Что ты, что ты, Верочка! — смущенно бормотал отец.— Я обыкновенный рядовой врач. И операция была самая рядовая.

Костя посмотрел на маму и подумал, что она похожа на десятиклассницу, только таких красивых школьниц не бывает.

— Будем праздновать!— весело воскликнула мама.— Все за мной! Хочешь мороженого, Костя?

— Не хочу,— сказал Костя, вспомнив о человечке.

— С клубничным вареньем?

— Не хочу! — испуганно повторил Костя, зажимая ладонями уши.

— Не заболел? — Мама коснулась губами Костиного лба.

Улыбка сошла с ее лица.

— Пойди отдохни.

Костя лег на диван и открыл самую лучшую книгу — «Гекльберри Финн». Сегодня ему никто не нравился — ни Том, ни негр Джо, ни даже Гек, которого он так любил.

Костя подумал, что если не решит задачи, обязательно захочется, чтобы уроки приготовились сами, сел к столу и заставил себя раскрыть учебник.

Он очень старался, но болела голова, и ответ все не сходился.

Часов в десять из-за стены послышался мамин шепот:

— Видишь, ребенок извбдится.

— Хочешь, вместе попробуем? — ласково сказал отец.

— Не хочу! — почти закричал Костя.

Отец вышел; сразу донесся мамин шепот:

— Он тебя боится. А все потому, что тебя интересуют только пинцеты-ланцеты.

Отец молчал.

Задача наконец решилась. Но Костя еще до половины двенадцатого учил «Белеет парус одинокий».

Только с Австралией повезло. Там оказалась одна-единственная речная система Муррея—Дарлинга; остальные реки маленькие, летом пересыхали, и их можно было не учить.

Костя лег и стал повторять, как советовал Ромка: «Ничего не желаю, ничего не хочу».

Он проговорил эти слова сто три раза и понял, что он самый несчастный мальчишка в мире и что он и на самом деле никогда в жизни больше ничего не захочет.

Мама подошла и спросила:

— Что с тобой?

— Мама,— сказал он.— Хочешь, я пожелаю, чтобы ты всегда была счастливой?

— Мне нужно только, чтобы тебе было хорошо.

— Но ведь двух желаний нельзя,— ответил Костя.

Он стал засыпать. Но и сон без желаний был пустым; метались в ночной тьме два спутника — «Страх» и «Ужас», и текла неизвестно куда речная система Муррея—Дарлинга.

Следующие три дня — среду, четверг и пятницу — Костя был занят тем, чтобы ничего не хотелось. Ему было очень трудно.

Ольга Максимовна, учительница русского языка и литературы, маленькая и хрупкая.

— Поздравляю! — сказал Кузьма Петрович, усаживая Веру Алексеевну и пододвигая поближе кожаное кресло.— Ваш мальчик стал старательным, сдержанным и вежливым. За четыре дня ни одной драки — специально перед вашим приходом проверял записи дежурных воспитателей. Зовут играть в хоккей — отказывается: проявление силы воли. Вчера спрашиваю: «Хочешь к доске?» «Нет, не хочу». «Тогда, будь любезен, против желания». Пошел, и что вы думаете? Решил задачу с некоторым даже изяществом. Как это расценить? Формирование сдержанности, скромности и сознания собственного достоинства. Степенность и сдержанность — редчайшие, между прочим, качества у современной молодежи. Нет никаких сомнений: резкие, благодетельные перемены.

Глава четвертая, в которой как будто бы все хорошо, но почему-то всем плохо

В субботу Костину маму, Веру Алексеевну, вызвали в школу. Она шла, понурив голову, и гадала, что на этот раз — выбитое стекло, драка, двойки или разболтанность.

Хорошо бы просто разболтанность.

Она робко приоткрыла дверь учительской, но ее сразу заметил Кузьма Петрович, Костин классный руководитель и преподаватель математики. Он заулыбался, вскочил из-за стола и пожал ей руку.

— Очень, очень рад!

«Беда,— подумала Вера Алексеевна.— А то чего бы он так старался?» Последние дни она все время ждала беды.

Кроме Кузьмы Петровича, в комнате была

— Не слишком ли резкие...— сказала Ольга Максимовна.

— Почему «слишком»? — Кузьма Петрович недовольно поморщился.— Три с половиной года наш педагогический коллектив подвергал Костю многочисленным воспитательским импульсам и, должен напомнить, без всякого внешнего эффекта. Но, как теперь ясно, импульсы, так сказать, интегрировались.

— А мне почему-то кажется, что он не очень счастлив,— сказала Ольга Максимовна.

— Счастлив, несчастлив... «Слова, слова...» — как говорил Гамлет. Слишком вы любите слова, дорогая Ольга Максимовна.

— Ничего не поделаешь, я ведь словесник.

Вера Алексеевна вернулась домой со странным ощущением: если все так хорошо, то почему же всем так плохо?

Она приоткрыла дверь в комнату сына. Костя лежал на диване, глаза у него были закрыты.

Павел Сергеевич, сидя у стола, прихлебывал холодный чай и с наслаждением листал толстую книгу с цветными таблицами.

— Павлик, милый,— сказала она.— Мне жалко отвлекать тебя да еще и расстраивать, но ты должен сейчас же поговорить с Костей. Вы мужчины и найдете общий язык.

Отец послушно поднялся.

— Только, пожалуйста, без резкости: «Выкладывай, мол, что у тебя!» Прежде привлеки, заинтересуй — когда-то ты ведь умел...

— Понятно! — коротко ответил отец.

Вера Алексеевна осталась в приоткрытых дверях, а он сел на диван рядом с сыном, вздохнул и начал:

— Так вот, в некотором царстве, в некотором государстве...

— Павлик,— тихо сказала Вера Алексеевна.— Он уже не в детском саду. Ты так занят и просто не заметил, что Костя четвертый год в школе.

Отец помолчал и заговорил по-другому:

— Такое дело, сынок. Раньше считалось, что при сложных переломах бедра...

— Павлик, я не просила усыпить сына. Спит он и так прекрасно.

— Но мне интересно,— сказал Костя.

— Досказать? Хочешь? — спросил отец.

— Нет, нет! — воскликнул Костя.

Ему было жаль отца, но он не мог ответить по-иному.

Глава пятая, в которой участвуют атласские львы...

В воскресенье утром явился Ромка.

— Тетя Вера, можно мы с Коськой в цирк пойдем на дневной? Я уже билеты купил.

— Конечно, Ромочка,— обрадовалась Вера Алексеевна.

Когда они вышли на улицу, Ромка взглянул на Костю и спросил:

— А все-таки почему человечек другим людям не помогает? Умирает больной. Что ему стоит пожелать: «Пусть выздоровеет!» Или корабль тонет...

Костя тоже думал об этом и ответил сразу, хотя и не очень уверенно:

— А если у него одно-единственное желание? Ему другой человечек подарил: жил, жил да и отдал. А он мне.

Ромка кивнул.

— И людей он боится,— продолжал Костя.— Он ведь маленький. Он ведь, когда прохожие появились, спрятался.

— Верно! — сказал Ромка и улыбнулся какой-то своей мысли.— А может быть, он и помогает? Люди-то выздоравливают. Утром бабушка на рынок собралась...

Они подходили к цирку. Было еще полчаса до начала. Ромка шагнул к стене, где висела желтая афиша, и положил руку на гриву косматого льва. Рядом со львом была изображена укротительница, молодая, с серебряным хлыстиком. Высоко под крышей метровыми буквами светилась надпись:

«Сильвия Чезарини и ее атласские львы».

— Самый свирепый зверь, между прочим,— сказал Ромка и как-то особенно взглянул на Костю.

...Люди шли по улице, весело переговариваясь, но на ступенях цирка разом замолкали и ускоряли шаг.

Пар, клубами вырывающийся из стеклянных дверей, нес запахи опасности и хищных зверей, и, глотнув этот воздух, ощутив цирковую тайну, человек забывал обо всем.

Костя и Ромка прошли через полупустое фойе, выпили в буфете газировки с сиропом и первыми, как только открылись проходы, очутились в зрительном зале.

Места оказались лучше не бывает: последний ряд — хочешь сиди, хочешь вставай.

Служители в униформе поливали из брандспойтов пустую арену. Осветители проверяли прожектора, и в острых лучах, отвесно падающих с купола, брызги воды вспыхивали разноцветными искрами на покрытом красной ковровой дорожкой барьере. Оркестранты настраивали инструменты.

Неожиданно сквозь медные звуки труб отдаленно прозвучал низкий, заставляющий прислушаться, протяжный, рокочущий звук.

— Они... — сказал Ромка.— Африку вспомнили...

Все первое отделение Костя чувствовал себя счастливым — он смеялся, переживал, хлопал в ладоши. Только когда на клоуна Олега Попова упало пятно света и тот стал очень смешно представлять, будто это солнечный луч и он греется под ним, а после стал пригоршнями собирать свет в котелок, Костя подумал: «А что, если превратить свет в золото? Вот бы Попов удивился, и все в цирке тоже».

Потом выступали эквилибристки на проволоке, сестры Жарковы — Клотильда, Антуанетта и самая маленькая, в расшитом блестками трико, Лена.

Олег Попов ходил под проволокой по арене и представлялся, будто бы очень боится.

Костя прямо покатывался, глядя на клоуна; Ромка строго шепнул ему:

— Ускорение силы тяжести проходил? Сорвутся — не раздумывай!..

Про ускорение силы тяжести Костя еще не знал, но и без того он понял, что раздумывать времени не будет.

Теперь он не сводил глаз с сестер, ему стало невесело, и он хотел только, чтобы номер скорее кончился. А о Лене подумал: «Лучше бы в школу ходила, как все девчонки».

В перерыве, когда они вышли в фойе, Костя спросил Ромку:

— А если весь солнечный свет превратить в золото?

Как всегда, прежде чем ответить, Ромка помолчал.

— Я полагаю, растения погибли бы — это раз. И все бы замерзло.

Косте представился ледяной мир, где в полной тьме золото холодно звенит под ногами.

Второе отделение было отведено Сильвии Чезарини. По проходу, огражденному решеткой, в клетку один за другим вбежали десять львов. Они вскочили на тумбочки, установленные по кругу, и замерли. Вслед за львами появилась укротительница. Она обвела зверей взглядом и закрыла дверцу.

«Совсем маленькая,— подумал Костя,— меньше мамы».

За решеткой выстроились пожарные с брандспойтами наготове.

Неожиданно один из львов мягким движением соскользнул с тумбы, оттолкнулся всеми четырьмя лапами и, длинно прыгнув, ударился о прутья клетки; стало слышно, как они тревожно зазвенели.

Костя и Ромка, чтобы лучше видеть, встали на скамейку.

— За этим следи! — сказал Ромка.— Если запах крови почует — беда!

Только теперь Костя понял, для чего они пошли в цирк, и от этой мысли, от неожиданно нахлынувших страха и неуверенности пересохло во рту.

Сильвия Чезарини что-то крикнула, отрывисто и резко, взмахнула хлыстом, и лев послушно затрусил к своей тумбе.

Публика захлопала, но важный человек в цирковой униформе, подняв руку, поднес ко рту мегафон и сказал:

— Настоятельная просьба соблюдать во время исполнения опасного номера спокойствие. Аплодисменты тревожат зверей.

Сразу установилась такая тишина, будто люди перестали даже дышать.

По команде укротительницы звери прыгали через горящий обруч, ездили на велосипедах, положив передние лапы на руль.

Потом четверо львов стали в ряд, на них вспрыгнули трое других, еще двое образовали третий этаж, а десятый лев ловко взобрался на вершину пирамиды. Львы не рычали, а беспокойно, по-собачьи скулили.

В конце номера Сильвия Чезарини подошла к самому большому льву, погладила его по гриве и что-то шепнула на ухо. Лев разинул пасть во всю ширину, так что стали видны острые клыки, укротительница засунула голову в черную пасть.

Костя подумал, что он просто не успеет помочь.

Но номер окончился благополучно. Львы выстроились гуськом и один за другим выскользнули из клетки по коридору, огражденному решеткой. Укротительница стала раскланиваться, а публика аплодировала.

На улице Ромка сказал Косте:

— Ну, ничего. Может, в следующий раз...

В темнеющем небе загорались первые звезды. Косте было хорошо и о «следующем разе» думать не хотелось.

Глава шестая, где чуть было не появляется самое доброе животное на свете

Костя открыл входную дверь и услышал доносившийся из комнаты незнакомый басовитый голос:

— Оснований для тревоги не улавливаю: некоторое переутомление, легкая депрессия...

На диване в столовой сидел толстый человек.

— Антон Васильевич, будем знакомы!— проговорил толстяк, пожимая Костину руку; он сильным движением притянул мальчика и усадил рядом с собой.

Взгляды Кости и Антона Васильевича встретились, и в этот момент Костя понял, что Антону Васильевичу ничего не стоит угадать его тайну. Поэтому он быстро отвел глаза.

«Может, было бы даже лучше, если бы Антон Васильевич все узнал,— думал Костя, проникаясь доверием к нему.— Но ведь... человечек боится взрослых».

— Так, так...— сказал Антон Васильевич.— Вот незадача; купил билеты во Дворец спорта, финал ЦСКА— «Спартак». И, как назло, важное заседание.

Он вынул билеты из кармана и положил Косте на колени.

— Хочешь?

— Нет! — воскликнул Костя, пряча руки за спину, будто билеты были горячие.

— Одобряю,— сказал Антон Васильевич.— Разумнее уроки повторить или почитать серьезную книжку. Не так ли? Хотя, должен признаться, я в твои годы не был столь образцовым юношей.

Антон Васильевич улыбнулся, вспомнив, наверное, школьные годы.

— Да, кстати, у меня три щенка сенбернара. Лада принесла. Жалко расставаться, но они же вон какие... Я на Ладиной бабушке лет до четырнадцати верхом катался. Хочешь одного?

Сколько Костя себя помнил, щенок был заветной и самой неисполнимой мечтой. Он умоляюще и безнадежно взглянул на маму, уверенный, что она не позволит.

— Конечно, бери, раз тебе так хочется,— сказала Вера Алексеевна.

— Не хочу,— через силу, упавшим голосом проговорил Костя.

— Мне пора.

Антон Васильевич стал прощаться.

Отец вышел провожать его. Костя слышал из коридора голос Антона Васильевича:

— В основе — сильное и внезапное нервное потрясение. Однако...

Хлопнула дверь.

...Костя бродил по квартире, не находя себе места, и наконец решил зайти к Ромке.

Ромка сидел у стола. Из-за шкафа, перегораживающего маленькую комнату, слышались шаркающие шаги бабушки. Костя заглянул через Ромкино плечо и увидел картинку, изображающую рыцаря с копьем, мчащегося на ветряную мельницу.

— Он того, с приветом. Но вообще ничего.

Костя «Дон-Кихота» не читал, но, когда Ольга Максимовна говорила на уроке о «рыцаре печального образа», она показала такую же самую картинку, и Костя подумал тогда, что это не мельницы, а всамделишные заколдованные великаны. Сейчас он подумал то же самое, но вслух сказать не решился.

— Ездил по Испании и защищал всяких людей, если кто кого обидит,— сказал Ромка, с сожалением отодвигая книгу.— Ну, чего тебе?

Костя рассказал о собаке.

— Что же ты!— сокрушенно воскликнул Ромка.— Сенбернары людей из-под снега выкапывают. И, во-первых, пожелали бы мы, и на Аконкагху можно — шесть тысяч пятьсот метров над уровнем моря, или на Джомолунгму — восемь тысяч восемьсот. Там, как снежный обвал, замерзших этих...

— Так ведь желание бы на щенка ушло,— пробормотал Костя, прекрасно понимая, что упустил счастье.

— Ну что же! И у нас, я полагаю, работа найдется. Сенбернар, знаешь, какой! Он и бандитов задержит, и на волка, и на медведя! Эх, Коська, Коська!..

Костя чуть не плакал.

Глава седьмая, в которой происходит таинственное происшествие

В пятницу Вере Алексеевне исполнилось тридцать лет. Она не пошла на работу, взяла отгул. С утра Вера Алексеевна убирала, натирала полы, пока все не заблестело, а потом стала печь пироги. Квартира наполнилась запахами горячего теста и жареного мяса — такими сильными, что Костя еще на лестничной площадке почувствовал эти ароматы. К шести, когда приходил отец, мама расставила на накрахмаленной скатерти три прибора, бутылку вина и лимонад.

Пирог, прикрытый расшитым полотенцем, стоял на комоде; казалось, что он дышит, как живой, и с любопытством поглядывает темными глазками-изюминками.

Вера Алексеевна раскраснелась от готовки и в новом синем платье с белым кружевным воротничком была очень красивая.

Тем временем минуло четверть седьмого и половина седьмого, а отец все не приходил.

Вера Алексеевна без цели бродила по комнате, в десятый раз протирая тарелки; она подходила к телефону и смотрела на него то с мольбой, то с укоризной, будто аппарат виноват в том, что отец не дает о себе знать.

Из-за дверей слышалось, как, проезжая мимо, натужно гудит лифт.

Вера Алексеевна побледнела, глаза потеряли блеск.

— Боже мой! Что же это?..— шептала она.

Костя старался не глядеть на мать. Несколько раз он выбегал на улицу встречать отца.

Мать каждые десять минут подогревала чайник, потом погасила газ и села неподвижно у черного замерзшего стекла спиной к комнате.

Отец пришел только в девять. Он положил руки на вздрагивающие плечи матери и сказал усталым голосом:

— Поздравляю, девочка! Пожалуйста, не обижайся. Анестезиолог молодой, ввел слишком маленькую дозу. Не знаю даже, как мы выпутались...

— Я нисколечки не сержусь,— сказала Вера Алексеевна каким-то странно бесцветным и ровным голосом.— Я понимаю, какая у тебя работа. А потом, что это за праздник — тридцать лет! Просто мне казалось... Помнишь, ты принес белую гвоздику тогда?.. Такой букетище... И почему-то мне казалось, я даже была уверена...

Она заплакала.

Отец растерянно взглянул на свои руки, даже пошевелил пальцами, темными от йода.

— Как же так?— бормотал он.— Я ведь все время помнил про цветы...

Костя увидел заплаканное мамино лицо, и в эту секунду ему захотелось больше всего на свете, чтобы сейчас же появилась эта белая гвоздика.

Он крепко зажмурился, сосчитал про себя до десяти и открыл глаза.

Цветов не было.

Костя обежал комнату, заглядывая во все уголки. Отец и мать стояли друг против друга, не говоря ни слова.

Пахло не горячим тестом и праздником, а папиной операционной и сырым холодком, проникающим сквозь неплотно притворенную дверь.

И вдруг в этом стылом ветерке почувствовался—или, может быть, Косте это только показалось — пряный запах гвоздики, слабый и отдаленный. Костя рванулся к двери, распахнул ее и, хотя в передней не горел свет, сразу разглядел на тумбочке охапку белых гвоздик.

Костя схватил цветы, ворвался в комнату, опрокинув по дороге стул, и сунул букет в руки отца. Лицо матери стало таким, каким Костя ни разу до того не видел — светящимся. Хотя слезы все еще текли по щекам.

— Пашка Бузыкин,— сказала мать, погружая лицо в цветы.— Ты самый чудесный и самый рассеянный, нелепый и прекрасный человек на земле. А я самая счастливая женщина.

Больше ничего таинственного не произошло. Бузыкины ужинали, пили чай. И когда мать спросила Костю, хочет ли он еще кусок пирога, он сразу воскликнул:

— Очень хочу!

Потом Костя выбежал во двор.

Ему хотелось забить хоть одну шайбу, но он забил целых три.

А вечером он сел за уроки. Сегодня даже уроки ему хотелось готовить.

Он хотел щенка, и отец сказал, что попробует поговорить с Антоном Васильевичем; и он хотел полететь на Марс, но не сейчас еще; и хотел выкапывать из-под снега людей; хотел мороженого и пойти в цирк и в кино. Вообще он хотел все. Было прекрасно жить и желать все, что существует на свете.

Машина учится деликатности

Где только сейчас нет машин и автоматов! Да и не только сейчас — не одну сотню лет шумят на фабриках и заводах станки.

А вот в сельском хозяйстве эти помощники появились довольно поздно, всего лет сто назад. И на это были свои причины.

Одно дело — плавить металл, вытачивать детали, переносить тяжести, копать котлованы. Тут машины на месте, они с успехом заменяют человеческие руки.

Другое — нежный стебель пшеницы, гнущийся под тяжестью колоса, невесомые коробочки хлопка, хрупкий чайный лист, мягкая, в тончайшей кожуре ягода...

Вот где долгое время казалось немыслимым заменить человека, создать такую «железную руку», которая не погубила бы все это хрупкое богатство.

Мы не будем здесь рассказывать о недолгой, но бурной истории уборочных машин. Всякий знает, что сегодня таких машин много — сильных, умелых, сложных. Они разные для разных растений. Но главное у всех этих машин одно: бережное отношение к растению, которое они срезают, выкапывают, срывают.

Над землей растут:

пшеница, рожь, ячмень, кукуруза, горох, хлопок, лен, яблоки и многое другое, что почти невозможно перечислить, а собирать нужно.

Знаменитый «Сибиряк» убирает и пшеницу, и рожь, и ячмень, и гречиху.

Фото С. КАРАСЕВА.

Рисунки А. БОРИСОВА.

Первые зерноуборочные комбайны появились примерно сто лет назад. И с тех пор принцип их действия, по существу, не изменился. Планки огромного ажурного барабана-мотовила все так же пригибают стебли и подают их под ножи. По транспортеру, как и раньше, срезанные колосья идут в молотилку. Там тяжелые барабаны, вращаясь, растирают колосья и выбивают зерна.

Почему же не меняется схема уборки? По простой причине: не меняется колос, он в принципе остается прежним.

И все же только сейчас конструкторы научились учитывать все особенности его строения.

Возьми колос в руки, потри между ладонями. Посмотри: первыми осыплются крупные, спелые зерна — они слабо прикреплены к стеблю. А те, что поменьше, не совсем спелые, как будто приклеены к колосу. Как видишь, зерно разное не только у разных сортов пшеницы, но даже в одном колосе! Как уберечь драгоценные спелые зерна и в то же время не оставить в поле их тощих соседей? Такую непростую задачу ставит колос перед инженерами.

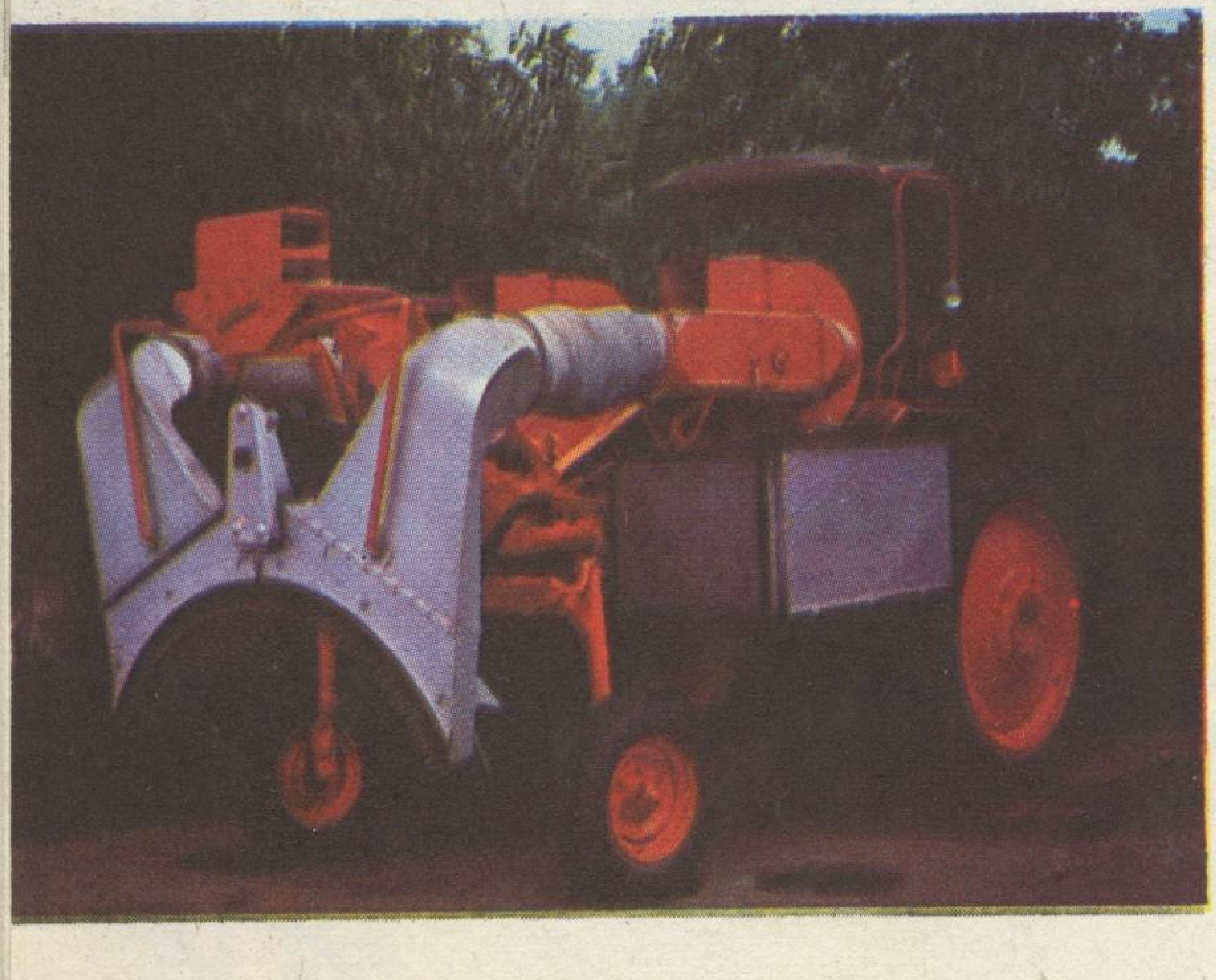
Но это еще не все. Стебли бывают разной высоты, ломкие и прочные, сухие и влажные. Разной бывает и почва, по которой идет комбайн, — черноземная, песчаная, глинистая.

Хлопкоуборочная машина. Видишь, она готова хоть сейчас двинуться по полю, прочесывая хлопковые кусты.

И хотя главный принцип не изменился, комбайн 1971 года далеко ушел от тех, что делали всего десять лет назад. Знаменитый «Сибиряк», например, справляется и с влажным зерном и с недозревшим. Убирает и пшеницу, и рожь, и ячмень, и гречиху, и сою.

Как же это удалось? Конструкторы «Сибиряка» учли, что зерно зерну рознь даже в одном колосе. И сделали поправку в обычной схеме комбайна. Вместо одного барабана для обмолота они поставили два. Первый работает мягко, бережно, спокойно — он выбивает самые крупные и самые спелые зерна, те, что идут потом на семена и дают замечательный урожай. Второй барабан работает с бо́льшей скоростью — он более энергично обмолачивает оставшиеся зерна, которые прочнее удерживались в колосе.

«Сакартвело» умеет бережно обрывать нежные чайные листочки.



Зерно — материал деликатный, не посчитаешься с этим — потеряешь урожай. А хлопковые коробочки, а чайный лист, а гроздь смородины? Они ставят перед конструкторами задачи посложнее. Хлопок, например, приходится убирать в несколько приемов, по мере созревания коробочек. Вот почему его сажают сейчас так, как это удобно уборочной машине: ровными рядами. Расстояние между ними такое, чтобы машина могла свободно идти по полю.

Прочесывая поле, машина движется вдоль кустов, погружая в них вращающиеся металлические стержни, покрытые зубцами. За них-то и цепляются хлопковые волокна. Вот машина подошла к кусту, вращающиеся стержни вырвали из коробок и накрутили на себя дольки хлопка. Затем стержни раскручиваются в другую сторону, помогая специальным щеткам снимать хлопок. Его подхватывает поток воздуха от вентиляторов и уносит наверх, в бункеры. Эта машина не комбайн. Она делает только одну операцию, но зато какую сложную!

Не менее сложную машину пришлось построить для уборки чая. Чтобы не порвать нежный чайный лист, его срывают мягкими резиновыми пальцами...

И хлопкосборщики и чаеуборочные машины «Сакартвело» давно работают на наших полях. Но до сих пор далеко не все, что растет на земле, убирают машинами. Конечно, конструкторы строят, испытывают. И многое еще отвергают. Потому что очень сложно собрать машиной урожай клубники, помидоров, виногра́да. Эти плоды настолько нежны, что и руками их надо собирать аккуратно — чуть-чуть нажмешь, и брызнет сок.

И все-таки конструкторы не сдаются. Недавно была испытана машина для сбора черной смородины. Подходя к смородиновому кусту, машина запускает в него дрожащие полиэтиленовые пальцы, куст тоже начинает дрожать, ягоды обрываются и сыплются вниз, на резиновые лотки. И ни одна из них не повреждается.

Проходят испытания и другие машины: комбайн для уборки помидоров и целый комплекс машин, который будет собирать на бахче спелые арбузы.

Под землей растут:

картофель, морковь, редис, свекла, брюква, редька, арахис. Их нужно собрать, а для этого выкопать.

Картошка, казалось бы, не требует такого деликатного обращения, как, скажем, смородина, но и тут есть

свои проблемы. Побитую и помятую картошку труднее сохранить. Вот и стараются инженеры выкопать ее из-под земли так осторожно, чтобы не повредить. Комбайн для уборки картофеля подкапывает сразу целый ряд, а то и два вместе. Стальные лемеха захватывают пласты земли с ботвой и клубнями. Но не возить же с собой эти тонны земли! И часть ее по наклонному транспортеру сразу же осыпается вниз. Остальное — сама картошка и оставшиеся комья земли — идет в хитрый аппарат — «комкодавитель». Назначение его понятно и без объяснений. Картошка не камень, и в аппарате с таким, казалось бы, грубым названием ее недолго было бы и раздавить. Чтобы этого не случилось, крупные комки разминают между двумя надутыми воздухом баллонами, вроде автомобильных шин.

Теперь в комбайне осталась картошка и ботва. Всю эту массу — на ходу! — трясут на решетах-грохотах. Теперь настала пора отделить ботву. Это делают в самом сложном узле комбайна. Картофельные кусты повисают между редкими прутками движущейся решетки, прижимаются к ней прорезиненным полотном, а особые отбойные прутки очень мягко и бережно отрывают клубни. Вот как много операций объединяется здесь, недаром говорится — комбайн!

Уже сейчас лучшие комбайны для уборки картофеля, вроде машины «Дружба», которую делают в Рязани, в десятки раз облегчают тяжелый труд. Комбайн «Дружба» на уборку гектара картофельного поля тратит около трех часов.

По такому же принципу — выкопать корнеплоды из земли вместе с землей — работают в поле и другие машины. Например, свеклоуборочный комбайн. У него свои сложности. Дело в том, что тут ботва не отход, а прекрасный корм для животных. И это заставило конструкторов усложнить и без того сложную машину. В ней два транспортера: отрезанная ботва идет отдельно от корней.

Вот какой сложной пришлось сделать машину, чтобы при уборке не помять и не раздавить картошку.

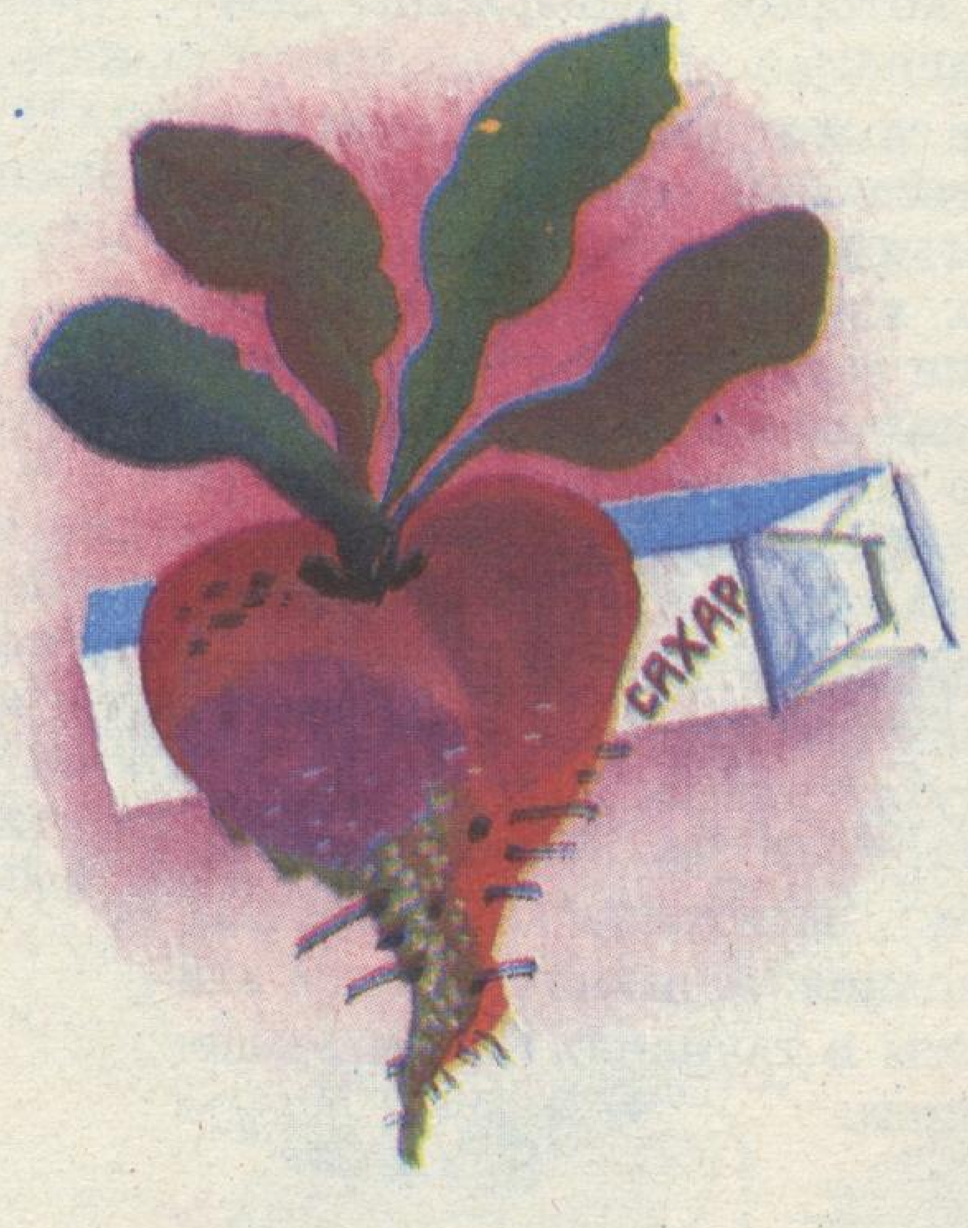
❇

Мы рассказали всего о нескольких машинах, о том, как, разобравшись в свойствах нежного материала, на современном высоком уровне техники, инженеры научились создавать машины даже для самых безнадежных, как казалось прежде, случаев, вроде уборки смородины. И теперь уже ясно, что безнадежных случаев нет, хотя осталось, конечно, еще немало растений, которых не тронула твердая и аккуратная рука машины.

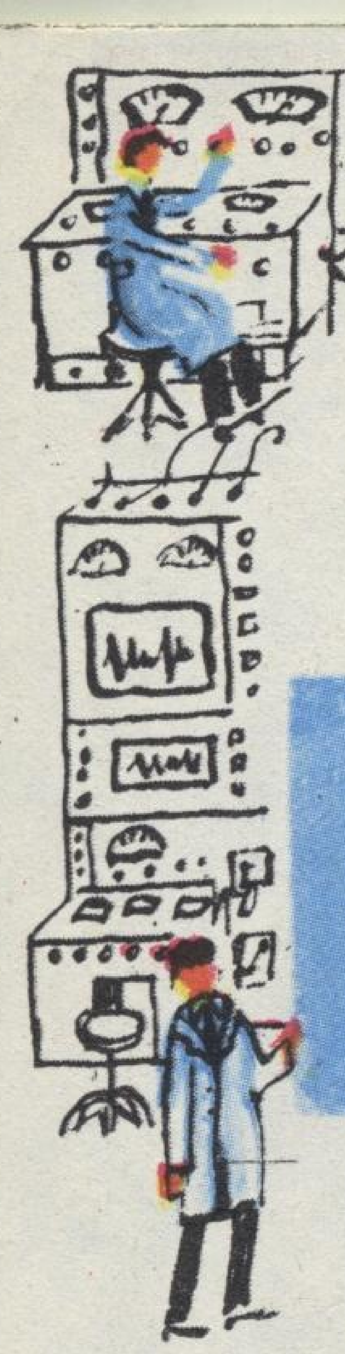
Но этот список непрерывно сокращается. Не так давно советские конструкторы создали комплекс машин для уборки урожая сахарного тростника. Такие машины, заменившие острые ножи-мачете, работают на плантациях далекой Кубы.

И все же остались еще яблоки и капуста, клубника и мандарины, салат и табак... Еще много работы впереди и у сегодняшних конструкторов и у вас, будущих.

О. ЛЕОНИДОВ,
М. ЮЛИН

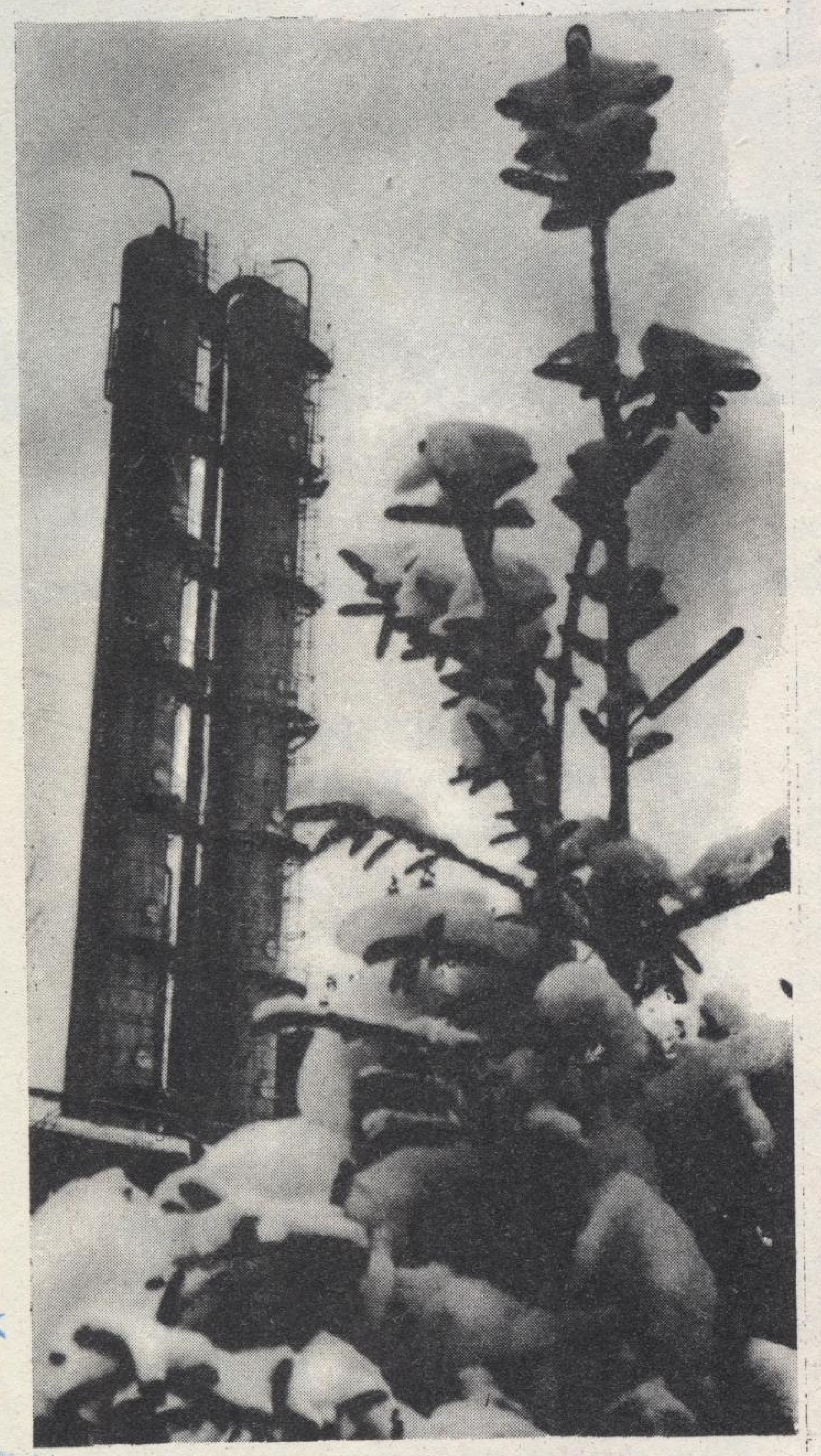


У свеклоуборочного комбайна свои «хитрости»: здесь два транспортера — отдельно для вершков, отдельно для корешков.



Научный телеграф

Опыт, который ставят в Щекине



В небольшом городе Щекино под Тулой работает химический комбинат — выпускает удобрения для сельского хозяйства. Работает успешно, план выполняет и перевыполняет, как и многие предприятия страны. Почему же именно о Щекинском комбинате говорят вот уже несколько лет на многих заводах и фабриках страны, почему приезжают в Щекино делегации из разных районов и республик? Почему о работе именно этого комбината говорилось на XXIV съезде КПСС?

Дело в том, что щекинцы с 1967 года работают по-новому. Продукции выпускают все больше, а число рабочих резко сократили.

Работу комбината назвали хозяйственным экспериментом. В любом эксперименте идут поиски нового, и щекинцы учились работать, управлять, хозяйничать по-новому. Вся страна следила за тем, как идет их эксперимент, каковы его результаты. А результаты были такие: за последние три года восьмой пятилетки выпуск продукции увеличился на 86%, выросла производительность труда и заработки рабочих.

Теперь тебе понятно, почему об опыте щекинцев говорят на самых разных предприятиях? Да потому, что это дает большие выгоды нашему хозяйству. Каждый рабочий создает больше продукции — растет его производительность труда, а значит, растет богатство народа, его доход. А те люди, которые освобождаются, идут туда, где остро нужны рабочие руки.

Как же щекинцы добились успеха? Ведь всем понятно, что на любом предприятии нет лишних людей, каждый стоит на своем месте. Оператор следит за приборами, лаборант делает анализы, механик ремонтирует машины, диспетчер руководит всей работой. Можно ли отказаться от кого-либо из них? Оказалось, можно!

Тщательно изучили работу каждого цеха и каждого рабочего. Измерялись даже маршруты, по которым химики ходили от одного аппарата к другому. Оказалось, что в некоторых случаях не нужны два человека, с двумя аппаратами вполне может справиться один, если, конечно, позаботиться о точной организации его времени. Некоторые цехи объединили — уменьшилось число инженеров, диспетчеров, мастеров. Установили новые приборы для химических анализов — меньше стало лаборантов.

На комбинате каждый третий—комсомолец, и все они тоже участвовали в эксперименте. Не десять и не сто человек, а полторы тысячи молодых рабочих освоили новые специальности. Теперь у каждого по нескольку профессий. Представляешь себе полторы тысячи рабочих — и каждый на все руки мастер! Вместе со всеми комсомольцы думали, как улучшить работу, и их предложения дали комбинату экономию в несколько миллионов рублей!

Опыт щекинских химиков перенимают сейчас на десятках предприятий страны. В этом году их работа выдвинута на соискание Государственной премии в области науки и техники.

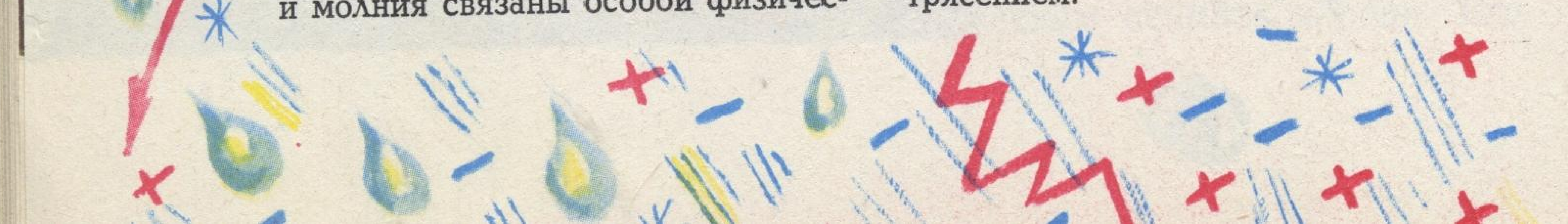
Молния и гром

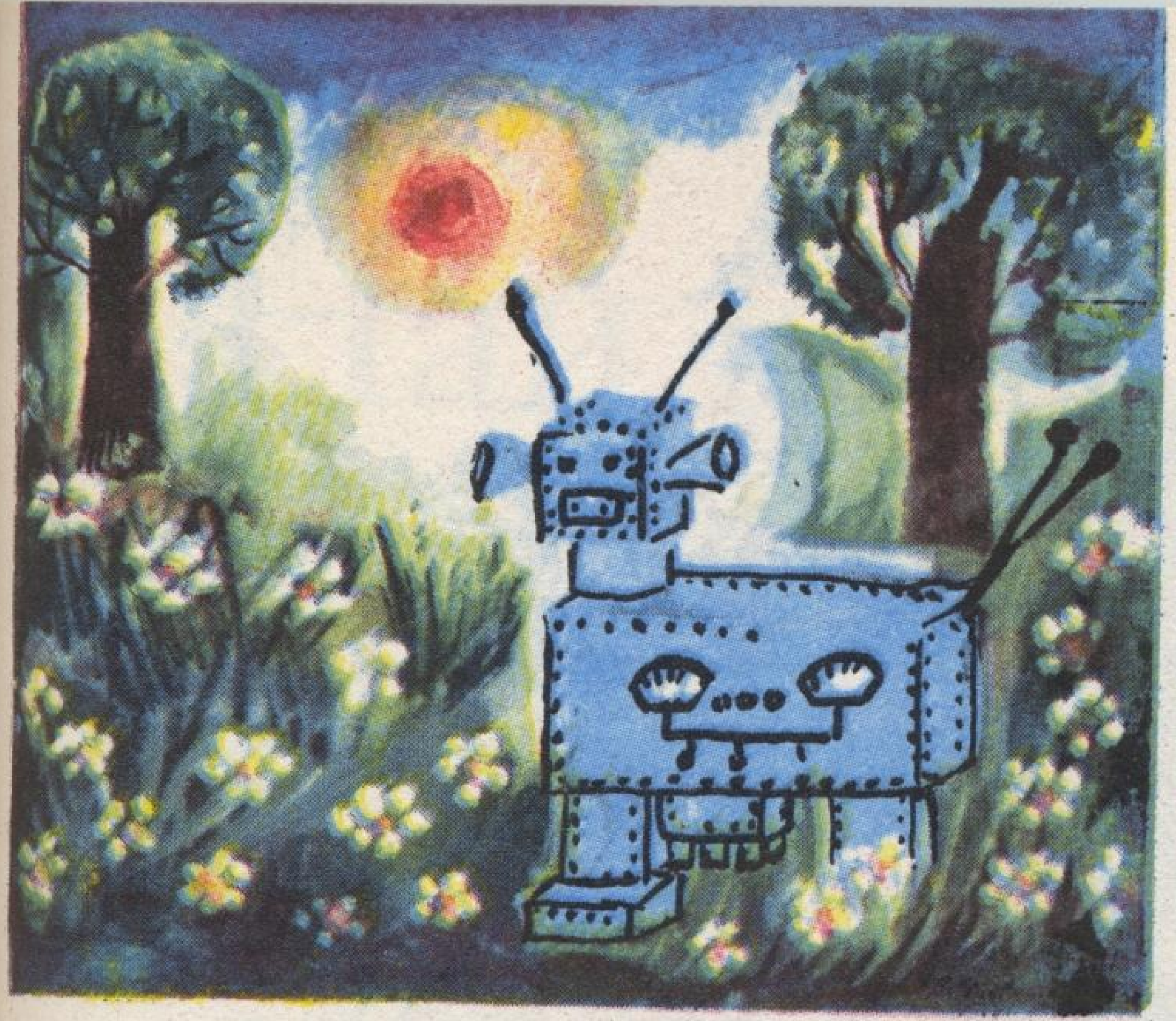
Вовремя предсказать землетрясение очень важно. Важно, чтобы успеть подготовиться к грозному явлению природы, избежать жертв. Ученые анализируют землетрясения прошлых лет и пытаются вывести какую-то закономерность, дать прогноз на ближайшие годы.

Похоже, что для прогнозов удастся воспользоваться такой яркой приметой, как молния. Дело в том, что во время землетрясения нередко случаются грозы. Это было замечено давно. В Японии есть такая примета: сверкнет молния в ясном небе — жди беды. Редко бывает, чтобы народная примета была совсем уж безосновательна. Не удивительно, что японские ученые пришли к выводу: землетрясение и молния связаны особой физической зависимостью. Конечно, эти выводы относятся к тем районам земли, которые подвержены землетрясениям.

Когда в недрах земли начинает сжиматься кристаллическая порода, в отдельных кристалликах, например, кварца, возникают электрические заряды. Этот эффект называется пьезоэлектрическим, он широко используется в технике (в любом проигрывателе есть пьезокристалл).

Небольшие заряды кристалла электризуют частицы, плавающие в воздухе,— пыль, капли воды в облаках. Так накапливаются огромные электрические заряды, бьет молния. А заканчиваются эти процессы в глубинах земли землетрясением.





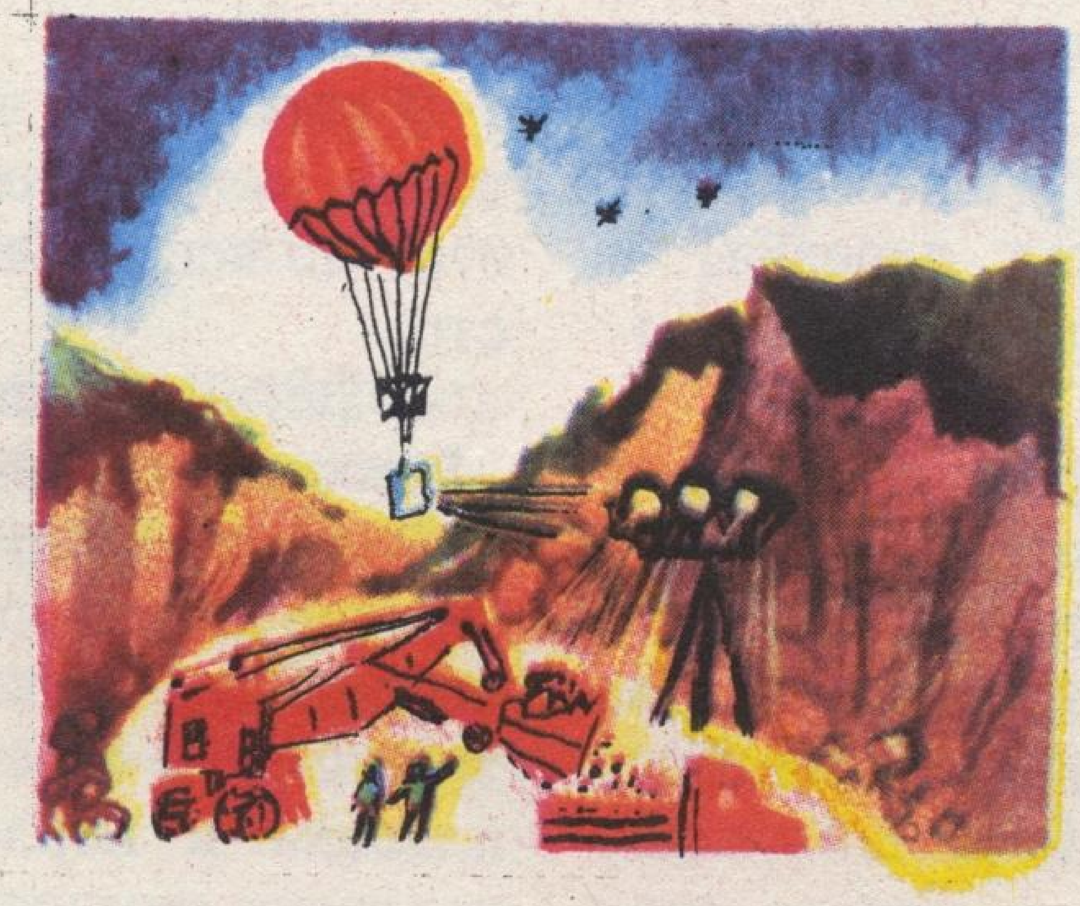
Светильник над карьером

В карьерах, где добывают руду, работа идет днем и ночью. Ночью при свете фонарей и автомобильных фар работать не очень удобно.

Несколько лет назад в одном из железорудных карьеров близ Кривого Рога появилось новшество: огромный аэростат с подвешенным прожектором. Подобно гигантскому светильнику, он висел на тросах над карьером, ярко освещая все вокруг.

А совсем недавно советский изобретатель М. Н. Рева предложил остроумное решение: прожектор оставить на земле, а вверх поднять на аэростате только зеркало. Луч прожектора отразится от него, и яркий мягкий свет рассеется по карьеру.

Рисунки А. ВОВИКОВОЙ.



Молоко без коровы

Корова ест траву. В результате сложных превращений, как известно, в организме коровы образуется молоко.

А нельзя ли получать молоко или хотя бы важнейшие его составные части прямо из травы? Недавно в научных журналах появились сообщения: создана машина, способная извлекать из травы белок. Правда, она дает полуфабрикат — не молоко, а лишь белковый порошок. К нему надо добавить жиры и некоторые витамины — получится молоко порошковое.

Пока еще неизвестно, понравится ли нам машинное молоко и будет ли оно таким же полезным, как настоящее,— это вопрос будущего.

На что способны морские желуди

Есть такие зловредные моллюски, которых называют морскими желудями. Зловредные же они потому, что приклеиваются к подводной части кораблей. Днища обрастают, корабли теряют скорость; приходится время от времени чистить корабли. Но сделать это не просто: моллюски так крепко пристают к обшивке, что их еле-еле сдирают струей песка.

Неслыханная прочность приклеивания и заинтересовала специалистов по клеям. Они выделили несколько граммов клея и стали его испытывать. Оказалось, что ничего равного ему люди еще не создали! Он, например, способен лучше других составов склеивать детали машин. Ученые узнали его химический состав и попытались искусственно получить в лаборатории. Эта попытка пока не удалась. А собирать морских желудей ради считанных граммов клея нет смысла. Но рано или поздно этот замечательный клей будет получен.

Мамонт в холодильнике

Мамонт — животное, вымершее много тысячелетий назад. Внешний облик его ученые восстановили по костям и бивням, которые не раз находили во время раскопок, да еще по наскальным рисункам первобытных художников. Но многое оставалось неясным. Скажем, как у мамонта были расположены бивни (как у слона или по-другому), какие у него были уши, хобот, шерсть... Но теперь, по-видимому, в портрете мамонта все станет на свои места. И вот почему.

...Это случилось совсем недавно, осенью прошлого года. По берегу далекой якутской речки шел охотник. Неожиданно он увидел торчащие из земли огромные, будто отполированные сучья. Охотник подошел поближе, разбросал валежник — перед ним были бивни мамонта, полузарытые в земле.

На место находки срочно выехали ученые. Да, в земле был настоящий мамонт, пролежавший в естественном холодильнике — вечной мерзлоте — несколько тысяч лет.

Зимой извлекать из грунта многотонную тушу было трудно, морозы в тех краях достигают пятидесяти—шестидесяти градусов. А летом бывает жарко, туша может оттаять. Вот и решили доставать находку сейчас, осенью. Ее раскопают мощными струями воды, погрузят на вертолет и отвезут в Якутск, в Институт вечной мерзлоты. Там есть единственная в мире подземная лаборатория, где круглый год мороз. Так мамонт снова попадет в подземный холодильник, где его будут изучать ученые.

О. ЛИБКИН,
М. ГУРЕВИЧ

Юрий КОВАЛЬ

РАССКАЗЫ

Рисунки П. БАГИНА.

Листобой

Ночью задул листобой — холодный октябрьский ветер. Он пришел с севера, из тундры, уже окованной льдом, с берегов Печоры.

Листобой завывал в печной трубе, шевелил на крыше осиновую щепу, бил, трепал деревья, и слышно было, как покорно шелестели они, сбрасывая листья.

Раскрытая форточка билась о раму, скрипела ржавыми петлями. С порывами ветра в комнату летели листья березы, растущей под окном. К утру береза эта была уже раскрыта настежь, сквозь ветки ее текли и текли холодные струи листобоя, четко обозначенные в сером небе битым порхающим листом.

Паутина, растянутая в елочках строгим пауком-крестовиком, была полна березовых листьев. Сам хозяин ее уже скрылся куда-то, а она все набухала листьями, провисая, как сеть, полная лещей.

Налимы

С первыми холодами в Оке стал брать налим. Летом он ленился плавать в теплой воде, лежал под корягами и корнями в омутах и затонах, прятался в норах, заросших слизью...

Поздним вечером, в совершенной тьме шел я проверять донки. Толстый плащ из черной резины скрипел на плечах, сухие ракушки-перловицы, усеявшие окский песчаный берег, трещали под сапогами.

Темнота всегда настораживает. Я шел привычной дорогой, а все боялся сбиться и тревожно глядел в сторону реки, ориентируясь по приметным кустам ивняка.

Невдалеке, на берегу, вдруг вспыхнул мгновенный огонь и погас. Потом снова вспыхнул и погас. Этот огонь нагнал на меня новую тревогу. Чего он там вспыхивает и гаснет, почему не горит подольше?

Я догадался, что это деревенский ночной рыбак, вроде меня, проверяет удочки и не хочет, видно, чтоб по вспышкам фонаря узнали его хорошее место.

— Эй! — крикнул я нарочно, чтоб попугать. — Много ли наловил?

В ответ что-то лишь булькнуло в воде, и не было больше ни вспышки. Я постоял немного, хотел еще что-нибудь крикнуть, но не решился и пошел потихоньку к своему месту, стараясь не скрипеть плащом и перловицами,— странно действует на человека темнота.

Донки свои я разыскал с трудом, по приметным колышкам, которые все же были видны на фоне более светлой реки. Скользнул рукой в воду и не сразу разыскал в ледяной осенней воде леску. Она пошла ко мне легко и свободно, но вдруг чуть-чуть напряглась, а метрах в трех от берега возникла на воде темная воронка, в ней блеснуло белое рыбье брюхо.

Пресмыкаясь, по песку выполз из воды налим. Он не бился бешено и не трепетал, а только лишь медленно и напряженно изгибался в руке — ночная скользкая осенняя рыба.

Я поднес налима к глазам, пытаясь разглядеть узоры на нем, но не видел, только лишь тускло блеснул в ответ маленький, как божья коровка, налимий глаз.

На других донках тоже оказались налимы.

Вернувшись домой, я долго рассматривал налимов при свете керосиновой лампы. Их бока и плавники покрыты были темными узорами, похожими на полевые цветы.

Всю ночь налимы не могли уснуть и лениво шевелились в садке.

Найда

Найда — такое же распространенное имя у гончих собак, как Дамка у дворняжек. Верная примета: гончая по имени Найда всегда работящая, вязкая, неутомимая в поиске.

Когда я приезжаю в Калининскую область к егерю Ивану, меня встречает старая выжловка Найда, русская пегая.

— Ей скоро паспорт получать, — шутит Иван. — Шестнадцать лет.

Это уже возраст для собаки.

Немало погоняла она на своем веку и заслужила на старости лет единственную привилегию — свободную жизнь. Молодые гончие Ураган и Кама на привязи, в вольере, а Найда бродит где хочет.

Да только куда особенно ходить-то? Все исхожено. И Найда обычно лежит на крыльце, приветливо постукивая хвостом каждому прохожему.

В октябре, когда грянет листобой и начнется для гончих рабочая пора — гон по чернотропу, — Найда исчезает. Целыми днями пропадает она в лесу, и от дома слышен ее глухой голос — то ли гонит, то ли разбирает заячьи наброды. Заслышав ее, Ураган и Кама подхватывают, воют, рвутся с привязи, раззадоренные гонным голосом Найды.

К ночи возвращается Найда, скребется на крыльце, просится в дом.

— Куда-а? — хрипло кричит от стола Иван. — В дом? Там сиди!

Но после все-таки открывает дверь, впускает Найду.

Покачивая головой, кланяясь, она переступает порог и идет по комнате неловко, прихрамывает.

Мякиши — так называют подошвы собачьих лап — сбиты у нее в кровь.

Она ложится в теплом углу у печки и спит тревожно, дергается, взлаивает, перебирает лапами во сне — гонит, видно.

Гонит, гонит...

Лось

Кукла, лайка, затесавшаяся в лес с гончими, нашла в чернолесье лося. Гончие сразу подвалили к ней и, когда я выскочил на поляну, уже обложили его кругом, заливались, хрипели, исходили яростью.

Наклонив голову к земле, он мрачно глядел на собак и вдруг выбрасывал вперед ногу — страшное живое копье. Один удар пришелся в березку, в два раза толще его ноги — она рухнула, как срубленная топором.

Мы с Иваном долго бегали вокруг, прежде чем нам удалось оторвать от него собак.

Этого лося хорошо знают деревенские жители. Они боятся его, считают, что он «хулиган». Когда-то он будто погнался за молодой бабой, нападал будто бы на коров, приходил много раз в деревню и подолгу стоял у Миронихина дома. Чуть ли не спрашивал: «А где Мирониха?»

Один раз на тяге он и меня сильно перепугал. Затаившись, я ждал вальдшнепов, когда услышал в олешнике треск сучьев и тяжелое дыхание «хулигана».

Багровый на закате, огромный, ободранный, тонконогий, он вышел на поляну и стал в десяти шагах, глядя на меня. Я поглубже ушел в елку, а он все глядел на меня, раздувая ноздри, шевеля тяжелой губой. Черт его знает, о чем он думал.

Листья

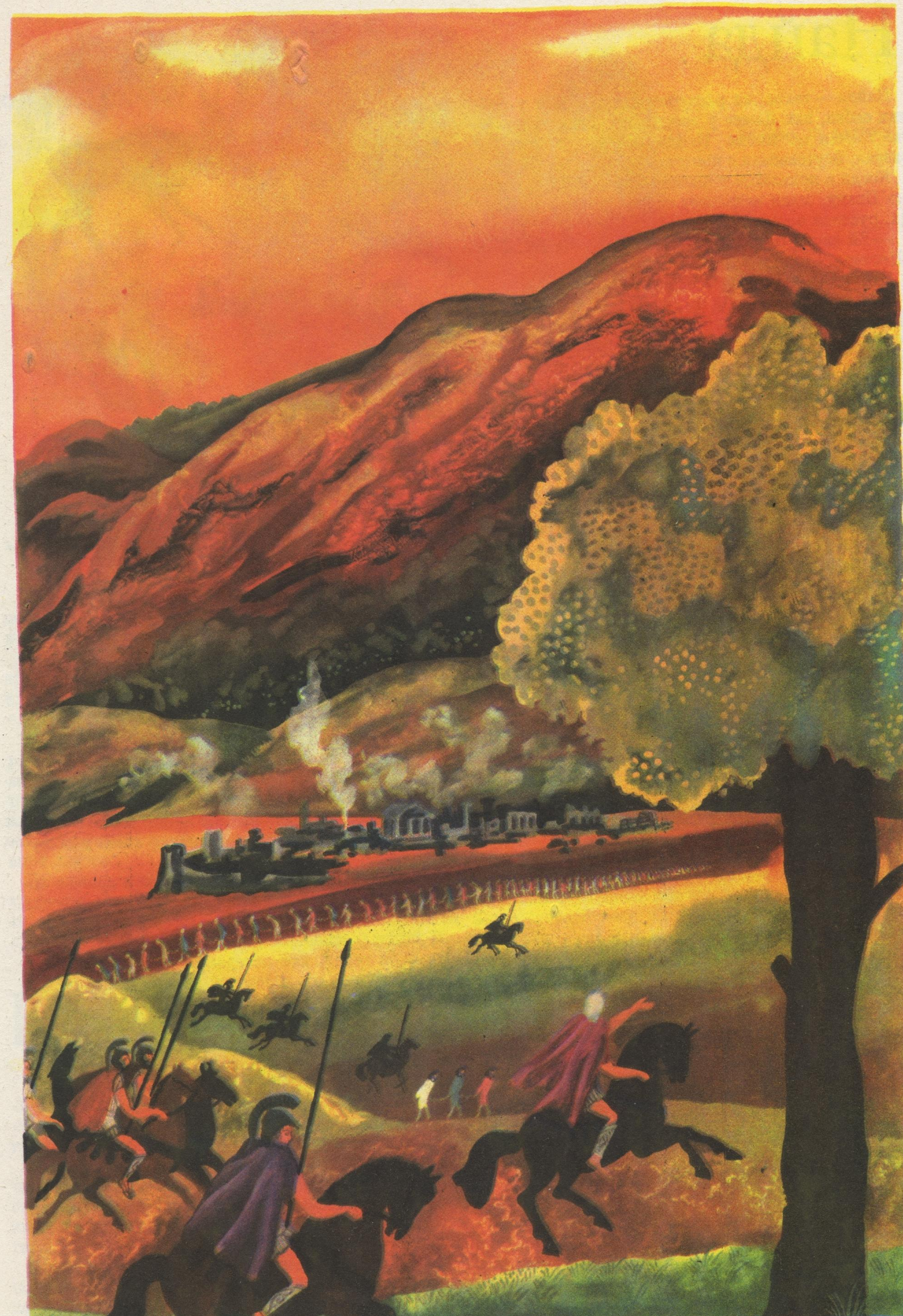
К утру иногда затихнет, но к вечеру снова расходится и свистит, шастает по деревьям, швыряется листьями надоедливый листобой. Березки на опушке давно уж сдались ему — без листьев сразу стали они сиротливыми, растерянно стоят в пожухлой траве.

А осины совсем омертвели. Вытянув крючья веток, они ловят чужие листья, как будто никогда не имели своих.

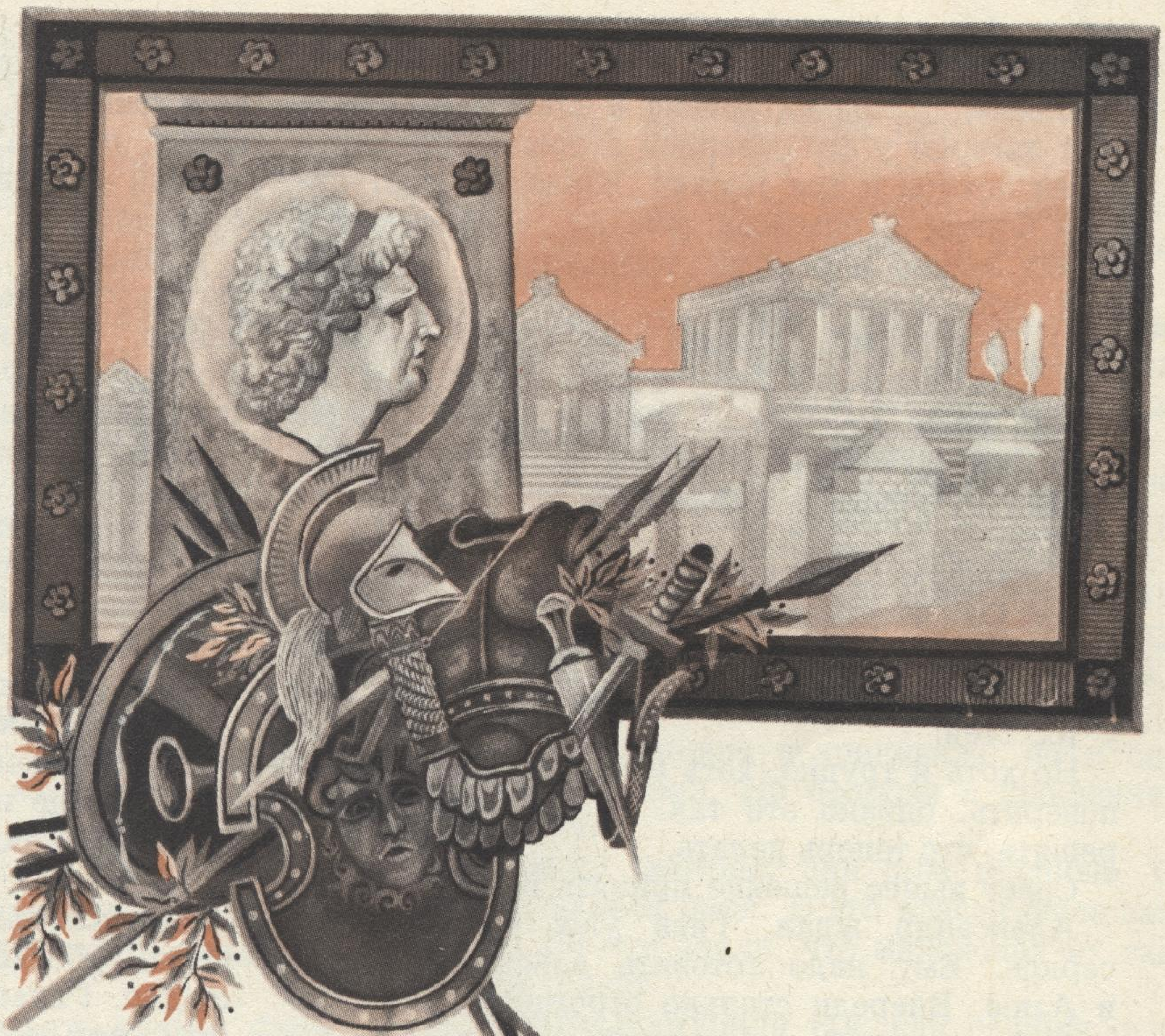
Я поднял осиновый лист. Обожженный бабьим летом, он горел, как неведомая раковина. Огненный в центре, он угасал к краям, оканчивался траурной каймой.

В глубине леса я нашел клены. Листобой еще не добрался до них. Защищенные елками, неторопливо, с достоинством роняли они свои листья. Один за другим я рассматривал битые кленовые листья — багряные, с охристыми разводами, лимонные с кровяными прожилками, кирпичные с крапом, рассеянным четко, как у божьих коровок. Клен — единственное русское дерево, из листьев которого составляют букеты. Сам прихотливый, звездчатый, он еще и разукрасился таким фантастическим, таким логичным рисунком, какого никогда не придумает человек.

Рисунок на листьях клена — след бесконечных летних восходов и закатов. Я давно замечаю: если лето бывало дождливым, малосолнечным, осенний кленовый лист не такой молодец.



Фиванцы шли длинной вереницей, сопровождаемые вооруженными отрядами.



Л. ВОРОНКОВА

ПОВЕСТЬ

Окончание.

Рисунки И. ГАЛАНИНА.

ЮНОСТЬ АЛЕКСАНДРА

Судьба города Фив

Александр убит!

Эта весть была, как удар грома. Она с непостижимой быстротой разнеслась по греческим городам, по всему побережью. Весть о смерти Александра взбудоражила Грецию. Демократы, противники македонских царей, ликовали. Они широко разносили эту весть, они кричали об этом на площадях, на народных собраниях, в театрах. Они призывали греческие города восстать против македонского владычества. Сейчас самая пора избавиться от македонцев: Александр убит, и войско его погибло! В Фивы вернулись изгнанные Филиппом правители-демократы и снова стали у власти. Фиванцы хотели изгнать македонский гарнизон из кремля города Фив Кадмеи.

А через несколько дней Александр со всем своим войском стоял под стенами Фив.

Александр, как только узнал о событиях в Фивах, прямо из-под Пелиона повернул войско в Грецию.

— Они обманули меня, — сказал он, взбешенный вероломством фиванцев, — и они за это жестоко поплатятся. Я заставлю их горько пожалеть о том, что они сделали!

Войско шло почти без отдыха. Александр шагал вместе с пехотинцами своим резким, стремительным шагом, показывая пример выносливости и неутомимости. Широкоплечий, коренастый, он не уступал старым воинам, закаленным в трудных походах. И там, где даже они сдавали, он все шагал и шагал своими коротковатыми крепкими ногами, словно пущенный из пращи.

Они шли по суровым землям, по бесплодным, иссохшим степям, поднимая пыль, от которой задыхались. Они переправлялись через реки, карабкались по каменистым склонам горных хребтов, стоящих на пути. Перейдя Кабунские горы, они на седьмой день вступили в Фессалию. А еще через шесть дней оказались по ту сторону Фермопил и по Локрийским холмам вошли в Беотию.

И сразу в Греции все переменилось.

Аркадяне уже спустились было со своих гор, направляясь к союзникам, но имя Александра остановило их на Истме.

Зато в македонское войско отовсюду шло пополнение. Шли платейцы, которых жестоко угнетали фиванцы, шли феспийцы, шли фокидяне... Все эти народы ненавидели Фивы. Услышав о смерти Александра, они пришли в отчаяние. Кроме него, никто не мог укротить безудержную жестокость фиванцев. Впереди было снова рабство и мучительство.

Но Александр пришел!

В Кадмее весь гарнизон кричал от радости, приветствуя своих. Трубили в трубы, чтобы по-

казать Александру, что они живы, что они не сдались.

Александр подвел войско к стенам города и стал лагерем у его северной стороны. Тридцать тысяч пехоты и три тысячи конницы подступили к Фивам — опытные, умелые, закаленные в битвах воины и с ними полководец, не знающий, что такое страх.

— Подождем, — сказал Александр. — Может быть, фиванцы поймут свое безумие и попросят мира. Разбить их мы всегда успеем. Но если они одумаются и сдадут город, мы уйдем отсюда без войны, которая ни им, ни нам не нужна.

Фиванские правители поспешно собрались на совет. Они еще никак не могли опомниться, никак не могли поверить своим глазам, что царь Македонский, живой и невредимый, стоит у их стен!

Но хоть и трудно, хоть и непереносимо этому поверить, однако это так. И надо немедленно решать, что теперь делать.

Совет вынес решение принять бой.

Александр ждал. Гнев уже раскалял его сердце. Ему надо готовить войско к походу в Азию. Впереди столько огромных дел, свершений, открытий, завоеваний! А он должен без конца усмирять то варваров, то греков. На что надеются фиванцы? Неужели они не понимают, какая сила стоит у стен их города?

Александр ждал от фиванцев посольства. Вместо этого ворота города неожиданно открылись, и оттуда вылетело несколько отрядов конницы и легковооруженных пехотинцев. Они бросились к македонскому лагерю и обстреляли передовые посты. Несколько человек упали, сраженные дротиками.

Александр приказал отбросить фиванцев. Македонцы выполнили это мгновенно.

На другой день Александр передвинул войско к южным воротам, поближе к Кадмее. Он привел фаланги и конницу в боевой порядок, расставил осадные машины...

И все еще ждал, все еще надеялся, что время, которое он дает фиванцам, образумит их. Попробовал начать переговоры.

— Выдайте мне зачинщиков Феникса и Профита — и я прощу вас и забуду о том, что здесь произошло, — обратился он к фиванцам.

— Если хочешь мира, — ответили фиванцы, — выдай нам Антипатра и Филоту!

Александр еще терпел, хотя гнев уже затуманивал ему глаза. Он приказал объявить:

— Кто из фиванцев пожелает, тот может явиться ко мне и принять мир, установленный для всей Эллады!

В ответ фиванцы с высокой башни, венчающей городскую стену, прокричали свое объявление:

— Каждый, кто желает с помощью персидского царя и фиванцев освободить эллинов и уничтожить тирана Эллады, пусть приходит к нам!

Если Александр еще владел собой, то у его военачальников и войска терпение кончилось. Первым не выдержал Фердикка. Не дожидаясь приказа, его отряды ринулись на палисад, которым фиванцы обнесли Кадмею. Они разметали колья, прорвались через рвы и заграждения и напали на фиванскую конницу, стоявшую за частоколом.

Александр, увидев, что его передовые отряды могут быть отрезаны, дал команду к наступлению. Зловеще протрубили военные трубы. Войско тронулось к стенам города. Фиванцы приготовились к бою.

Услышав, как заревели македонские трубы, в городе в голос заплакали женщины. Схватив детей, они побежали в храмы под защиту богов. Там они припали к алтарям, умоляя всемогущих спасти их город, их мужей и отцов, их жизнь и свободу!

Противники сошлись, оглушая друг друга воинственным кличем. Непомерная сила надвигалась на фиванцев, но они не собирались отступать, а еще и бранились, кричали: пусть македонцы сознаются, что все-таки они хуже фиванцев!

Сначала метали друг в друга дротики. Потом стали рубиться мечами. Дрались упорно, беспощадно. Раненые с той и другой стороны валились под ноги дерущимся.

— Не предадим детей и родителей рабству! — кричали фиванцы. — Не предадим родину, общий свой дом неистовству македонцев!

— Не посрамим доблести нашей! — кричали македонцы. — Не посрамим славы Македонии!

Александр, видя, что фиванцы не сдаются, а солдаты его уже утомлены, ввел в сражение свежее войско. Но фиванцы, как безумные, дрались с еще большей отвагой, с еще большей дерзостью.

И тут Александр двинул на них фалангу. Фаланга шла шаг в шаг, выставив тяжелые копья, закрывшись железной стеной щитов. Фиванцы еще пытались отбиваться. Но фалангисты смешали и опрокинули их. Фиванцы в ужасе бросились в город — и пехота и конница. В воротах они сгрудились всей массой, лошади сбивали и топтали копытами пехотинцев, многие погибали тут же...

Не помня себя, фиванцы стремились под защиту стен. Но они не успели закрыть за собой ворота, и македонцы вместе с ними ворвались в город.

Они пробились в Кадмею, и освобожденный гарнизон ринулся в нижний город на помощь своим. Македонцы лезли на стены, сбивая защиту, разрушали дома, врывались в храмы...

Два белых пера на шлеме Александра мелькали всюду, где шла битва. Он командовал, он ободрял войска. Он дрался сам, меч его сверкал, быстрый, как молния, и такой же, как молния, беспощадный.

Когда вечерний сумрак укрыл залитые кровью Фивы, Александр приказал солдатам вложить мечи в ножны. Шесть тысяч убитых фиванцев лежали на улицах города, на его площадях, на ступенях его храмов...

Наступила ночь, но в Фивах не было тиши-

ны. По улицам бродили огни факелов, страшно выли собаки. И неумолчно, не переставая, кричали и плакали женщины.

Наутро, едва поднялась над горами Беотии печальная заря, македонцы вышли хоронить своих павших соратников. Они обошли весь город, заглядывали в дома и храмы, поднимали убитых товарищей и в торжественном молчании несли их на своих щитах к могилам.

Александр сам следил за тем, чтобы похоронные обряды строго соблюдались, чтобы отданы были все воинские почести павшим. Пусть живые видят, что если их тоже настигнет смерть на поле боя, о их душах позаботятся и не дадут им скитаться без пристанища.

После этого Александр созвал военачальников и этеров.

— Что будем делать с Фивами?

Александр должен наказать фиванцев. Если он простит сейчас Фивы, то же самое начнется в Афинах. Александр знал, что Афины всегда готовы восстать против него. А там загремит оружием Спарта. И тогда опять междоусобная война. И тогда опять на неизвестное время отдалится его поход в Азию.

Но Александр не хотел решать судьбу Фив. Было чувство, что он что-то не так сделал. Ведь он намеревался только овладеть стенами города и принудить его к сдаче. А вместо этого уничтожил весь фиванский народ. Он не хотел, чтобы его считали разорителем Эллады. Но как было поступить иначе? Эти безумные люди довели его до ярости!

— Я отказываюсь выносить решение, — сказал Александр. — Здесь собрались военачальники многих городов. Среди вас есть и члены Коринфского союза. Я предоставляю вам судить Фивы и решить их судьбу. Как решит этот суд, так и будет.

Начался суд.

Вот тут и припомнили фиванцам все злодеяния, творимые ими в течение многих лет. Припомнили то, как они взяли Платеи во время перемирия и поработили платейцев. И как они убили всех, кто сдался в плен. И как хотели они погубить Афины, когда Спарта со своими союзниками собиралась поработить афинян. О разрушенных и разграбленных беотийских городах, о детях, проданных в рабство в чужие земли, — обо всем теперь вспомнили судьи, судившие своих поработителей. Кто выступит теперь здесь, на суде, и защитит Фивы? Кто скажет, что все можно простить и забыть?

И все говорили одно: Фивам прощения нет.

Тут же вынесли и постановление.

Город Фивы сровнять с землей. Оставить храм Геракла и сохранить его участок земли. Остальную землю, на которой стоят сейчас Фивы, разделить между союзниками Александра.

Всех фиванцев, оставшихся в живых, с их женами и детьми продать в рабство.

Восстановить разрушенные Фивами Орхомен и Платеи.

Бежавших фиванцев задерживать, в Элладе ни одному эллину не принимать фиванцев.

— Только прошу, не разрушайте дом Пиндара, — сказал Александр, — и не трогайте его родных. Это был великий поэт!

Судьи записали его просьбу.

Постановление было принято единогласно и безоговорочно. И тогда началось великое разорение древнего города.

Всех фиванцев, оставшихся в живых, вывели в лагерь. Они шли длинной вереницей, сопровождаемые вооруженными отрядами. Шли молча, с поникшими головами, потерявшие все: родину, свободу, честь. Шли старики, еле передвигавшие ноги. Шли раненые воины, потерявшие оружие. Шли девушки, помертвевшие от страха. Шли женщины с детьми на руках. Шли дети, цепляясь за пеплумы своих матерей. Шли гордо, угрюмо. Лишь изредка, переступая в последний раз высокий порог родных ворот, какая-нибудь женщина вскрикивала, не в силах сдержать рыдания. Но пощады и прощения не просил никто.

Александр смотрел, как шли пленные. Они будто не видели царя. В его власти было защитить их. Но они знали, что македонец их защищать не будет.

С Фивами поступили так, как решили судьи. К стенам подвели тараны, их гулкие равномерные удары слышны были далеко. Их слышали и пленные фиванцы — эти удары били их прямо по сердцу. С грохотом рушились древние стены, красная и желтая пыль стояла над городом. Победители разваливали дома, грабили имущество богатых горожан.

Не так много понадобилось времени войску, чтобы разрушить город и сровнять его с землей. Александр пришел взглянуть на развалины. Груды камня и разбитого кирпича лежали перед ним. Стояла страшная, глухая тишина.

— Фивы погибли, — сказал один оратор, — будто Зевс сорвал месяц с неба. Еще светит солнце Эллады — Афины. Но после того, что случилось, кто может предсказать грядущее?..

Наконец в Македонии!

Заключив мир с Афинами, Александр с войском вернулся в Македонию.

Он простил афинянам даже то, что они, нарушив его запрет, приняли к себе бежавших от него фиванцев. Он и сам понимал, что поступил с Фивами слишком жестоко.

Вот и Македония. Родные горы в осеннем убранстве. Знакомый с детства тихий шум Лудии. Озеро со свайными постройками, с их неподвижным отражением в чистой воде... Окруженная рощами, тихая Миеза.

Букефал охотно и стремительно шагал по давно знакомой дороге, он понимал, что идет домой, на отдых.

Вот и Пелла — большой город в широкой долине среди лесистых гор. Ворота открыты, жи-

Эта карта расскажет тебе о походах юного Александра Македонского.

тели города встречают своего царя, своих военачальников, своих воинов. Крики приветствий, венки, радостные слезы — целый год их не было дома, целый год ждали их матери, жены, дети!..

Олимпиада встретила сына во внутреннем дворике, устланном речной галькой. Мать и сын поздоровались сдержанно, но они были счастливы, что видят друг друга.

В доме уже готовился пир, грелась вода для царской ванны. Слуги несли царю чистые одежды. Сняв латы, Александр глубоко, облегченно вздохнул — хорошо дома! Ах, хорошо дома!

Он шел из зала в зал. Мать сопровождала его. Она что-то говорила, что-то рассказывала, на кого-то жаловалась, кому-то грозила... Александру не хотелось сейчас слышать ни о чем, требующем жестоких решений. Душа его словно распрямлялась, сжатая столькими тяжелыми чувствами за все это время боев, опасностей и человеческих бед. Он хотел отдыха, очень недолгого, но ясного, радостного, спокойного... Он шел по комнатам, оглядываясь на знакомые с детства росписи на стенах. Вот его любимая фреска — большие синие птицы, летящие куда-то. Когда он был маленьким, то часто смотрел на этих птиц.

Но пусть отойдет прошлое, пусть воспоминания не мешают ему. Царю Александру Македонскому пора думать о великом походе в Азию, о великой войне с персидским царем. Царю Александру Македонскому доверено высшее командование всем объединенным войском. Это войско теперь надо готовить.

Александр сделал все по обычаю македонских царей. Принес жертву Зевсу Олимпийскому так же, как приносил эту жертву царь Филипп.

В старом городе Эгах Александр, по древним установлениям греков, устроил олимпийские состязания. Кроме того, были состязания в честь девяти муз. Это празднество длилось девять дней, и каждый день был назван именем той музы, которой был посвящен: Каллиопы — музы эпической поэзии, Мельпомены — трагедии, Талии — комедии, Терпсихоры — танца, Эвтерпы — лирики, Эрато — любовной песни, Полигимнии — священных гимнов, Клио — истории, Урании — астрономии.

Царь пировал в большом шатре, где было поставлено для гостей сто богатых лож. Гости его — друзья, военачальники, послы из разных городов и от разных народов, присланные поздравить его с победами, — возлежали за обильно накрытыми столами. Музыка, пение, танцы украшали пир.

Пировало и войско. Царь приказал раздать воинам жертвенное мясо, которого было огром-

ное количество. Позаботился и о том, чтобы всем вдосталь хватило виноградного вина.

Ели, пили, пели. И без конца вспоминали о том, что пришлось им повидать за этот год. И о том, как чуть не погибли под Пелием, но их молодой царь сумел и войско спасти и врага разбить. А как грохотали телеги по их щитам, когда они все превратились в большую черепаху! А как переправились через Истр и явились к неприятелю, когда их совсем не ждали! А как уничтожили Фивы! Теперь греки будут сидеть тихо и носа не высунут!

Вспоминали и без конца пили за здоровье своего отважного полководца Александра, сына Филиппа, царя Македонского!

Линкестиец Александр сидел среди этеров — близких друзей царя. Царь требовал, чтобы он всегда был рядом — и в походе, и в бою, и на пирах... Стоило линкестийцу удалиться, как Александр уже искал его глазами, спрашивал, где он, что делает. Вот и сейчас посадил за свой стол между Каллисфеном и Неархом. А линкестиец уже устал быть у него на глазах. Так ли уж любит его Александр? Или все еще боится и подозревает в недобрых замыслах?

Линкестиец глядел на молодого царя, на его розовое от вина, красивое лицо, озаренное улыбкой и блеском влажных глаз.

«Один год прошел, — думал линкестиец, — всего только год царствования. А уже столько пролито крови!»

...Склоны гор, заваленные телами фракийцев... Разбитое, уничтоженное войско геттов, их разрушенный город... Бесчисленные отряды трибаллов и иллирийцев, погибших под Пелием... Тысячи убитых фиванцев и больше тысячи их, проданных в рабство... Развалины Фив...

«Теперь он собирается в Азию, на войну с персидским царем. Безумец! Он погубит себя, погубит нас и погубит Македонию! Страшно... Страшно... Вот и подумаешь теперь: надо ли было убивать Филиппа?»

Линкестиец вздрогнул: лучистые глаза Александра смотрели прямо на него. Он улыбнулся и поднял свою чашу.

В один из светлых дней этой теплой осени, на празднике музы Каллиопы, Александру сообщили, что статуя фракийца Орфея, сына Эагра, которая стоит в Пифиде, покрылась пóтом.

Как объяснить это чудо? Что оно предвещает?

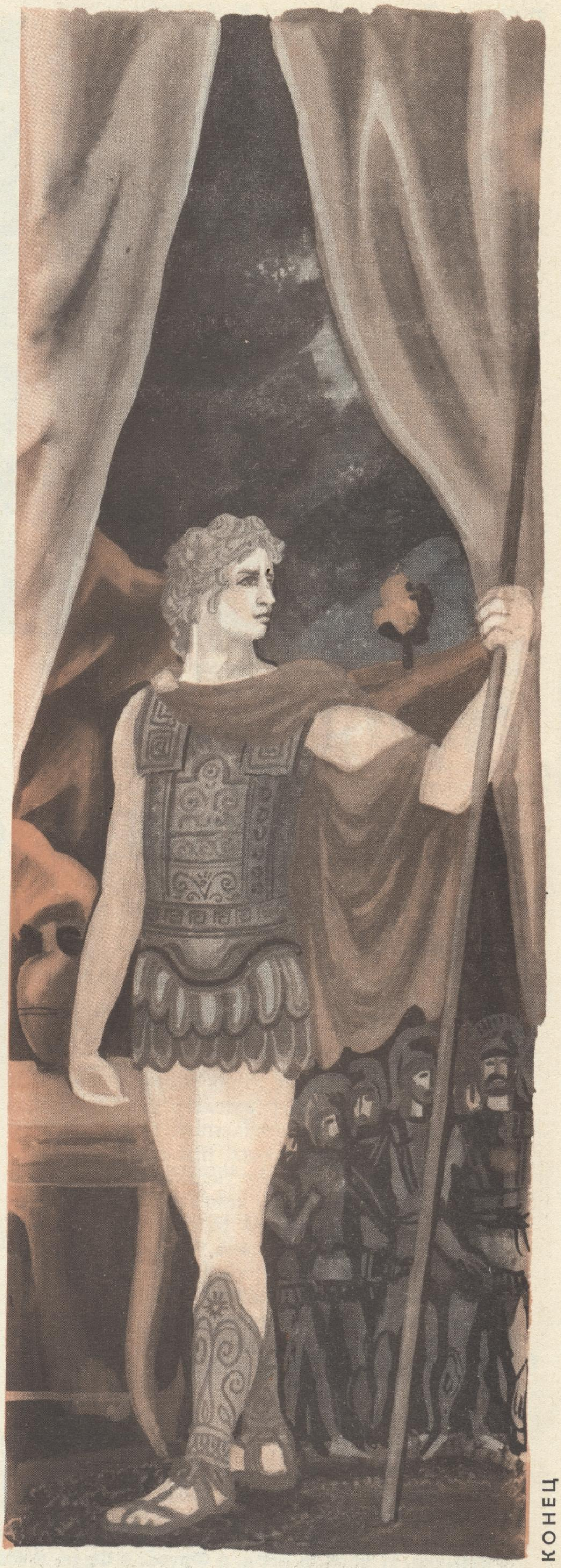
Тогда прорицатель Александр сказал царю:

— Дерзай! Знамение это значит, что поэтам эпическим и лирическим предстоит великий труд — создать произведения, в которых будут воспевать Александра и его дела.

Александр принял это толкование.

«Дерзай! — задумчиво повторил он про себя. — Дерзай!»

Он поднял голову и выпрямил широкие плечи. Праздник шумел кругом, а перед глазами молодого вождя и полководца уже распахнулись широкие дали неведомых земель, куда он пойдет за своей необъятной славой бесчисленных сражений и на весь мир гремящих побед.



КОНЕЦ

ОТРЯД открывает свои секреты

Л. СИМОНОВА

Пионерский вожатый Дмитрий Гунин позвал меня как-то на сбор своего отряда: «Приходите. Будет интересно».

Я пришла. Оказалось, отряд задумал собрать и записать историю своего детского дома, и в этот раз Варя Дубровина рассказывала о том, что ей удалось раскопать в архивах. После Вариного рассказа Боря Хусид и Федя Зевакин читали свои стихи. Потом поговорили немного о том, как помочь после болезни Фрузе Морозовой, о разных других делах... И стали петь. Пели пионерские песни: «Взвейтесь кострами...», «Картошку», «Маленького барабанщика»...

Когда стали петь, сели поближе друг к другу. На столе, накрытом белой скатертью, появилась печеная картошка... Я чувствовала, что им очень хорошо. И мне рядом с ними было легко и радостно, как бывает, когда попадаешь к людям, которые преданы друг другу и которым всем приятно быть вместе.

— Я рад,— сказал Гунин,— что мои «ребята» вам понравились.

Не удивляйся, что слово «ребята» я поставила в кавычки. И Варя, и Боря, и Фруза, и Федя, и все остальные пионеры 10-го отряда Красной Пресни давно уже выросли, стали взрослыми. Варвара Дмитриевна Дубровина — кандидат медицинских наук, Борис Дмитриевич Хусид — главный редактор журнала, Федор Андреевич Зевакин — художник, Фруза Семеновна Морозова — экономист, Лидия Петровна Миронова — портниха, Мирон Лукич Павлов — авиационный инженер, а Яков Борисович Канончик — строитель... И только Гунин Дмитрий Дмитриевич (все зовут его Дим Димычем) на всю жизнь остался пионерским вожатым. Теперь он возглавляет Совет ветеранов пионерского движения и вместе со своими друзьями создает в Московском Дворце пионеров Музей пионерской истории.

Все время после этой встречи я думала о том, как много значит для этих людей их дружба, сохранившаяся с детства, и еще я думала об отряде моей дочки, который в то время неумело начинал свой путь, и о тех отрядах, где никак не складывается дружба, не налаживается интересная пионерская жизнь.

Я попросила своих новых знакомых:

— Поедемте, пожалуйста, к пионерам 4-го «Б»

У Варвары Дмитриевны Дубровиной сохранилась фотография ее пионерского отряда. Вот они какие симпатичные, ребята из 10-го отряда Красной Пресни.

2-й московской спецшколы. Откройте им, а вместе с ними и всем нашим читателям секреты вашего отряда...

Они сразу согласились. И приехали к ребятам.

Они шли строем. С красными пионерскими галстуками. С красным знаменем впереди.

Пионеры всех классов бежали вслед за ними, отталкивая и обгоняя друг друга, и глаза их горели завистью и любопытством.

А «старики» поднимались на пятый этаж вверх по лестнице, четко чеканя шаг, с гордо поднятой головой.

Зал быстро наполнился. Было бы несправедливо, чтобы так сильно повезло только 4-му «Б». Пришли ребята из пятых, и из шестых, и из седьмых, но 4-й «Б» чувствовал себя именинником. Волновался, шумел, шушукался больше всех.

Перепрыгнув через стул, рядом со мной приземлился Андрюша Ивашкин.

— Здорово ходят,— прошептал он.— А у нас... у нас даже отрядного флага нет.

За моей спиной тихонько посмеивалась Оля Куранова. Я спросила:

— Что с тобой?

— Я того толстого дядю все хочу представить себе мальчиком, и у меня очень смешно получается...

Сережа Гришин сильно ерзал на стуле, так что портфель, который он поставил рядом с собой, все время падал.

— Они такие торжественные,— сообщил он мне.— Можно им задавать вопросы?..

Но вот Гунин поднялся, сказал первые несколько слов, и зал неожиданно смолк, притих.

ГУНИН. Когда мы поднимались по лестнице в ваш зал, я слышал, как одна девочка сказала другой: «Смотри, такой седой, а с галстуком!..» Я думаю, это она про меня сказала, хотя и не уверен. Многие мои пионеры тоже поседели... И все-таки мы пришли к вам под отрядным пионерским флагом, в пионерских галстуках. Может быть, кому-нибудь это кажется удивительным. Но мы не просто компания старых друзей, мы пионерский отряд. Под этим флагом мы учились быть полезными своей стране. И наши пионерские галстуки сделали нас единомышленниками на всю жизнь.

С тех пор, как мои «ребята» вступили в пионеры, прошло сорок лет, а отряд наш, как видите, не распался, и дружба наша крепка до сих пор. Я не сомневаюсь, что вы тоже хотите стать дружным и веселым пионерским отрядом, который умеет жить интересно, умеет приносить пользу людям и в котором всем хорошо.

Вот и давайте подумаем, как к этому прийти.

КТО СКАЖЕТ, ЧТО НУЖНО ДЛЯ ТОГО, ЧТОБЫ ПОДРУЖИТЬСЯ?

КАТЯ ЮРИНА. Хорошо узнать человека.

ГУНИН. А как лучше познакомиться с человеком?

КАТЯ ЮРИНА. Я точно не знаю. Если вместе что-нибудь делаешь, то и узнаешь, кто какой.

ГУНИН. Молодец, Катя. Можно считать, что ты знаешь один из самых важных секретов. Мы жили в одном детском доме — Доме юношества имени Тимирязева. Казалось бы, все должны хорошо знать друг друга. Но по-настоящему ребята раскрылись только тогда, когда завелись у нас общие дела. Отряду нельзя жить без общих дел, которые всем нравятся. И обязательно надо вместе добиваться успеха. И не бояться неудачи.

СЕРЕЖА ГРИШИН. Вот мы придумали выпускать газету. Всем хочется, чтобы газета была.

УГОВОРИМСЯ ОСТАТЬСЯ, А ВСЕ РАЗБЕГУТСЯ... КАК БЫТЬ?

ГУНИН. Это очень серьезный вопрос. Кто хочет Сереже ответить?

Б. Д. ХУСИД. У нас так одно время было, пока мы не разбили свой отряд на звенья. В одном звене собрались те, кто любил мастерить планеры, в другом — кто любил природу, а в нашем, оно называлось «Красный пахарь», собрались газетчики. Я убежден: газету должен делать тот, кому это интересно, кто не убежит, сам придет. Только так может хорошо получиться.

У каждого звена был свой уголок, своя песня, свои секреты. Звенья соревновались, всем хотелось быть лучшими, и это тоже нас объединяло. Раньше у нас считалось геройским поступком дернуть девчонку за косы или подразнить, обозвать как-нибудь, придумать обидное прозвище. До детского дома мы все были беспризорниками. Воспитатели часто не могли с нами справиться. Одна молоденькая воспитательница, чтобы спасти от нас девочек, пообещала сводить нас в кино. Мы два дня девчонок не обижали, пошли в кино, а потом еще сильнее принялись их обижать. Надеялись, что еще раз поведут в кино... А когда мы начали всем отрядом работать в детдомовском подсобном хозяйстве, вместе ходить в походы, вместе проводить спортивные соревнования, то и в голову никому не приходило с девчонками драться. Ну как ее обидишь, если она в походе тебе рубашку штопала, кашу на костре варила, а на огороде грядку помогла дополоть?..

Раньше, бывало, если кто увидит, девочка и мальчик стоят рядом, тут же начинают петь: «Замечается, замечается, этот парень какой молодец. Здесь любовь уже начинается, этой паре пора под венец». И все смеялись. А когда сложилась у нас в отряде крепкая дружба, забылись все песенки. Мы поняли, что в жизни нет ничего прекраснее, радостнее дружбы и ее надо беречь.

ЮЛЯ АНУФРИЕВА.

БЫВАЕТ, ОДИН КТО-НИБУДЬ ВРЕДНЫЙ НАСТРОИТ ВСЕХ, И ВСЕ ЕГО СЛУШАЮТСЯ... ЧТО ТОГДА?

Ф. С. МОРОЗОВА. Боря уже говорил, что в нашем детском доме было много бывших беспризорников. Были ребята, которые несколько детских домов сменили. Случалось, то, что мы задумаем, не всем по душе. Помню, одна девчонка (она стар-

ше нас была, к ее мнению прислушивались) стала все на смех поднимать, настраивать всех против нас. «Ишь,— говорит,— какая птица Фруза Морозова». Но мы не стали на нее обращать внимания, не дали к ней подлаживаться. И через некоторое время она осталась в меньшинстве, а вокруг нас собиралось все больше и больше ребят. Мы сумели задать хороший тон. Это очень важно — задать правильный тон. Не надо думать так: «Вот он будет хорошо ко мне относиться, а уж тогда и я к нему тоже буду хорошо относиться». Ждать не обязательно. Всегда можно увидеть в человеке что-то хорошее, похвалить его за это. А плохое иногда и не заметить. Не то чтобы совсем не заметить, вернее, не попрекать человека. Всем ребятам хочется, чтобы в них поверили товарищи.

Был у нас в детском доме мальчик. Его одно время считали хулиганом. А он просто был шалун, недисциплинированный. Он очень хорошо рисовал, стихи писал. Он умел собрать вокруг себя ребят, зажечь любым делом. Когда он взялся выпускать стенгазету, у этой газеты всегда толпилось много народу. Так вот, когда его в комсомол принимали, некоторые ребята вспомнили про все хорошее, а некоторые никак не могли простить ему озорства. И я тоже. Голоса разделились пополам. Тогда наша воспитательница, старая коммунистка, попросила у нас разрешения тоже проголосовать. Она отдала свой голос за этого мальчика. Она сказала нам, что пионерскому отряду, как и всякому человеку, нужна доброжелательность. Я это запомнила. А мальчик, о котором я говорила, сидит перед вами. Это наш Боря Хусид. Я надеюсь, он простит мне этот рассказ. Мне не хотелось быть голословной.

ЛЕНА ПОКРОВСКАЯ.

А ЕСЛИ ВЫБРАЛИ ЧЕЛОВЕКА ПРЕДСЕДАТЕЛЕМ ОТРЯДА, А ОН НИЧЕГО НЕ ДЕЛАЕТ?

Я. Б. КАНОНЧИК. Не спешите друзей осуждать, разберитесь сначала во всем хорошенько. Может, он просто не знает, как приняться за дело. Тогда нужно помочь. А если уж он не хочет или совсем не может, не у всех же есть организаторские способности, тогда подыщите ему другое занятие, в котором и он отличиться сможет. Важно, чтобы никто не чувствовал себя обиженным или хуже других. Вы почему его председателем выбрали?

ЛЕНА ПОКРОВСКАЯ. Он был отличником.

КАНОНЧИК. Так, может быть, он сможет помочь отстающим или какую-нибудь викторину придумать, в которой вы все с удовольствием примете участие? Чтобы возникла в отряде дружба, каждый должен что-то для всех сделать. И все должны позаботиться, чтобы не было так: одни из года в год начальники, а другие — подчиненные, одни из года в год весь отрядный воз тянут, а другие бездельничают.

ИЛЮША БУНИН.

А ОБЯЗАТЕЛЬНО НА ЛИНЕЙКУ СТРОИТЬСЯ И ВМЕСТЕ ПИОНЕРСКИЕ ПЕСНИ ПЕТЬ? МОЖНО И БЕЗ ЭТОГО ДРУЖИТЬ.

В. Д. ДУБРОВИНА. Можно. Но отряда настоящего не получится. Понимаешь, кроме общих дел, забот, радостей, неудач, отряду не обойтись без хорошего настроения. Вот вы пришли сюда в зал каждый сам по себе, вразвалочку, брякнулись на стулья, кто-то кого-то толкнул, кто-то обиделся — какое уж тут настроение! А представьте себе, пришли бы вы на сбор строем, провели линейку, спели вместе «Взвейтесь кострами...». Совсем другое настроение! Почувствуете себя единым целым и настроитесь на один лад. Без общего настроя отряду трудно жить.

Л. П. МИРОНОВА.

МНЕ ХОЧЕТСЯ ЗНАТЬ, ЕСТЬ ЛИ У ВАШЕГО ОТРЯДА КАКАЯ-НИБУДЬ МЕЧТА?

АНДРЕЙ ИВАШКИН. Военную игру провести.

КОСТЯ САРЫЧЕВ. «Зарницу» хотим!

МИРОНОВА. А девочки что скажут?

ЛЕНА ШВЫНДИНА. То же самое скажут.

МИРОНОВА. Вот и прекрасно. Нельзя отряду жить без мечты. Вот есть разные повседневные дела. Мы, скажем, работали в коровнике, в оранжерее, на огороде, дрова разгружали. Еще мы газету выпускали, планеры строили, шить учились. А кроме того, была у нас заветная мечта, которая в ту пору казалась почти недостижимой. Хотелось нам уйти в дальний поход. Не было ни палаток, ни продуктов, чтобы надолго с собой взять, ни нужной одежды. Но Дима нам пообещал. И мы стали сами шить себе походную форму и всеми правдами и неправдами раздобывать все необходимое. И увел-таки Дима нас в поход.

Много лет прошло с тех пор, у всех у нас уже дети, внуки, а мы этот поход помним, а еще больше помним, как мы к нему готовились, как волновались, как друг о друге заботились. Это не забывается. И из всего этого рождается дружба. Я вам очень советую: обязательно проведите свою военную игру. Увидите: после этого все в отряде у вас пойдет совсем по-иному.

ГУНИН. Мне не хотелось бы, ребята, чтобы вы подумали, что мы все на свете знаем, на любой вопрос у нас готов ответ и есть рецепт от любой болезни. Многих рецептов вообще не существует. И это прекрасно: у каждого поколения есть возможность искать и находить свои верные пути к интересному.

Теперь вам нужно все обдумать спокойно, осмыслить и начинать действовать. Мы вам желаем большого успеха и большой дружбы, которую, я надеюсь, вы тоже сохраните на всю жизнь.

Ну, а если вам понадобится наша помощь, если возникнут сложности, если вы вдруг задумаетесь, как лучше поступить, спрашивайте, мы всегда готовы прийти вам на помощь.

Слушайте, ОТРЯДЫ, В КОТОРЫХ ПОКА НЕ СКЛАДЫВАЕТСЯ ДРУЖБА И НЕ НАЛАЖИВАЕТСЯ ИНТЕРЕСНАЯ ЖИЗНЬ! И ВЫ, ОТРЯДЫ, У КОТОРЫХ ВСЕ ХОРОШО! Вам предлагают помощь и совет. Постарайтесь воспользоваться этим предложением. Только уговор: вопросов, на которые уже был дан ответ, не задавать!

КРАПИВИН Владислав,
КРАПИВИН Сергей

АЛЫЕ ПЕРЬЯ СТРЕЛ

ПОВЕСТЬ

Окончание.

Рисунки Е. МЕДВЕДЕВА.

Вечером Митька созвал в штабе друзей.

О штабе надо рассказать по порядку. Он располагался в сарае. Сарай был полутораэтажный. Внизу — дровяники, курятник скандальной соседки Василисы Тимофеевны и коза семейства Голдиных. Наверху — сеновал. За кучами сенной трухи и мусора пряталась фанерная будка. Называлась она «шатер». На стенах шатра висели луки и колчаны, портреты Вильгельма Телля и Робин Гуда, а также бумажные мишени, в центре которых торчали белооперенные стрелы.

Год назад Митька прочитал роман Конан-Дойля «Сэр Найгель».

В «Сэре Найгеле» из луков стреляли научно. Вымеряли направление и силу ветра. Для оперений брали перья не степных, а только горных орлов. Преимущественно светлые. Прославленных лучников герцог награждал белокрылыми стрелами. Например,

за то, что они с расстояния в сто ярдов могли перебить трос флагштока на вражеской крепости. Знамя падало, рыцари бросались на приступ. Крепость сдавалась.

В отряд «БП»—«Белые перья»—вошли сначала четверо: Митька, Сергей Иванов, Виталька Логинов и Цыпа. Затем поведали тайну Павлику Шагреневу, который бесподобно рисовал зверей и фашистов, необходимых для мишеней.

В скором времени Митька обнаружил у своего соседа по квартире третьеклассника Вовки Шадрина удивительную книгу «Русские лучники. Из истории вооружения российской армии от Владимира Светлого до Ивана IV Грозного. Санкт-Петербург. 1898. Дозволено цензурою». Книга была до отказа набита картинками, а устройство луков и стрел описывалось так подробно, что Митька тут же изъял находку у Вовки.

Вовка заревел. Он ссылался на то, что взял древнюю книгу из шкафа у деда. Дед был отставной преподаватель истории, довольно вредный старик, это Митька знал. Пришлось принять в отряд и Вовку Шадрина.

Но в общем-то и санкт-петербургская инструкция не давала практических советов, как самому сделать настоящий лук и стрелы. Приходилось туго. Не было, например, бука. Ветки с могучих тополей, росших во дворе, не годились. Пришлось добывать черемуху и бамбук. А для тетив явно не хватало бараньих кишок и воловьих жил. Правда, внизу, под сеновалом, жила голдинская коза, но еще неизвестно, когда ее зарежут. Спросили об этом у Вальки. Она уклончиво ответила в том смысле, что не обязана думать о нуждах «Белых перьев», поскольку в отряде не состоит.

Приняли и Валентину.

Сразу стало легче делать стрелы. До сих пор не хватало перьев, особенно белых, а сейчас вопрос решился. Валентина на правах девочки была вхожа в курятник Василисы Тимофеевны: «Можно, я курочек покормлю? Можно мне цыпляток посмотреть?» «Сходи, милая, возьми ключ. Аккуратно только».

В курятнике жил белоснежный петух. Бывал, конечно, он и на дворе, но при первом приближении Митьки, Сережки или Цыпы он мчался к дыре под дверью курятника.

— Называется рефлекс,— мрачно говорил Митька.

Вальке дали задание добыть оснастку для стрел. И в тот же день она доставила в штаб шесть дивных перьев: два хвостовых и четыре из крыльев.

— Маховые, они лучше,— поблагодарил Митька.— Орал?

— А ты слышал? — озлилась Валентина.

— Не...

— Я его в мешочек с пшеном. Он лопает, а я дергаю. Только лапами царапался.

Петух возненавидел Валентину больше, чем ребят. От Вальки он не прятался в курятник, а мчался к дому, взлетал на уровень второго этажа и усаживался на карниз одного из окон Василисы Тимофеевны. Оттуда он даже не орал, а как-то непонятно хрипел на Вальку.

Василиса распахивала окно и принималась оглаживать поредевший мундир любимца.

— Кто тебя, Петенька, обидел? Кто?

Петенька пытался показать оранжевым глазом на Вальку, но та уже сидела на заборе вне Василисиной видимости.

В последний рейд за перьями выпало отправляться Сереге. Митька сказал, что ради операции придется разобрать чердачное перекрытие. Серега сказал:

— Сделаем.

Работать он любил.

Саперной лопаткой он вскрыл верхний слой. Сенная труха, песок, опилки, снова песок. Бревно. Толстое, но трухлявое. Поддалось обыкновенной ножовке. Выпиленный кусок бревна Серега отнес в шатер: сидеть на нем будет удобно.

Сразу под бревном обнаружилась фанера: это уже была потолочная обшивка курятника, Серега раздолбал ее пяткой и поглядел вниз. Куры, на которых свалились обломки фанеры, кудахтали почти стихотворно: «Кудкуда? Вы откуда, вы куда?»

А петуха не было. Наверно, гулял во дворе. Серега решил подождать. И дождался. Петух был доставлен в курятник на руках Василисы Тимофеевны. Он томно склонял гребень на рукав хозяйки, а она потерянно лепетала:

— Прости меня, Петенька, дуру старую, что обкормила. Сиди тут и выздоравливай. Сиди, милый...

Сверху Сереге был виден только волосяной кукиш на затылке Василисы Тимофеевны. Кукиш скорбно покачивался. Потом он исчез за дверью курятника.

«Черта с два, выживет,— решил Серега, увидев, как петух после ухода хозяйки опрокинулся на спину и замахал лапами на приблизившихся кур.— Не иначе, гречневой крупы обожрался. А в ней железо».

Серега еще два раза ударил пятками, и дыра в фанере превратилась в люк. Серега нырнул в курятник.

Курицы разбежались, и петух остался один на один с Серегой. Вредные Петькины глаза задернулись пленкой. Когтистые лапы чуть подергивались. Агония. Сереге стало очень жаль петуха. В конце концов он был храбрый и хороший: умел постоять за себя. А сейчас его выбросят. В лучшем случае Василиса закопает его за помойкой.

Перьям-то не пропадать!

Серега взялся за хвост. Петух заорал почти человечьим голосом и так внезапно, что

Серега кинулся не к люку, а к двери курятника. И столкнулся с Василисой Тимофеевной. Оказывается, она далеко не уходила. Наверно, стоя у дверей, она обдумывала фасон погребального савана для возлюбленного Петеньки.

Услышав петушиный вопль, она рванулась к двери, и Серега угодил ей головой в поддых. Василиса Тимофеевна закудахтала. Серега без памяти взлетел на сеновал.

Вечером Василиса Тимофеевна донесла на Серегу отцу. Старший Иванов—механик судоремонтных мастерских, человек молчаливый и решительный — за ухо отвел Серегу к Василисе и велел извиняться.

А за что? Если бы перед петухом, тогда еще понятно. А почему перед Василисой? Не из нее же он перья дергал. Напрасно Серега уверял, что вины его нет, что нервная встряска пошла петуху на пользу: он ожил.

Пришлось просить прощения. Эта унизительная процедура доконала Серегу, и он заявил:

— Чтоб они сгорели, эти стрелы. Одни неприятности. Хватит.

Его неожиданно поддержал Вовка Шадрин — маленькая курчавая личность с задатками диверсанта. Он заявил, что лучше взять на вооружение рогатки: они удобнее и незаметнее.

Тогда Митька не принял разговор всерьез, хватало других забот: конец учебного года, испытания. Но вот испытания кончились, а никто не вспоминал, что надо возобновлять деятельность отряда.

Была, по правде говоря, еще одна причина, по которой Митька собрал ребят: хотелось похвастаться перед ними значком ворошиловского стрелка.

Значок был что надо! Со стрелком и маленькой черно-белой мишенью. С большой звездой и флагом. Тяжелый, второй ступени. Немного похожий на орден Красного Знамени.

Мальчишки щупали значок и вздыхали. Нетактичный Цыпа сказал:

— Хорошо, когда папаша в школе работает. Если б у меня работал, я бы тоже...

— Папаша мне, что ли, норму выбивал?— разозлился Митька.

— А записал кто?

— Ладно вам,— сказал Виталька.— Ругаться собрались?

Настоящего командира в отряде «БП» не было. Командовали, как получится. Иногда Виталька, потому что звеньевой, а в «БП» все из одного звена (кроме Вовки, которого приняли условно). Иногда Серега, потому что самый серьезный. Иногда Митька, потому что в оружии разбирался лучше других. Случалось, что и Валька командовала, потому что девчонка, а с девчонками спорить бесполезно.

— Давайте о делах говорить,— сердито предложил Митька.

Василиса Тимофеевна рванулась к двери, и Серега угодил ей головой в поддых.

— Не все еще пришли. Вовки нет,— сказал Виталька.

— Да ну его! Всегда опаздывает... А, вот он!

На лесенке застукали подошвы, зашатался пол, и в дверном проеме шатра возник Вовка.

— Хорош,— сказала Валентина.

— Каррамба! — сказал Цыпа. Он считал себя похожим на испанца, хотя в самом деле походил на черную курицу.

Вовка был достоин таких возгласов. Запыленный он был и встрепанный, рубашка выбилась из штанов, которые держались на одной лямке (вторая, оторванная, была запихана в карман); в курчавой голове торчала солома.

— Мировецкий вид,— сказал Серега.— Волки за тобой гнались?

— Корова...— выдохнул Вовка.

— Корова гналась?!

— Корова здесь будет жить,— отчаянным шепотом сообщил Вовка.— Ясно вам? Сидите тут, заседаете. Заседатели! Жада корову купил. Будет жить внизу, рядом с Василисиным курятником. А здесь, наверху, сеновал.

— Врешь,— машинально сказала Валька.

— Ты, Голдина, глупая, как рыба,— печально сказал Вовка и поддернул штаны. — С тех пор, как меня в пионеры приняли, я

еще ни разу не врал. Нарочно, чтоб себя проверить. Это все знают... Корова рыжая, с пятнами. И теленок. Василиса и Феодосия разговаривали в огороде. Я их выслеживал, просто так, будто шпионов... Феодосия жаловалась, что ей работы прибавится.

— Это не Жадин двор,— заявил Цыпа.— Пусть он катится... Не его сарай.

— Ему домоуправша разрешила. Он его в эту самую взял... ну, в эту... когда деньги платят.

— В аренду?

— Ага.

Вовка втиснулся на скамейку между Митькой и Серегой. В штабе, над которым нависла угроза вражеского вторжения, стало тихо. Приунывшие стрелки сидели тесной кучкой, и вечернее солнце, пробившись в щели, перепоясывало их оранжевыми шнурами. Пахло пылью, курятником и старой соломой. Не очень-то приятный запах, но он был привычным. Привычными и очень милыми были фанерные стены шатра с мишенями и портретами рыцарей. Подумать только, пять минут назад еще казалось, что все это надоело!

— Вытряхнут нас отсюда, факт,— вздохнул Виталька.

— Не имеет права он, буржуй несчастный! — вскипел Цыпа.

— Будет он тебя спрашивать,— сказал Митька.

— Что делать? — спросила Валька.

— Подумаем,— сказал Серега.— Мало нам было Василисы! Еще один появился такой же...

— Я знаю,— сказал Вовка Шадрин и локтем энергично вытер нос.— Знаю, что делать.

— Я тоже,— сказал Павлик.— Мстить!

Василия Терентьевича Гжатова не любили все, кроме Василисы Тимофеевны. Взрослые поговаривали, что, работая завхозом, он главным образом заботится об одном хозяйстве — о своем. Мальчишки, от которых он усердно оберегал свои яблони, прозвали его Жадой. Серегин отец с нехорошей усмешкой говорил:

— Д-домохозяин...

Жил Василий Терентьевич в соседнем дворе. Дом у него был большой, с верандой, сад приличный. Сад охраняла собака Джулька, но ребята приручили ее, чтоб не лаяла, и Жада ее повесил. Митьку потом долго грызла совесть.

Хозяйство вела двоюродная Жадина сестра со странным именем Феодосия—очень худая высокая тетка, всегда до самых глаз закутанная в платок или косынку. Говорила Феодосия медовым голосом, но по натуре своей была довольно вредная особа.

А еще был у Жады патефон. Красный, новый и громкоголосый. Жада добыл его этой весной. Майскими вечерами патефон ставили на веранде, и он бодро орал популярные песенки: «У меня такой характер», «Все хорошо, прекрасная маркиза», «Я кукарача». Молодежи в доме не было, танцевать было некому, но патефон усердно выталкивал из жестяной утробы: «Танцуй танго! Мне так легко!» Василий Терентьевич пил на веранде чай с прошлогодним вареньем из мелких яблочек и культурно отдыхал.

Соседям эта музыка порядком надоедала, но связываться с Жадой они почему-то опасались...

В тот вечер, когда состоялось заседание

Трехлитровая посудина расселась без звона и выпустила содержимое в песок.

штаба, Василий Терентьевич пришел в соседний двор, чтобы осмотреть будущую коровью резиденцию. Маленький, круглолицый, налитый здоровьем и хорошим настроением, он ласково поглядывал по сторонам и мелко ступал по траве тугими хромовыми полусапожками. Он ни с кем не хотел ссориться. И поэтому его очень огорчил рисунок, сделанный мелом на двери сарая.

Нарисовано было странное существо. Если бы Василий Терентьевич помнил древнегреческие мифы, он тут же решил бы, что зверь этот напоминает кентавра. Но не совсем. Кентавр, как известно, получеловек-полулошадь. А у этого существа туловище было коровье — худое, ребристое, с острым задом, поднятым хвостом и большим выменем. А человечья часть — плечи и голова — весьма напоминала самого Василия Терентьевича. (Недаром Павлик два часа делал наброски, прежде чем украсил дверь портретом.)

Василий Терентьевич сокрушенно покачал головой в плоской полувоенной фуражечке и шагнул в сарай. Тут же раздался громкий шелест, и в полуоткрытую дверь с крепким стуком воткнулась белооперенная стрела. Она засела между ребрами «кентавра».

Жада высунул голову и увидел стрелу. Потом увидел намотанную на стрелу записку. Записку он развернул и прочитал. Там было одно слово: «Берегись». Жада аккуратно сложил бумажку и убрал в карман гимнастерки. Затем торжественно переломил стрелу. После этого он обвел взглядом все чердачные окна, заборы и кроны тополей. Погрозил пальцем в пространство и опять скрылся в сарае. Дверь за собой прикрыл полностью.

Вторая стрела пробила «кентавру» вымя.

— Дмитрий! — сказал отец за ужином.— Есть сведения, что ваша компания опять пиратничает в округе.

— Нет, папа,— честно сказал Митька.— Мы только «шпацирен унд баден», как говорит баронесса, то есть Аркадия Францевна. Гуляем и купаемся. Да еще Цыпин велосипед чиним. Вовка три раза камеру проколол, растяпа.

— И не стреляете?

— Ну, стреляем. Немножко. По мишеням. А кому это мешает? Василисе?

Отец дотянулся до лежавшего на подоконнике портфеля и, поглядывая на Митьку, извлек сложенный пополам лист.

Развернул и с выражением сказал:

— Заявление...

— Еще не легче,— сказала мама.

С тем же выражением отец стал читать:

—«В городское НКВД... Действия хулиганствующих подростков угрожают даже самой моей жизни... При растущем народном благосостоянии мне не дается возможности внести свой вклад в дело расцвета благосостояния методом расширения розничной торговли путем продажи населению молочных продуктов рыночным методом...»

— Чего-чего? — сказал Митька.

— Откуда это? — испуганно спросила мама.

— В школу передали... Мало мне забот с экзаменами в десятых классах! Я еще, понимаете ли, должен превращаться в следователя! Андрей Алексеевич говорит: «Проконсультируйся у сына, он в стрелковых делах разбирается». Боюсь, что слишком хорошо разбирается!

— Да что случилось-то? — спросил Митька и подумал: «Неужели из-за «кентавра» такой шум?»

— А ты не знаешь, что случилось? Не знаешь, кто из вас расстрелял у Феодосии бутылки с молоком?

— Честное пионерское...— Митька даже привстал.— Ну, что ты, папа! Из лука бутылку и не расшибешь, она скользкая, рикошетит. Да кто же такую глупость сделает? Ведь по стрелам сразу догадаются.

Через полминуты Вовка проскочил в щель забора.

— Про стрелы здесь ничего не сказано,— слегка растерянно произнес отец.

— Ну вот видишь!

А через полчаса Митька вышел во двор и крикнул:

— Вовка! А ну иди сюда!

Мысли работали безошибочно. Три дня назад чинили Цыпин велосипед, задняя камера из оранжевой резины была вся в дырах. Цыпа сказал: «Утиль» — и пошел за другой. Старую камеру Вовка Шадрин намотал на себя. Он изображал «борьбу с удавом», как в цирке. Потом вместе с «удавом» исчез. Оранжевая резина — самая лучшая для рогатки. Вовка — единственный из всей компании, кто за пятнадцать шагов навскидку расшибает из рогатки аптечный пузырек...

На втором этаже открылось окно, и курчавая Вовкина голова свесилась во двор.

— Чего?

— Иди, иди. Узнаешь, чего.

Вовка не отпирался. Он и сам не прочь был рассказать о своем подвиге. А молчал он до сих пор потому, что был прирожденным партизаном и диверсантом-одиночкой. Интуиция подсказывала ему: «Осторожность прежде всего. Похвастаться успеешь».

А подвиг был вот какой.

Ранним утром Вовка проник в сквер, который одной стороной примыкал к стадиону, другой — к рынку. Все, кто жил на улице Герцена, ходили на рынок через этот сквер.

В сквере густо разрослась желтая акация. Она уже отцвела, и гроздьями висели молодые стручки. Попробовать бы: годятся ли на свистки? Но нельзя. Надо было скрываться и ждать.

А скрыться лучше всего было под нижними ветками кустов. Плохо только, что нижние — самые колючие. Ползти надо лицом вверх, на спине, тогда колючки все видны, их можно отодвинуть заранее, но смотреть надо осторожно, вприщур: на лицо, на ресницы валится всякая тля и божьи коровки...

Вовка вполз под основание куста и перевернулся на живот. Стало хуже. Майки на спине уже не было, дыра на дыре. И туда стали садиться разбуженные утренние комары. Но Вовка лежал. Вытянул из кармана рогатку, почесал ею спину. Комары не улетали.

Тут он увидел Феодосию...

Феодосии было тяжело. Она тащила четыре четверти молока — четыре трехлитровые бутыли. Две в мешке через плечо и две в руках. А под боком, прижав локтем, несла она завернутую в полотенце телячью лопатку (Жада заколол купленного вместе с коровой теленка). Феодосия полезла за пазуху, ощупывая рубль, который она даст фельдшеру санветнадзора при входе на рынок. Но, чтобы найти рубль, ей пришлось опустить одну четверть на землю.

Вовка, разумеется, не знал, почему Феодосия вдруг затопталась на песчаной дорожке. Он просто обрадовался, увидев стоявшую бутыль. Неподвижная мишень — это удача.

И выстрелил по четверти маленькой граненой гайкой.

Трехлитровая посудина расселась без звона и выпустила содержимое в песок.

Феодосия тихонько ойкнула. Осторожно поставила другую бутыль и для чего-то принялась изучать горлышко разбитой посуды.

Вовка ударил по второй четверти. Звон был, но несильный, Феодосия села. В молоко. Потом, тихонько подвывая, принялась снимать с плеч мешок с двумя уцелевшими бутылями. Мимо шли люди, снисходительно сочувствовали, а кто-то обозвал Феодосию раззявой.

Вовка выжидал. Феодосия вдруг встала на четвереньки и завопила в полный голос:

— Люди добрые, грабют!

За собственным воплем она не слы[illegible]а, как лопнули в мешке последние две четверти. Вовка расстрелял их молниеносно.

Еще через полминуты Вовка проскочил в щель забора, отделяющего сквер от стадиона. И сразу стал подавать советы каким-то футболистам.

Митька выслушал эту историю с интересом, но без одобрения. Потом выслушали остальные. Валька грустным голосом сказала:

— Дурак... Надрать бы уши, тогда бы узнал.

Всего ожидал Вовка: могли восхищаться им как героем, могли устроить нахлобучку за то, что действовал без разрешения. Но такого пренебрежительного суждения он не ждал.

— А ты... а ты...— поднялся он на Валентину.

Но Митька дернул его за штаны.

— Сиди, не дрыгайся.

Они были в штабе. Внизу уже прочно обосновалась Жадина корова. Сеновал еще пустовал, и мальчишек пока не трогали. Но все знали: не долго им тут жить.

Может быть, эта непрочность, может быть, усталость (набегались днем), а может быть, какое-то предчувствие делали ребят грустными и серьезными. Потому и не дождался Вовка ни восторгов, ни скандала, ни крепкого нагоняя от ребят. Не та была обстановка. Они сидели в полумраке шатра и даже лиц друг друга почти не видели.

— Вот выгоним из звена, будешь знать,— сказал Виталька.— Ты у нас и так незаконно. Да еще неприятности из-за тебя.

Вовка вздохнул. Он знал, что не выгонят. Да и говорил Виталька не сердито, а так, будто между прочим. Но все же Вовка огрызнулся:

— А сами... Тоже рисовали его по-всякому на заборах и стреляли.

— Дурак ты, Вова,— сказал Митька.— На голове густо, а внутри... Одно дело — рисовать... Когда рисовали, мы показывали, какой он буржуй и кулак. Рисовать и в заборы стрелять никто не запретит. А сейчас вышло, что мы сами бандиты. А он, выходит, прав. Заявления пишет. Думаешь, не обидно?

— А почему в НКВД? — подал голос Цыпа.— Ну, царапал бы свои каракули для милиции. А то получается, будто мы шпионы или вредители. Враги народа.

— А Жада думает, что он как раз и есть самый главный народ,— сказала Валентина.— А мы его враги. Так и получается.

— Он народ?! — подскочил Цыпа.— Помру от смеха! Народ — это кто на заводах работает и в колхозах кто трудится. И с фашистами дерется. В Испании.

Все деликатно помолчали, потому что знали недавнюю историю, как Цыпа собирался в Испанию.

— Ха! Вот бы Жаду послать драться с фа-

шистами! — заговорил Вовка, стараясь загладить вину.— Вот драпал бы! А?

— Скорей всего к ним бы сбежал, к фашистам,— сказал Цыпа.

— Не...— заспорил Вовка.— Не сбежал бы. Они бы его с нашими заставили воевать, а он ведь трус. Только собак вешать может.

И опять замолчали в сумраке. Сидели, привалившись друг к другу, и тихо дышали, как один человек.

Только Павлика не было.

Потом послышались шаги, и Виталька угадал:

— Павлик.

Белая рубашка Павлика замаячила в двери.

— Где был? — спросил Виталька.

— С папой приемник доделывали.

— Работает?

— Работает...

— Хорошо слыхать?

— Хорошо...— тихо сказал Павлик.— Только... лучше бы уж плохо было слышно. А то включили, и сразу — бах, новость: фашисты взяли Бильбао... Итальянцы.

— Во, гады,— сказал Цыпа.

— А еще... генерала Лукача убили.

— Врешь! — по привычке сказала Валентина, но больше никто ничего не сказал, потому что понимали: Павлик не врет.

Митька подвинулся на скамейке и тихо позвал Павлика:

— Садись.

Внизу, за забором, на Жадиной веранде, весело заорал патефон: «Все хорошо, прекрасная маркиза!..»

Вовка Шадрин пошевелился и медленно сказал:

— Хлопну я из рогатки этот ящик с «маркизой». С крыши его хорошо видать.

— Я тебе хлопну! — припрозил Митька.— Молочный снайпер... Люди с фашистами воюют, а ему только бутылки да пластинки бить.

— Воюют...— сказал Вовка тихо и обиженно.— Я же не могу так воевать. Если бы пустили да винтовку дали...

Никто не засмеялся. Потому что каждый знал: если бы пустили и дали винтовку... Ну, а что, в самом деле, разве не вышли бы из них снайперы?

— Пустят тебя...— заметил Серега.— Они своих-то пацанов отсылают подальше от беды.

— Не дадут нам винтовки,— сказал в темноте Павлик.— Чего ж говорить...

— А что делать?— спросил Вовка.

Это был серьезный вопрос.

Это был очень серьезный вопрос, потому что в самом деле: нельзя же сидеть просто так, когда «юнкерсы» бомбят университетский городок Мадрида, когда итальянские фашисты взяли Бильбао — столицу басков, когда убили Лукача... Но что делать?

— Учиться стрелять,— твердо сказал Митька.— Это нам еще пригодится. Не в заборы пулять, а как следует. Чтобы отряд у нас был настоящий, а не то, что сейчас. Чтобы, когда надо, мы сразу... Ну, все равно сейчас мы больше ничего не можем.

— Хорошо тебе, ты в кружке,— откликнулся Цыпа.— А мы что? Из луков да из луков.

— Я Скобелева упрошу. Пусть всех запишет. Я за ним по пятам буду ходить.

— Мы тоже будем,— сказала Валентина.

— А луки нельзя бросать,— продолжал Митька.— Думаете, я на значок сдал бы, если бы из лука не стрелял? Он глазомер развивает и руки.

— Название какое-то неподходящее,— сказал Серега.— Непонятно как-то — «Белые перья». Какие перья, откуда, для чего?

— Лучше красные,— предложил Вовка.— Мы же красный отряд.

— Лучше... Но все равно непонятно.

— Лучше полностью: «Красные перья стрел»,— сказал Митька.

— Пускай будут «Алые перья стрел»,— заговорила Валька.— Красиво.

— Тебе бы только, чтоб красиво было,— заворчал Цыпа.

А Павлик медленно сказал:

— Ну что ты, Цыпа. Разве плохо, если красиво? Послушайте, ребята: «А-лы-е Перь-я Стр-рел-л».

Серега напомнил:

— Значит, и в самом деле на стрелы красные перья надо. Где брать?

— У отца, думаешь, мало красных чернил?— сказал Митька.

Яркий огонек свечки вздрагивал и качался от дыхания ребят. Валька Голдина писала красными чернилами на тонкой бумажной полоске:

— Мы, пионеры второго звена... Митя Вершинин...

— Дмитрий,— сурово сказал Митька. Он макал в пузырек с чернилами бумажный жгутик и мазал хвостовые перья на стрелах.

— Дмитрий Вершинин, Игорь Цыпин, Виталий Логинов, Валентина Голдина, Владимир Шадрин...

— Владимир пишется через «и». Учти,— сунулся Вовка.

— Знаю... Владимир Шадрин, Павел Шагренев, Сергей Иванов... вступаем в отряд «Алые Перья Стрел». В скобках «АПС»... И обещаем друг другу и всем на свете, что... всегда будем бороться с фашистами и всякими врагами...

Она оглянулась на Митьку.

— Всегда будем учиться, чтоб бить без промаха...

— ...Без промаха.

— И мстить за всех, кого они убили и замучили,— сказал Цыпин.

— А если они полезут на нас...— добавил Павлик.

— А если они...

Июньские вечера очень светлые. Небо серебристое, и звезды едва проступают на нем. А крыши и заборы почти черные. И уж совсем черными кажутся на небе листья и ветви тополей.

Громадный сук большого тополя протянулся над серединой двора, как рука великана. Высоко, выше всех проводов и крыш, выше труб кирпичной пекарни, которая стоит позади двора.

С шелестом ушла с земли и вонзилась в сук тяжелая стрела. Утром все увидят ее высоко над головами. Увидят, что у нее алые перья. Но никто никогда не сможет достать ее. Только ветер.

Потом шквалистые ветры истреплют перья, обломают древко. Но крепкий наконечник навсегда останется в дереве. Наконечник, в который вложена туго свернутая бумажная полоска, где имена стрелков и обещание.

Этот наконечник, сделанный из пустой пули, будет там всегда, пока живет тополь. А такие могучие деревья живут очень долго. В детстве кажется, что они стоят вечно.

— Оттяни курок, — сказал Матвей.

Мысль продырявить баронессу на афише пришла Витальке. Раз уж в городе нет настоящих фашистов, то надо всадить стрелу хотя бы в нарисованного. Пусть все прохожие видят большую стрелу с алыми перьями — символ меткости и беспощадности к врагам.

А кроме того, добавил Виталька, это будет месть Аркадии Францевне за то, что она плохо отзывалась о Карле Бруннере (вернее, не о Карле, а о том пацане, который играл эту роль, но это все равно).

— И за то, что чуть не оставила тебя на осень,— въедливо заметила Валентина.

— Чушь какая! — обиделся Виталька.— Я могу и не стрелять. У тебя, Голдина, между прочим, не язык, а швабра. Если так, то пусть Митька стреляет в баронессу.

— Конечно. Сам-то промазать боишься,— поддела Валька, которая обиделась за свой язык.

— Если издалека, хоть кто мо́жет промахнуться,— спокойно сказал Виталька. Он не хотел ссориться.— Надо ведь шагов с тридцати, не меньше, верно, Мить?

Читателям, не стрелявшим из лука, наверно, непонятен этот разговор. А дело вот в чем: афиша висит довольно высоко, и если выпустить стрелу с двух-трех шагов, она воткнется некрасиво: хвост с перьями будет наклонен вниз. Сразу все увидят, что стреляли в упор. Чтобы стрела воткнулась как надо — перьями слегка вверх,— она должна описать в воздухе дугу. Значит, пускать ее надо с приличного расстояния.

— С тридцати я не промажу,— сказал Митька. Он и не думал хвастаться. Просто был уверен.

— А вдруг? — сказал Виталька и хитровато глянул из-под белого чуба.

Митька пожал плечами.

— Да не промажу я.

— А если?

— Ну, спорим!

Вот так и оказался Митька в тот день у афишной тумбы. Вот так и познакомился с Матвеем Жарниковым, сотрудником второго отделения милиции, неплохим парнем и понимающим человеком.

Конечно, всю историю Митька рассказывать не стал, но кое-что объяснил: что такое «АПС» и зачем нужно было устраивать стрельбу на перекрестке.

Он и Матвей шагали сначала по улице, а потом сели на скамейку в сквере, где случилась беда с Феодосией. Матвей только через два часа должен был идти на пост, а пока гулял. Митьке же вообще некуда было спешить.

Митька потрогал ногу.

— Как ты меня ухватил!.. Аж пальцы отпечатались. Все еще больно.

— А не надо было прыгать. От меня, брат Митька, не сбежишь.

— Я бы сбежал, да лук зацепился.

— А я бы догнал. Думаешь, я не умею через заборы скакать?

— Матвей...— осторожно сказал Митька и покосился на тугую кобуру. Из-под крышки вызывающе торчал металлический затылок револьверной рукоятки.— Матвей... А если б не догнал? Ты бы стал стрелять?

— Ты спятил! Зачем стрелять-то? Ты что, бандит? Я тебя и в отделение вести не хотел, а просто так, для порядка. Попугать.

— Матвей... Ну, попугать, это понятно. Я ведь не говорю, чтоб в меня стрелять, а если в воздух? Чтоб попугать, это как раз годится.

— Да ты что! Потом объяснение начальнику писать. Зачем стрелял да в кого: каждый патрон на учете.

Митька вздохнул.

— Это я знаю. У нас тоже на учете. А иногда охота пострелять, ага?

— Конечно. У нас вообще-то бывают занятия, но не часто.

Митька мечтательно продолжал:

— А вот если бы патронов сколько хочешь? Хорошо было бы, ага? Стреляй хоть целый день... В овраге один уголок есть хороший: заросли и обрыв. От домов далеко. Прямо настоящий тир... Хотя, конечно, случайные прохожие, если выстрелы услышат, могут придраться.

— Как они придерутся? Я же в форме. Раз милиция стреляет, значит, надо. А если бы кто из наших подвернулся, я бы сказал, что оружие пробовал.

Увы, даже милиционеры не прочь иногда прихвастнуть. А хитроумный Митька, словно в шахматах, сделал еще один ход. Он с рассеянным видом сказал:

— Да... понятно... Значит, все дело в патронах?

— Конечно.

— Матвей... Видишь ли... Если по правде говорить, два патрона у меня есть.

Даже спустя много лет Дмитрий Вершинин вспоминал об этом случае, как о чуде. Матвей согласился! Почему? Может быть, увидел умоляющие Митькины глаза и не устоял. А может быть, он сам оставался в душе мальчишкой... В общем, он встал и сказал:

— Ну ладно... Встретил я тебя, брат Митька, на свою голову.

Конечно, случилось это не сразу. Сначала Матвей довольно сурово спросил, откуда патроны, и Митьке пришлось рассказать про Цыпу. Про то, как Цыпа надумал уехать в Испанию, приготовил сухой паек, карту, оружие — кинжал из обломка пилы и самодельный пистолет (еще недоделанный). Цыпин отец обнаружил запасы и устроил сыну «разговор». После такого разговора Цыпа, который всегда очень неохотно давал кататься на своем велосипеде, отдал его ребятам на целую неделю. А сам лежал дома на животе и читал роман «Королева Марго». Этот роман ему уступил на несколько дней Виталька Логинов. За два боевых патрона. Поскольку испанское путешествие сорвалось, боезапас Цыпе был не нужен, и держать его дома он опасался.

Откуда у Цыпы взялись патроны, Митька не знал. Он увидел их уже у Витальки. Именно на них Митька и поспорил, что попадет в баронессу, а в случае промаха обещал отдать Витальке свой лук.

— Раз попал, значит, они мои,— объяснял он Матвею.— Виталька сразу отдаст, у нас по-честному. Я сейчас сбегаю, это рядышком. Ладно, Матвей? Ну, Матвей...

Потом они шагали к оврагу, и Митьке все еще не верилось. Матвей вздыхал и ворчал, что патроны старые, наверно, еще с гражданской войны остались, и добром все это не кончится. Митька осторожно уверял, что все будет прекрасно.

В конце Садовой улицы на краю оврага паслась костлявая коза. Она взглянула на Митьку и Матвея, как Аркадия Францевна.

— Я тебе...— шепотом сказал Митька и погрозил козе кулаком с зажатыми патронами.

Закоулок, похожий на тир, Матвею не понравился.

— Близко от улицы. Какая-нибудь бабка придет за козой и напугается до смерти. Отвечай потом...

Наверное, Матвей все-таки побаивался начальства. Они пробирались все дальше, под укрытие зарослей и глинистых обрывов, пока Митька не взвыл, напоровшись на крапивную чащу. Матвей взял его в охапку и понес. Стебли шелестели вокруг брезентовых сапог.

Они выбрали тупичок у глухого откоса за ручьем.

Матвей приспособил среди комьев ржавую консервную банку. У Митьки от волнения почти останавливалось сердце, когда он смотрел, как Матвей открывает кобуру и достает наган, Матвей вынул из барабана два желтых блестящих патрона и вставил Митькины — потемневшие, с пятнышками зелени.

Потом они отошли на десять шагов. И Матвей сказал:

— Держи.

Митька взял в ладонь шероховатую рукоятку.

Это было оружие! Не малокалиберка и уж, конечно, не лук. Тяжелый боевой наган, с каким воевали Чапаев, Щорс и Котовский. Он прочно лежал в руке, только мушка слегка прыгала.

— Оттяни курок,— сказал Матвей. И Митька с удовольствием оттянул.

И опять стал целиться. Банка казалась крошечной, а мушка никак не могла остановиться. Не то что у винтовки. Винтовочные мушки слушались Митьку беспрекословно, а эта...

Выстрел грянул неожиданно для Митьки: спуск был очень легкий. Наган прыгнул в руке. Уши словно пробками забило. Глиняный комок под банкой разлетелся в пыль, но сама банка не шелохнулась.

Митька растерянно взглянул на Матвея. Значит, все? Выстрел, промах — и больше ничего не будет? Но как же так? Почему промах? Ведь Митька привык всегда-всегда попадать в мишень!

Сквозь плотный звон в ушах Митька услышал голос Матвея:

— Старый патрон. Наверно, поэтому пуля вниз ушла.

Митька закусил губу. Надо было достойно перенести поражение. Он протянул наган Матвею.

— Твоя очередь. Стреляй.

И стал смотреть на банку. Сейчас она вовсе не казалась маленькой. Целая кастрюля. Как он мог промахнуться? С десяти шагов...

Матвей легонько хлопнул его по матросскому воротнику.

— Ладно уж, Митька. Пали еще раз. У меня все равно через неделю стрельбы.

Второй раз Митька попал. Банка подскочила, завертелась волчком. И Митька тоже чуть не завертелся и не завопил «ура». Но он сдержался и молча протянул наган Матвею...

В свой двор Митька вернулся только вечером. Потому что сначала они пошли к Матвею домой и чистили наган. После этого Митька проводил Матвея на пост: в сад «Спартак». В саду было малолюдно и спокойно. Они долго бродили по аллеям и говорили о важных вещах: об оружии, о боях на Северном фронте в Испании, об учителях, которых знали, о Марке Твене и фильме «Дети капитана Гранта».

А потом пришел Митька опять в овраг. Шипя и охая от крапивных ожогов, он пробрался сквозь заросли на прежнее место. Поднял банку. В ней, с краю, чернела пробоина.

Митька поставил банку среди глиняных комков.

Отошел на десять шагов.

Поднял согнутую в локте руку, будто с наганом. Прищурил левый глаз и отчетливо сказал:

— Т-тах!

Он пережил все заново: надежную тяжесть боевого оружия, грохот и толчок выстрела и пронзительную радость меткого попадания.

— Т-тах!

— Т-тах!

Выбравшись на улицу, Митька зашагал домой, и радость не оставляла его. Он шел вприпрыжку, подбрасывал на ладони две пустых, звонких, порохом пахнувших гильзы и думал, как еще от калитки крикнет:

— Ребята! Знаете что?..

Он и крикнул.

Но веселье Митькино разбилось о хмурые взгляды ребят.

Вся компания сидела на крыльце двухэтажного дома и сердито молчала. Только Вовка Шадрин коротко объяснил:

— Жада сено привез.

И тогда Митька увидел шатер. Он стоял под наружной чердачной лестницей — большой кособокий ящик из ободранной фанеры. Голый какой-то, маленький и совсем непохожий на штаб грозного стрелкового отряда. Дверца косо висела на одной петле.

Митька легонько хлопнул по стенке шатра, и ящик тихо загудел. Словно жаловался.

— Жада выкинул? — спросил Митька.

— Не мы, конечно,— сказал Павлик.

— Хотел сперва к себе утащить,— объяснил Вовка Шадрин.— Чтоб курятник сделать. Мы как вцепились...

— Молчи уж. «Вцепились»,— хмыкнула Валентина.— Хорошо, что Серепин отец мимо шел. Он Жаде сказал... Тот чуть не упал.

— Мы бы все равно не отдали,— угрюмо сказал Цыпа.

— Ну и зря. Зря, что не отдали,— пожалел Митька.

— Рехнулся? — спросил Сергей.

— Ни капельки. Просто ему еще хуже было бы. Сам бы обратно тащил, на своем горбу. Под конвоем. Потому что я бы милиционера попросил помочь, у меня знакомый есть. Сегодня познакомились на улице. Знаете, какой человек! Два раза дал из нагана стрельнуть.

Все молчали, потому что стало неловко: такое вранье даже в детском саду считалось неумелым.

Митька небрежно сказал:

— Не верите? Глядите. Узнаете?

Он протянул Витальке и Цыпе две гильзы.

Виталька и Цыпа одинаково приоткрыли рты. Гильзы были те самые: одна с косой царапиной, другая с круглым зеленым пятнышком. От гильз пахло порохом, а в капсюлях виднелись ямки.

— Че такое? Че такое? — забеспокоился Вовка Шадрин и сунул курчавую голову между Виталькой и Цыпой. Митька усмехнулся, захлопнул ладонь и полез по чердачной лестнице, чтобы устроиться там на высоте, на удобной широкой ступеньке.

Отряд молча двинулся за ним.

— А ну, рассказывай,— велел Виталька.

И Митька стал рассказывать. Про тумбу, про овраг, про выстрелы. Про то, что Матвей обещал зайти в гости и, может быть, он даже покажет всем ребятам свой наган...

Пока он говорил, пришли сумерки. Василиса Тимофеевна, косясь на мальчишек, загнала в сарай кур и драного Петю. Мать крикнула из окна Павлика Шагренева, и он крикнул:

— Не пойду!

И никто не пошел бы. Им хорошо было вместе. Им просто позарез надо было сейчас быть вместе.

От земли теплыми слоями поднимался нагретый за день воздух. Длинное пунцовое об-

лако, похожее на громадное перо, горело над забором. Вдалеке дробно, как пулеметы, стучали на рельсовых стыках составы.

— Алеха, мой брат двоюродный, сегодня на планере летал,— сказал Серега.— Вот бы полетать, ага?

Все промолчали, потому что и так было ясно, что «вот бы полетать».

В сарае тихо замычала Жадина корова.

— Мается, бедная,— сказала Валька.— Зарезал Жада ее теленочка.

— Он за деньги хоть кого зарежет,— сказал Вовка и плюнул.— Сквалыга. Даже ящик хотел забрать, не мог удержаться от жадности.

— Откуда такие люди берутся? — удивленно спросил Павлик.— Правда, ребята, даже непонятно.

— Потому что буржуйская натура,— отрезал Цыпа.

И словно в ответ на Жадиной веранде обрадованно взревел патефон:

Я — кукарача!
Я — кукарача!

Вовка обеспокоенно завозился. Он сидел выше всех, а сейчас еще поднялся на ноги. И смотрел через забор во двор Василия Терентьевича.

— Не дали тогда мне расстрелять эту бандуру,— с упреком произнес он.

— Сядь,— велел Митька.— Ты мне ногой по затылку стукнул.

Павлик Шагренев задумчиво сказал.

— Если бы достать такой репродуктор, как на стадионе... Мы бы с папой все остальное сделали, чтобы пластинки играть. Жада завел бы свою «кукарачу», а мы бы свою хорошую песню. Жадин патефон и не услыхал бы никто.

— Он охрип бы и лопнул от натуги вместе с хозяином,— заметил Митька.

— Зачем репродуктор? — сказала Валька.— Вон у Вовки голос громче всякого радио. Ты, Вовка, запел бы что-нибудь. Это лучше всякой пули. Никакой патефон тебя не переорет.

— А что! Я могу! — неожиданно сказал Вовка и крикнул:— «А ну-ка песню нам пропой, веселый ветер!»

Голос был в самом деле отчаянно громкий. Ясный и отчетливый. Даже в ушах зазвенело. Но, кроме голоса, был у Вовки еще хороший слух. И, может быть, сам того не желая, Вовка с протестующего крика перешел на мелодию:

...Веселый ветер,
Веселый ветер!
Моря и горы
Ты обшарил все на свете...

Сейчас эта песня старая и привычная. А тогда была она совсем новой. Она прилетела к ребятам с экранов, из нового фильма, где их ровесник Роберт Грант неустрашимо рвался на помощь отцу-капитану. Были в песне синие ветры, зов морей и яростная уверенность, что «кто ищет, тот всегда найдет».

Не прерывая песни, Вовка вскочил и начал подниматься по лестнице. Так же, как поднимался по вантам к верхушке мачты Роберт Грант. И ребята ринулись за ним.

Они любили хорошие песни, только раньше как-то стеснялись петь вместе. Но сейчас в песне была их борьба, их протест и гордость. Это была их война. И они подхватили слова о веселом ветре, разнесли их с высоты на весь квартал — звонкие слова о смелости и мальчишечьей правоте.

Жестяная глотка патефона заскрипела и умолкла. Жадин голос на веранде нерешительно сказал:

— Хулиганство...

Это случилось в промежутке между куплетами, и ребята услышали. Они засмеялись. Безбоязненно и торжествующе, потому что слишком явным было Жадино бессилие. А потом они закончили песню, и Вовка тут же завел новую:

Все выше, и выше, и выше
Стремим мы полет наших птиц!

И они подхватили опять, удивляясь, как здорово, как слаженно звучит их неожиданный хор.

Митькин отец вышел на крыльцо и слушал, подняв голову.

— Идите к нам, Петр Михайлович, песни петь! — крикнула Валька.

— Голос теперь не тот, Валя,— сказал он.— А то бы я спел, честное слово.

Патефон порывался выплюнуть лихой фокстрот, но умолк, не доиграв. А ребята пели:

Кра-сно-флотцы!
Недаром песня льется!
Недаром в ней поется,
Как мы на море сильны!

А потом пришло время для песни, которая была главной. Главной в ту пору.

Ее пели по-русски и по-итальянски. По-испански и по-немецки. У нее было много переводов, а кто не знал слов, находил их тут же.

И, быть может, перевирая незнакомые слова, но зато со звонкой силой выводил Вовка в высоте:

Аванти пополо, а ля рискосса!
Бандьера росса,
Бандьера росса!

И с той же силой повторяли Валька и мальчишки:

Вперед, товарищи! Гори над нами
Победы знамя,
Свободы знамя!

Потом Митька вспомнил немецкий припев:

Ди ротэ фанэ,
Ди ротэ фанэ...

И совсем притихла улица, слушая боевую песню Испании:

Ты, знамя алое,
Красней зари,
Ты, знамя красное,
Гори, гори...

Они стояли и пели у самой крыши, среди тополиной листвы, под бледными июньскими

звездами, веселые, абсолютно бесстрашные, готовые лететь навстречу всем пулям и штыкам, навстречу всем врагам. Вместе с песней, яростной, как горячий ветер.

Они не знали, что ждать еще долго. Довольно долго.

Будут еще годы, не очень спокойные, тревожные, но не опаленные еще самой большой грозой.

А сейчас они пели.

И в тысячах других дворов тоже пели, гоняли мяч, клеили воздушных змеев и стреляли из луков тысячи мальчишек, которых, видимо, не принимал в расчет и о которых разбил свою стальную мощь фюрер третьей империи рейхсканцлер Адольф Гитлер.

Они пели. Вечер был теплый, и песня славная, и друзья надежные.

Давайте простимся с ними сейчас, в этот хороший вечер. Впереди у них еще четыре лета — солнечных и почти мирных.

САМЫЙ СМЕШНОЙ ИЗ МИШЕК

Я. ГОЛОВАНОВ

Когда я был совсем маленьким, рядом с нами жил сосед, старичок латыш Яков Оттович. В живой речи имя это и отчество сливались, и все звали его Икотычем. Когда-то давно он был знаменитым охотником, и в комнате у него хранилось много шкур волков и лис, на стене висели оленьи рога. Но теперь он не охотился, только читал книги про зверей. Он лежал на диване, на самом кончике носа его держались очки в тонкой железной оправе, и читал. Рядом стояла этажерка со старым глобусом и лежали книги. Яков Оттович позволял мне крутить глобус и листать книги. Только просил листать аккуратно. Из всех книг я больше всего любил тяжелые тома Брема. На кожаных корешках горели золотые буквы, толстые зеленые переплеты были прохладны, и было приятно прижиматься к ним щекой. Теперь не делают таких книг...

Я был совсем маленьким и еще не умел читать. Но в книгах этих было много картинок. Икотыч называл мне зверей на картинках, и я всех их быстро запомнил. В подписях под картинками указывалось, насколько уменьшены на них звери: одна восьмая, одна двенадцатая или одна сороковая настоящей величины. Это значит, живой зверь был в восемь, двенадцать или сорок раз больше, чем на картинке. Мы с Икотычем брали линейку, измеряли зверя на картинке, а потом, ползая по полу комнаты, откладывали этот размер восемь, двенадцать или сорок раз, чтобы точно знать, какой ростом зверь на самом деле. Не удалось отложить только кита, хотя мы загнули его в коридор, но даже коридора не хватило.

Из всех зверей, которые населяли эти толстые книжки, больше всего мне нравился коала — австралийский сумчатый медведь. Ни тогда, ни сейчас я не могу объяснить, почему

Автору кажется, что коала похож на Мурзилку и еще немного на Винни-Пуха. А ты как думаешь?

мне нравился коала, ну просто он мне очень нравился, и я полюбил его на всю жизнь. Посмотрите на фотографию: разве можно не полюбить его? Мне кажется, он именно похож на Мурзилку и еще немного на Винни-Пуха.

Потом началась война, я уехал в Сибирь, а Икотыч, его глобус, книги остались в Москве. В Сибири было голодно и холодно, и, сидя у маленькой железной печки, я часто вспоминал московскую свою жизнь и сумчатого медведя коала. Мне почему-то казалось, что в эти суровые вьюжные дни медвежатам в далекой Австралии тоже холодно и тоже хочется есть...

Я уже научился читать и взял в библиотеке том Брема. Это был другой том, без кожаного корешка и золотых букв, но там тоже жил коала. При желтом свете коптилки я прочитал маленькую статью о сумчатом медведе. А потом взял линейку и отложил на полу рост коала. Они хоть и называются медведями, но маленькие: не больше шестидесяти сантиметров.

И потом всегда я старался узнать, где только можно, что-нибудь об этом зверьке. Я узнал, что коала живет в лесах Восточной Австралии, от Квинсленда до Виктории, и удивляет людей необыкновенно спокойным и миролюбивым характером. Днем он спит, а в сумерках начинает тихонько ползать по ветвям деревьев. Он не дергает листья ртом, а ест, как человек: срывает передними лапками и закусывает.

Коала никогда не злится, даже его голос, похожий на глухой лай, слышали очень немногие люди. Только если сильно раздразнить его, он начинает пронзительно кричать и принимает угрожающую позу, но никто не помнит, чтобы он кого-нибудь поцарапал или укусил. Коала не убегает от человека, когда за ним охотятся, наверное, потому, что понимает, какой он неуклюжий, понимает, что ему все равно не убежать... И когда его хватают и сажают в клетку, он тоже никогда не сопротивляется. Такой у него характер...

Многие натуралисты считали его очень глупым и писали, что тупость его безмерна. Но вглядитесь в его маленькие черные глазки. Разве мой коала тупой? Он просто очень добрый. Может быть, он самый добрый из всех зверей.

А добрых даже среди людей иногда считают дураками...

В неволе он быстро узнает своего хозяина и привязывается к нему всей душой, как собака. Он может жить в клетке, но не может жить без своих любимых эвкалиптовых листьев. Поэтому коала нельзя увезти из Австралии. Помимо его родного материка, коала можно увидеть только в одном зоопарке мира — в американском городе Сан-Диего, да и то только потому, что в Калифорнии растут его любимые эвкалипты.

Коренные австралийские жители считали мясо горибуна — так они называли коала — очень вкусным. В 1803 году о коала узнали европейцы. Им понравилось не мясо, а мех — пушистый, густой и прочный. Беззащитных зверьков англичане убивали буквально миллионами. Только в 1924 году Австралия продала два миллиона шкурок сумчатого медведя! Наверное, коала истребили бы полностью, если бы государство не взяло его под защиту и не запретило эту охоту, не отличимую от убийства... Число этих редких животных растет медленно, потому что у коала рождается только один медвежонок в году. Мама-коала первое время носит его в сумке на животе, как кенгуру, а потом на спине. Медвежонок обхватывает ее за шею и сидит смирно, а мама очень осторожно лазит в эти дни по деревьям, избегая тонких ветвей, которые могут обломиться. Они живут семьями, как люди...

Странно, вот столько лет уже прошло, но когда я вижу коала, я ясно вспоминаю себя совсем маленьким, вспоминаю старого охотника Якова Оттовича, войну, огонь коптилки... Совсем недавно мой друг, поэт, привез из Австралии шкуру сумчатого медведя, и я в первый раз погладил моего коала. Мех действительно очень мягкий и пушистый, особенно на ушках...

Маленькая женщина, вызвавшая большую войну

Старая американка, в странном чепце, в широком складчатом платье,— вам, должно быть, покажется, что она совсем не связана с вашими жизнями. Ее звали Гарриет Бичер-Стоу, она прожила долго — почти весь девятнадцатый век (1811—1896), умерла, когда ваших бабушек еще не было на свете. Американский еженедельный журнал «Нейшенел Эра» начал с 5 июня 1851 года публиковать ее роман «Хижина дяди Тома», и читатели нетерпеливо дожидались следующего номера: что же будет с Элизой? Спасет ли она своего мальчика от хищного работорговца Гейли? Успеет ли молодой Шелби выкупить дядю Тома?

Книга Бичер-Стоу затронула за живое не только неискушенных читателей, но и Герцена и Лонгфелло, Диккенса и Жорж Санд, Гейне и Льва Толстого, великих писателей того времени.

А сегодня «Хижина дяди Тома» может показаться такой же старомодной, как чепец писательницы; временами слишком чувствительной, слезливой, временами затянутой. Сегодня большинство негров в Америке уже не живет в хижинах, их давно уже не заковывают в цепи. Но если войти в книгу поглубже, если ближе познакомиться с ее автором, окажется, что книга жива.

Гарриет Бичер-Стоу родилась на Севере США, в штате Коннектикут. Она очень рано стала самостоятельной, уже в четырнадцать лет она помогала своей сестре-учительнице и сама преподавала латынь. Она вышла замуж за профессора богословия, родила шестерых детей. И когда к ней пришла писательская слава, ее продолжали одолевать семейные заботы, она не разучилась радоваться домашним радостям. После замужества она переехала в город Цинциннати, отсюда начиналась граница, отсюда фургоны переселенцев двигались на Запад. Их называли «пионерами»: они первыми прошли по нехоженым путям. Позднее это понятие стало международным, вошло и в наш язык, возникло на обложке этого журнала.

Требовалось немало мужества, чтобы пробираться сквозь девственные леса, пересекать прерии, пустыни, в постоянном единоборстве с суровой природой строить города, прокладывать дороги, возделывать целину. И Бичер-Стоу восприняла этот дух первооткрывательства, мужества. Маленькая женщина, тихая, богобоязненная, вступила в бой с врагом более могущественным, чем дикие леса и бурные реки. Вступила в бой с рабством негров. Она была белой, ее это зло непосредственно не затрагивало. Но для Бичер-Стоу чужое горе становилось своим. Она рано познакомилась с противниками рабства, которые тоже были своего рода пионерами, самозабвенными борцами за дело, казавшееся тогда безнадежным. Их побуждали выступать против рабства не материальная заинтересованность, не чьи-то приказы и даже не надежда на успех, а только веление совести, только преданность идеалам добра и справедливости. В доме Бичеров, как во многих домах хороших людей, была станция подземной железной дороги, — так называлась целая система тайных убежищ, по которым беглых негров переправляли сначала на Север, а потом в Канаду.

Она еще не отдавала себе в этом отчета, а беды черных людей все глубже западали в ее сердце. И когда она гостила у друзей в рабовладельческом штате Кентукки и когда она подолгу смотрела на реку Огайо, на ту самую реку, через которую по льдинам будет переправляться Элиза с ребенком.

В 1850 году был принят закон, который обязывал каждого северянина выдавать хозяевам рабов, бежавших с Юга. Все честные люди, естественно, возмущались тем, что их хотели превратить в доносчиков. Многие, рискуя своим положением, отказывались соблюдать этот закон. А для Бичер-Стоу он стал решающим толчком для создания ее книги. Жена брата обратилась к ней: «...Если бы я владела пером, как ты, я написала бы нечто такое, что заставило бы всю страну увидать проклятие рабства». Это письмо Бичер-Стоу прочитала за завтраком при своих старших сыновьях — одному было десять, другому двенадцать лет. И твердо сказала: «Я напишу».

Представить себе давно прошедшую моду, например, чепец, легче, чем представить себе, что люди относились к другим людям — только потому, что кожа у них черная, — как к вещам: продавали, покупали, разлучали с женами, детьми, забивали насмерть. Но так было в США до Гражданской войны 1861—1865 годов. И большинство белых американцев, вовсе не только злодеи, вроде Легри, но и люди обыкновенные, даже жалостливые, вроде Шелби, считали рабство таким же вечным, как моря, горы, реки. «Хижина дяди Тома» — первая книга, которая прорвала эту незыблемую уверенность. Бичер-Стоу удалось показать обычное — то, что люди видели каждый день, как необычное, показать так, что читатели вздрогнули от ужаса. Показать, как рабство калечит души рабов и рабовладельцев, как отдельные люди, и черные и белые, и тогда сопротивлялись рабству. Одни, самые активные, как муж Элизы Джордж, готовились воевать против рабовладельцев. Другие, как сенатор Берд и его жена, прятали у себя беглых рабов. А дядя Том в страшных условиях плантации то подкидывал голодающим маис, то принимал на себя наказание за другого, то ободрял добрым словом. Он жалел не себя, а других.

Имя главного героя книги Бичер-Стоу сегодня в США среди бунтующих негров приобретает порой едва ли не отрицательный оттенок: он наотрез отказался убить спящего рабовладельца Легри, он верил в бога, он проповедовал

смирение. Но вот есть в романе такой эпизод: с парохода, на котором Тома везли продавать на Юг, упала за борт маленькая девочка Ева. И Том, ни секунды не раздумывая, прыгнул вслед за ней и вытащил ребенка из воды.

Быстро, мгновенно откликаться на чужую беду, спасать других, не задумываясь над тем, кто эти люди, каковы будут последствия для тебя самого, — разве это не нужно и сегодня?

Том отказался выполнить приказ хозяина, отказался высечь старую женщину, и за это его забили насмерть. За верность своим убеждениям он поплатился жизнью. Разве это не нужно тем, кто называет себя пионерами?

Рабство в его древнем обличье, с плетьми и кандалами сейчас, пожалуй, не встретишь. Но по-иному насиловать, оскорблять, подавлять людей продолжают в мире капитала и сегодня. И сегодня сказывается в Америке наследие трехсотлетнего рабства негров.

В 1954 году Верховный суд США решил, что раздельное обучение детей негров и белых противоречит Конституции. В некоторых городах Юга черные и белые ребятишки начали учиться вместе; везде приходилось преодолевать отчаянное сопротивление, подчас и вооруженное. Было подсчитано: если внедрение совместного обучения будет идти столь медленно, как за первое десятилетие, то это произойдет лишь в XXI веке.

Бороться ли против ограничения в правах и преследования людей в зависимости от расовой принадлежности, как именно бороться, — эти вопросы человек решает, когда он становится взрослым. Но бежать на крик «Помогите!» учится в детстве. И старая американская книга учит этому великому искусству не хуже многих новейших.

«Хижина дяди Тома» была при своем появлении в высшей степени нужной и важной книгой. Одни восхищались писательницей, другие ее проклинали. В одном из пакетов с Юга ей прислали отрезанное ухо невольника. Книгу тайком переписывали, несмотря на то, что за ее чтение бросали на Юге в тюрьмы.

Президент США А. Линкольн, подписавший Декларацию об освобождении рабов, при встрече с Бичер-Стоу сказал ей: «Так это вы та маленькая женщина, которая вызвала эту большую войну?» И в шутливом приветствии был серьезный смысл.

Но книга эта осталась и после отмены рабства, перешагнула через свое время. В Советском Союзе издано почти два с половиной миллиона экземпляров книги Бичер-Стоу. Уроки «Хижины дяди Тома», уроки простой человечности, нужны людям всегда и везде.

Р. ОРЛОВА

Однажды в детстве я прочитал книгу...

Рисунки Н. ДОБРОХОТОВОЙ.

Я был в возрасте теперешних читателей «Пионера» (это было еще до революции), когда впервые познакомился с Жаном Анри Фабром.

Мне посчастливилось достать двухтомник, где были довольно полно изложены работы великого энтомолога. И, разумеется, я сразу же принялся усиленно штудировать книгу.

Я орнитолог. Птицы привлекли мое внимание, когда мне было лет семь. Я хорошо знал повадки и голоса птиц, когда начал читать Фабра, можно сказать, был натуралистом, как теперь говорят, юннатом. Меня поразила упрямая настойчивость, с какой Фабр, еще будучи мальчиком, мог целыми днями без устали следить за каким-нибудь навозным жуком.

Да, Фабр был удивительный наблюдатель жизни насекомых. О чем бы он ни рассказывал — об осах, пчелах, бабочках или других насекомых,— он делал это так просто и так интересно!

Никто не сделал столько наблюдений, не провел столько опытов с осами-охотницами и дикими пчелами! И все для того, чтобы выяснить один очень важный вопрос: есть ли у насекомых разум или же все их действия — это лишь проявление инстинкта?

Уже более полувека я занимаюсь птицами, и в моей натуралистической деятельности мне не раз приходилось обращаться к Фабру.

Вот, например, сейчас в борьбе с насекомыми — вредителями народного хозяйства, по мнению ученых, очень важна биологическая борьба, иначе говоря, надо использовать против вредителей их естественных врагов — хищных насекомых. Но главный враг вредных насекомых, конечно, птицы. Птицы насекомоядные или те, которые кормят насекомыми своих птенцов.

Фабр дал богатейший материал по изучению инстинкта насекомых. И теперь, как много лет назад, правда, уже с другой целью, я опять обращаюсь к работам великого энтомолога.

П. П. СМОЛИН, биолог.

Эти книги также расскажут вам много удивительного о жизни насекомых. Правда, некоторые из них вышли давно, и вы сможете их найти только в библиотеке.

Аксаков С.
БАБОЧКИ.

Горностаев Г.
НАСЕКОМЫЕ СССР (Определитель).

Мариковский П.
ЮНОМУ ЭНТОМОЛОГУ.

Эжен ле Мульт.
МОЯ ОХОТА ЗА БАБОЧКАМИ.

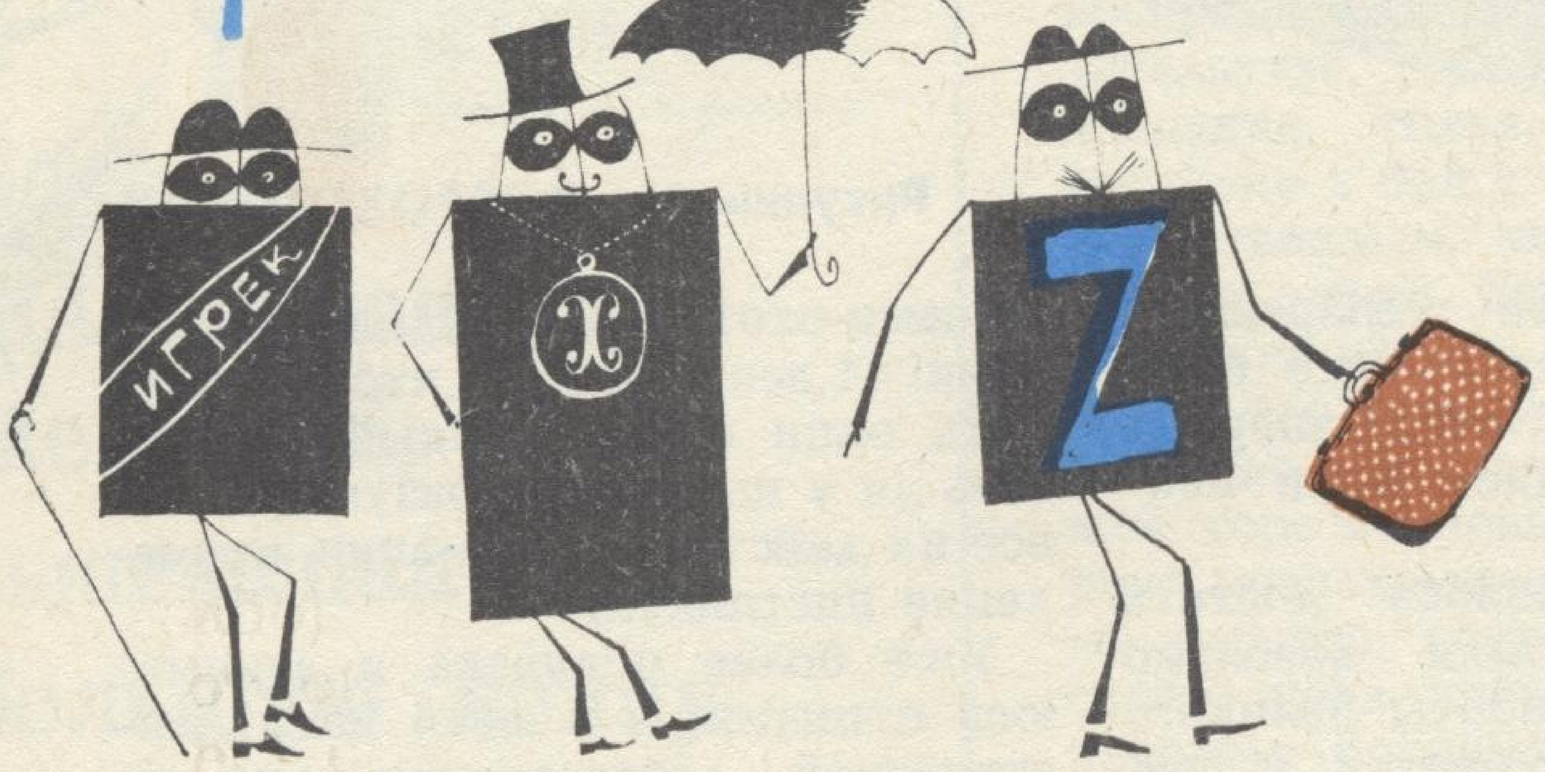
Плавильщиков Н.
ЗАНИМАТЕЛЬНАЯ ЭНТОМОЛОГИЯ.

Стекольников Л.
ЧТО ТАКОЕ АСКАЛАФУС?

Халифман И.
ПАРОЛЬ СКРЕЩЕННЫХ АНТЕНН.

Павлович С.
КАК СОБИРАТЬ НАСЕКОМЫХ.

ПРО ХОККЕЙ И ТЕОРИЮ ВЕРОЯТНОСТЕЙ



Однажды вечером Неизвестные шли по Ленинскому проспекту, мирно обсуждая свои дела. Из подземного перехода выскочил мальчишка и, увидев знаменитых математиков, радостно поздоровался. Кто их здесь не знает?! И Неизвестные узнали его. Это был Юра Лосев, центральный нападающий местной дворовой команды «Вихрь».

— Что, Юра, бежишь на тренировку? Зимой, наверное, сменил свой футбол на хоккей? — спросил Икс.

— Ни за что на свете! — воскликнул Юра обиженно.— Зимой надо заниматься, а не бегать за шайбой. Все хоккеисты плохо учатся, а вот футболисты учатся гораздо лучше!

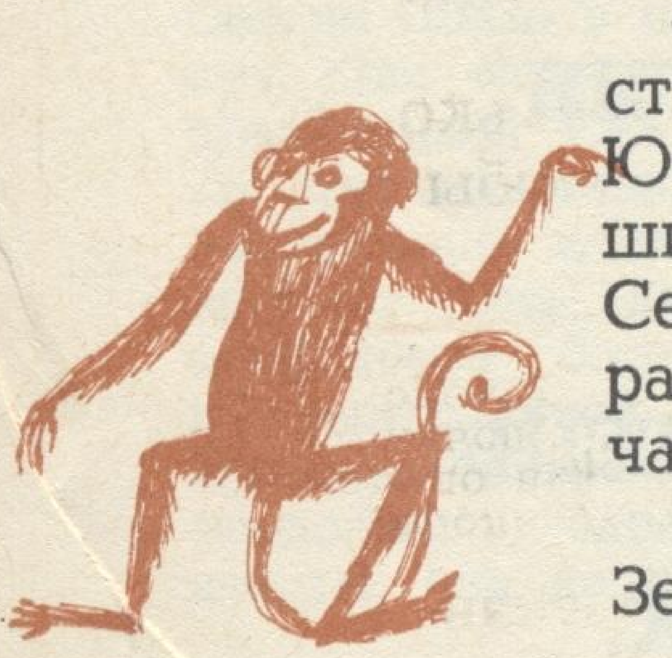
— Почему ты так решил?

— А что? Все так говорят в нашей команде, не я один.

— А не кажется ли тебе, что ты рассуждаешь сейчас, как печально известные обезьяны из книги Киплинга «Маугли»? Помнишь, они кричали на весь лес: «Мы велики! Мы свободны! Мы достойны восхищения! Мы все так говорим, значит, это правда!..»

— Это кто же обезьяны! — не выдержал Юра.

— Даже если не обезьяны, все равно ссылкой на мнение многих нельзя ничего доказать. Земля круглая, хотя в древности почти все думали, что она плоская.



— Мало ли что было в древности...— снисходительно заметил Юра, уже немного успокоившись.— Вот в моем классе учится Сережа Петров. Он все время играет в хоккей и все время получает двойки.

Тут заговорил даже терпеливый Зет:

— Ты рассуждаешь, как один француз, который говорил: «Все англичане низенькие, толстенькие и чернявые»,— только потому, что так выглядел единственный англичанин, с которым он встречался. И ты и этот француз нарушили законы логики.

Юра задумался, и Неизвестные решили помочь ему. Для начала Игрек рассказал такую историю:

— В одном городе я видел на доме такую табличку: «В нашем доме нет двоечников». На соседнем доме такой таблички не было. Как по-твоему, Юра, значит ли это, что в соседнем доме все были двоечниками?

— Н-нет,— сказал Юра неуверенно.— Не обязательно. Это значит только, что там есть двоечники... Хотя бы один двоечник... А может быть, и все там учатся на двойки. Нет, не знаю, я ведь не был там!

— А что же означает такая фраза: «Неверно, что среди ребят есть двоечники»?

— Это как в первом доме — все успевают.

— Значит, одно из двух,— удовлетворенно подводит итоги Игрек.— Либо все успевают, либо в доме есть хотя бы один двоечник. А что можно сказать о любителях шайбы?

— Верно одно из двух: либо все хоккеисты плохо учатся, либо не все, и, следовательно, есть хоккеисты, которые учатся хорошо.

Этим ответом Неизвестные были очень довольны. Еще бы! Юра самостоятельно открыл один из законов логики. А пока Икс возвращается к случаю в классе:

— И в твоем классе, Юра, есть несколько отличников, которые любят гонять шайбу. Значит, верно второе: бывают хоккеисты, которые хорошо учатся.

— Ну, конечно!

— А что же тогда доказывает твой пример с Сережей Петровым?

Юра задумывается.

— Не все хоккеисты хорошо учатся...

Вот что значит уважать законы логики! Юра сейчас сам пришел к правильному выводу, а ведь это ему никак не удавалось в начале спора!

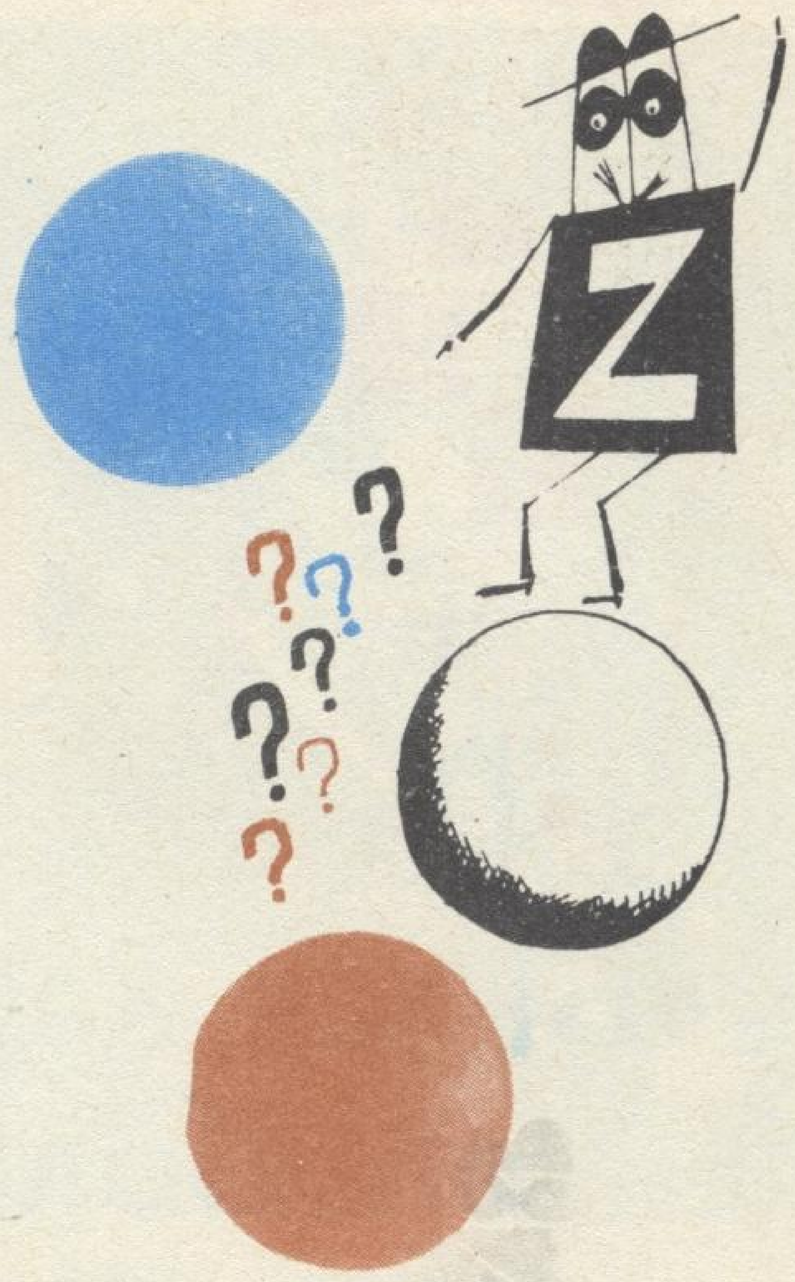
Когда Неизвестные вернулись домой, Зет снова вспомнил этот спор с Юрой:

— С двоечниками и футболистами разобраться легко. Но многие ребята ошибаются, когда рассуждают не о таких понятных вещах, как футболисты и хоккеисты, а, например, о красных и белых шарах.

— Может быть, тут есть какое-нибудь средство или правило? — спросил Игрек.

— Пожалуй, есть,— ответил Зет.— Но сначала еще один пример: **урновая** (от слова «урна») **схема.** Не пугайтесь этого названия — нам никакой урны не понадобится, а всего лишь листок бумаги, и то попозже. Урновая схема — тот пример, на котором очень удобно показывать законы теории вероятностей. Сама теория вероятностей — очень большая тема, и мы к ней сегодня только прикоснемся.

Какого цвета шары?



Рисунки Б. Кыштымова.

Представим себе, что в нашей урне могут лежать шары разных цветов, например, белые, красные и синие (одинакового размера и неразличимые на ощупь). Один из нас утверждает, что все шары в урне белые. Не глядя, он опускает руку и вынимает один шар. Шар оказывается, к примеру, красным, и мы кладем его обратно. Что можно сказать о цвете остальных шаров в урне?

— Что все шары красные,— предполагает Игрек.

— Многие думают так. На самом деле можно утверждать лишь, что некоторые (не обязательно все) шары красные. Могут быть и белые и синие. А вот более общее решение всех подобных задач — наше «волшебное средство».

Волшебное средство

Пусть у нас есть совокупность М нескольких объектов (это могут быть несколько шаров, или несколько книг, или все ученики некоторого класса).

Каждый из предметов этой совокупности может обладать, а может и не обладать некоторыми свойствами А, например, шар может быть красным, а может и не быть, футболист — быть или не быть двоечником.

Основной закон схемы такой: верно может быть либо утверждение, либо его отрицание. **Одно и только одно из двух!** Либо правая часть схемы, либо левая.

Либо все хоккеисты плохо учатся (обладают свойством А). Если же это неверно, то хотя бы один хоккеист учится хорошо (не обладает свойством А).

В результате можно составить вот такую таблицу или схему:

Утверждение	Его отрицание
Все предметы из М обладают свойством А	Хотя бы один предмет из М не обладает свойством А
Некоторые предметы из М обладают свойством А	Все предметы из М не обладают свойством А

— Обратите внимание на то,— добавил Икс,— что утверждения «некоторые предметы обладают свойством А» и «хотя бы один предмет (а может, быть и все) обладает свойством А» означают одно и то же.

Контрольные вопросы Игрека

1. В классе 5 отличников, 20 хорошистов и 10 троечников. Отличник может получить за ответ только 5, хорошист — 4 или 5, троечник — 3, 4 или 5.

В класс пришел инспектор, он не знает никого из учеников. Сколько человек ему достаточно вызвать к доске, чтобы наверняка была поставлена хотя бы одна пятерка?

2. Вернемся к урновой схеме.

а) Известно, что не все шары в ящике белые. Верно ли, что там есть красный шар?

б) Известно, что не все шары одного цвета. Верно ли, что в ящике есть хотя бы один цветной шар?

в) В ящике 10 белых, 8 красных и 11 черных шаров. Сколько из них надо вынуть, чтобы наверняка попался белый шар? Чтобы попались шары всех трех цветов?

НЕИЗВЕСТНЫЕ РАСКРЫВАЮТ СВОИ ТАЙНЫ

Контрольные вопросы Игрека.

1. Надо вызвать 34 человека. Меньше нельзя: может получиться так, что к доске выйдут лишь троечники и хорошисты и каждый ответит не более, чем на 4.

2. а) Неверно. Может быть один белый шар, а все остальные синие.

б) Верно.

в) Надо вынуть по крайней мере 20 шаров; не менее 22 шаров.

В СТРАНЕ ШАХА — ВЛАДЫКИ ЧЕРНЫХ И БЕЛЫХ ПОЛЕЙ

«Белая ладья» на Волге

«Белая ладья» пришвартовалась у пристани города Калинина. Прибыли участники финального турнира пионерских дружин Российской Федерации на приз чемпионов мира. Восемь команд (в каждой четыре мальчика и одна девочка) — победительниц отборочных соревнований. Из Новосибирска, Челябинска, Воронежа, Волгограда, Вологды, Прокопьевска, Владимира и Подольска.

Конечно, и Пешкин тут как тут. Вместе с тренером Московского Дворца пионеров Александром Николаевичем Костьевым, который и рассказал нам о результатах турнира.

— Заслуженную победу одержала команда школы № 31 города Челябинска. Все ребята играли с большим подъемом, и тон задавал капитан команды Андрей Гетманчук. Андрей — хороший шахматист, он сам уже руководит шахматным кружком в своей дружине.

На второе место вышла команда прокопьевской школы № 1. В этой команде все твердо придерживались правила «Не пищать!» и стойко переносили неизбежные в соревнованиях неудачи. И никто не умел так поднять настроение ребят, как Лариса Стефанович, их капитан.

На третье место вышла команда новосибирской школы № 168. Далее следуют команды воронежской школы № 70, владимирской школы № 23, школы № 3 Подольска, волгоградской школы № 8 и вологодской школы № 2.

Как всегда, горячие спортивные поединки сдружили ребят. За шахматной доской всем хватало работы, каждому хотелось помочь своей команде вырваться вперед. Старались все, но особенно упорно искал лучшие продолжения партий Игорь Бирюлин из Вологды. Пешкин хотел подойти к нему похвалить, а потом решил не отвлекать Игоря.

И к Рафнуру Нургалиеву из Прокопьевска не подошел по той же причине. Заглянул через плечо на шахматную доску, видит, все в порядке, и тихонько отошел, не отвлекая играющих.

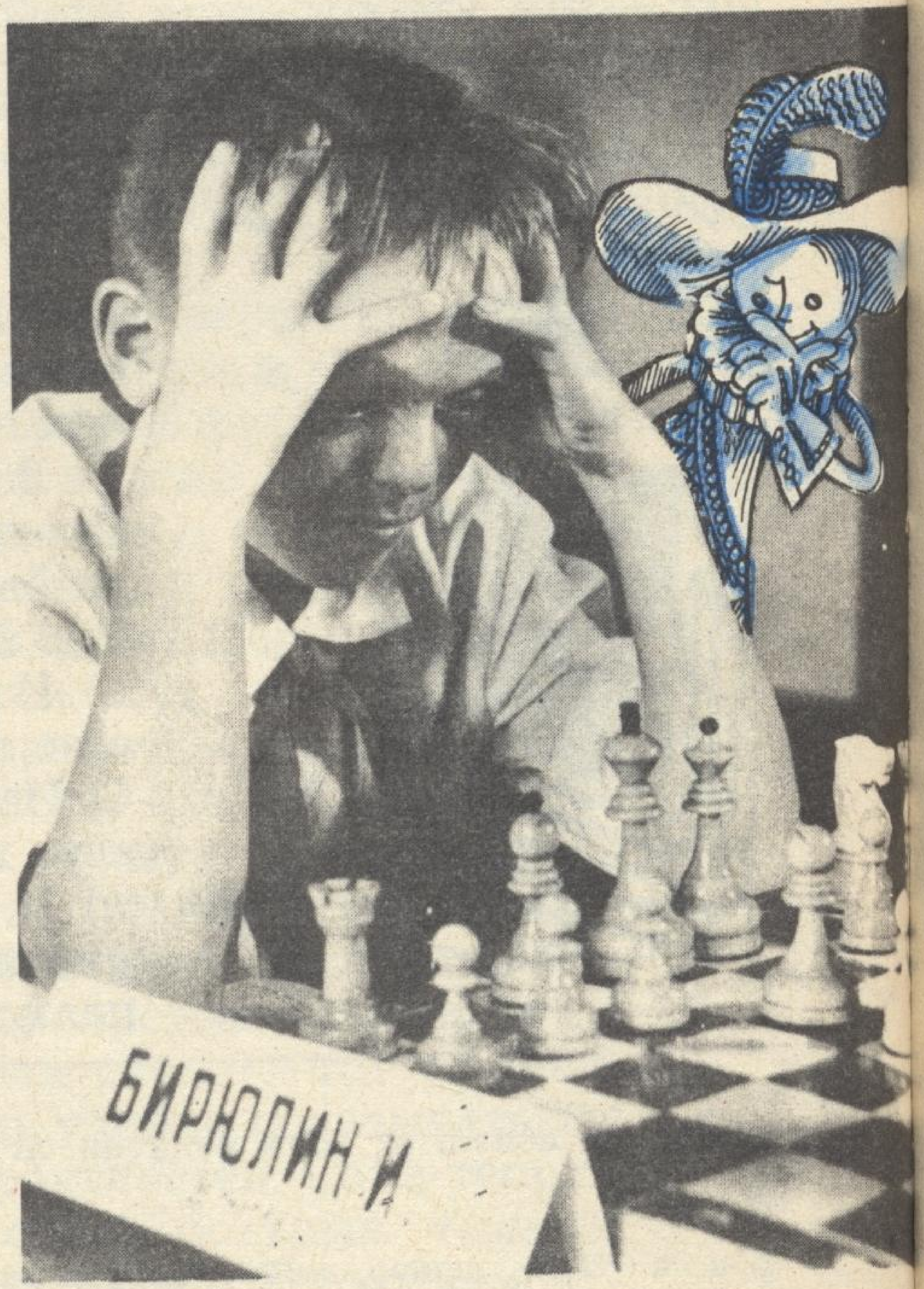
Кончались сражения на шахматной доске, и недавние противники мирно беседовали друг с другом, делились впечатлениями, рассказывали о своих городах, о школьных делах.

И Пешкин нередко вступал в разговор. Посмотрите на фото слева. Видите, как радуется он встрече ученицы четвертого класса Лены Руфицкой из Владимира с Наташей Якушевой, семиклассницей из Воронежа.

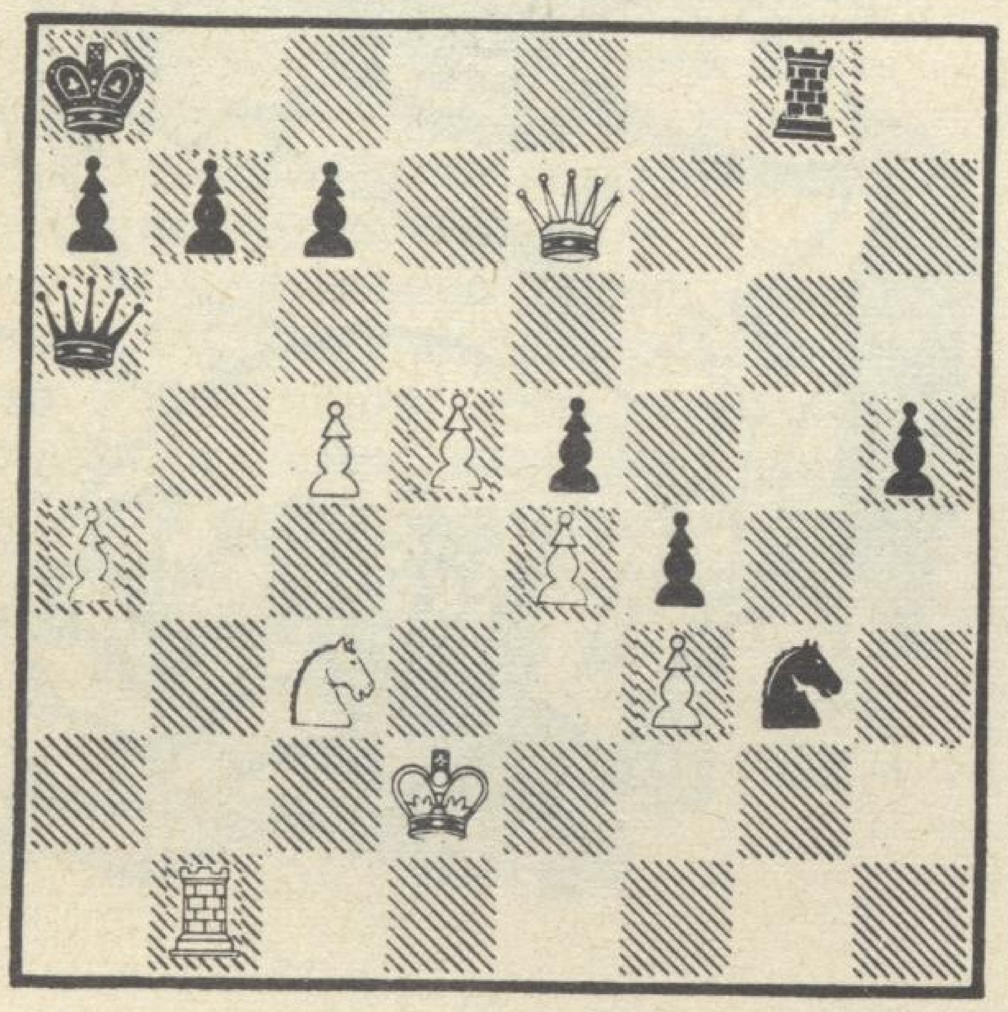
Две команды, о которых мы рассказали, из Челябинска и Прокопьевска, поедут в Артек, чтобы сразиться со сборными командами пионерских дружин из других республик и разыграть главные награды клуба «Белая ладья».

А теперь, ребята, проанализируйте отрывки из партий, сыгранных на турнире в Калинине, которые понравились Пешкину.

Хороших результатов добился в соревновании **Алеша Чистовский** из Волгограда. В каждой партии Алеша находил интересные возможности. Вот как закончилась встреча его с **Сережей Долговым** из Воронежа:



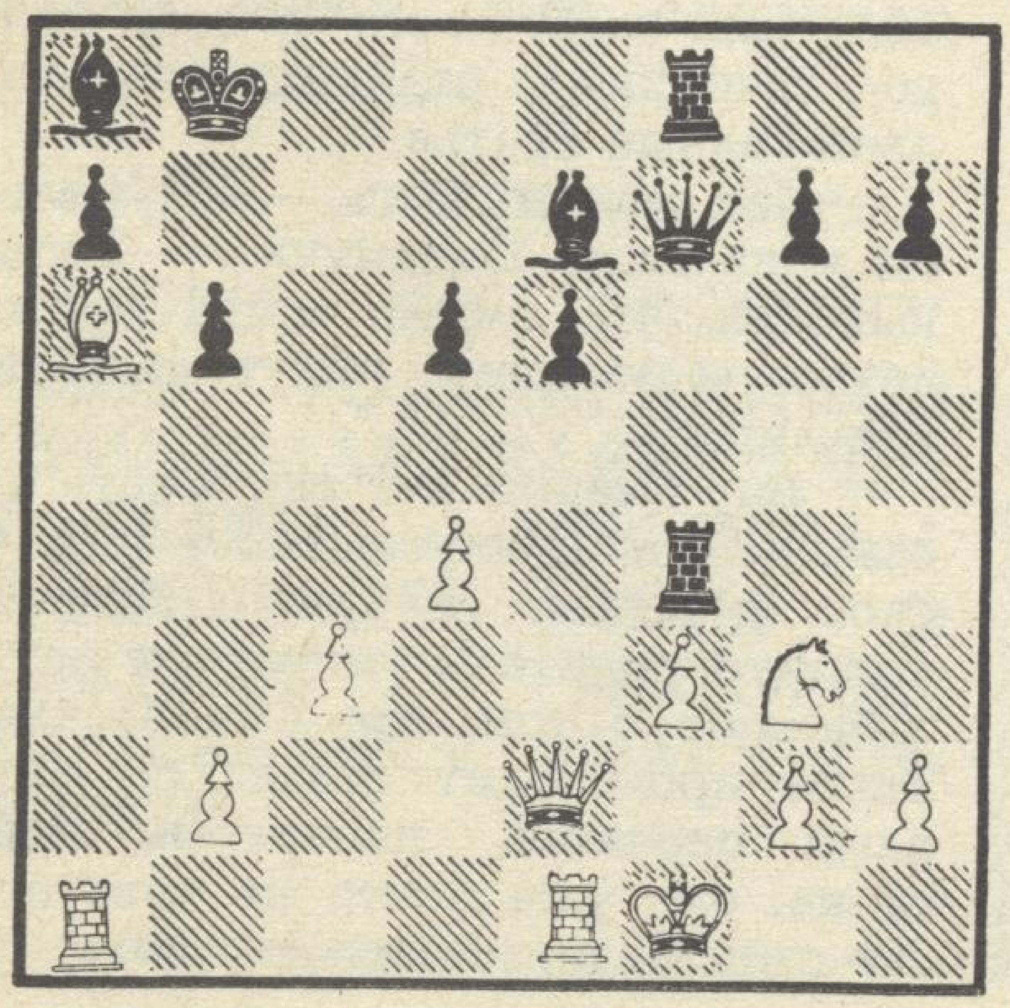
Рафнур Нургалиев.



Алеша хорошо провел атаку на белого короля.

В позиции, приведенной на диаграмме, последовало: 1... Kb3 — c1 + 2. Kpe2 — d1 Фh6 — e3 3. Фd7 : f7 (белые грозят дать мат, но слово за черными) 3... Фe3—e2+! 4. Kpd1 : c1 Фe2—e3+ 5. Kf3 — d2 (иначе в лагерь белых ворвется ладья b8) 5... Фe3 : g1+ 6. Kpc1—c2 Фg1—a1, и черные одержали победу.

И еще одно окончание партии. Белыми играл **Коля Сорокин** (Владимир), черными—**Сережа Костенков** (Прокопьевск).



Противники ведут атаку на разных флангах. Кто первым взорвет оборонительные укрепления в лагере противника? Это удалось Сереже, смело пожертвовавшему ладью.

1... Лc4 : c3 + 2. b2 : c3 (выбора нет, если 2. Kpb1, то решает 2... Лc2) 2... Ch8 : c3 3. Фd2 : d6 (и при других отступлениях ферзя спасения у белых нет) 3... Cc3—d2++.

После этого двойного шаха белым осталось только сдаться.

Многих участников турнира «Белая ладья» в Калинине Пешкин наградил своими грамотами.

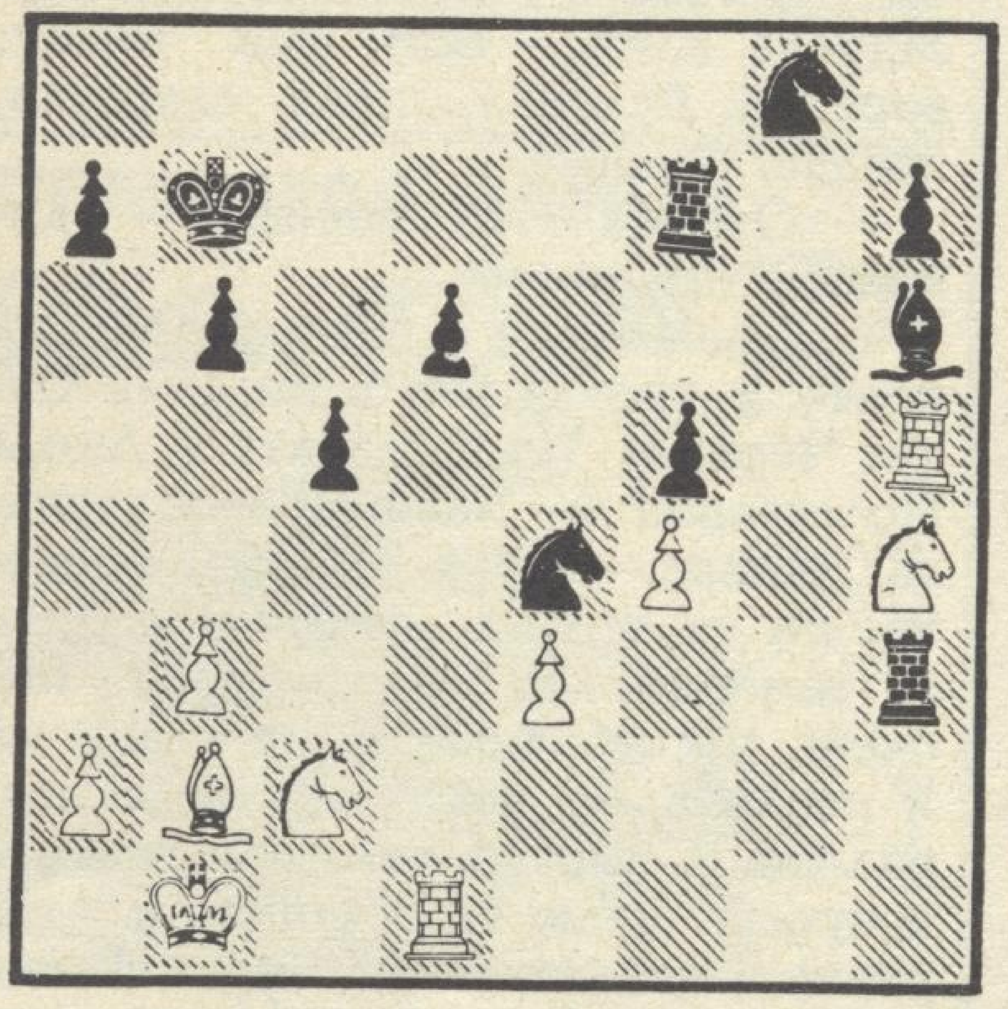
Желтый свет светофора

Видите, ребята, Пешкин готовится зажечь желтый свет светофора на шахматной дороге. Он предупреждает: «Внимание! Будьте осторожны!»

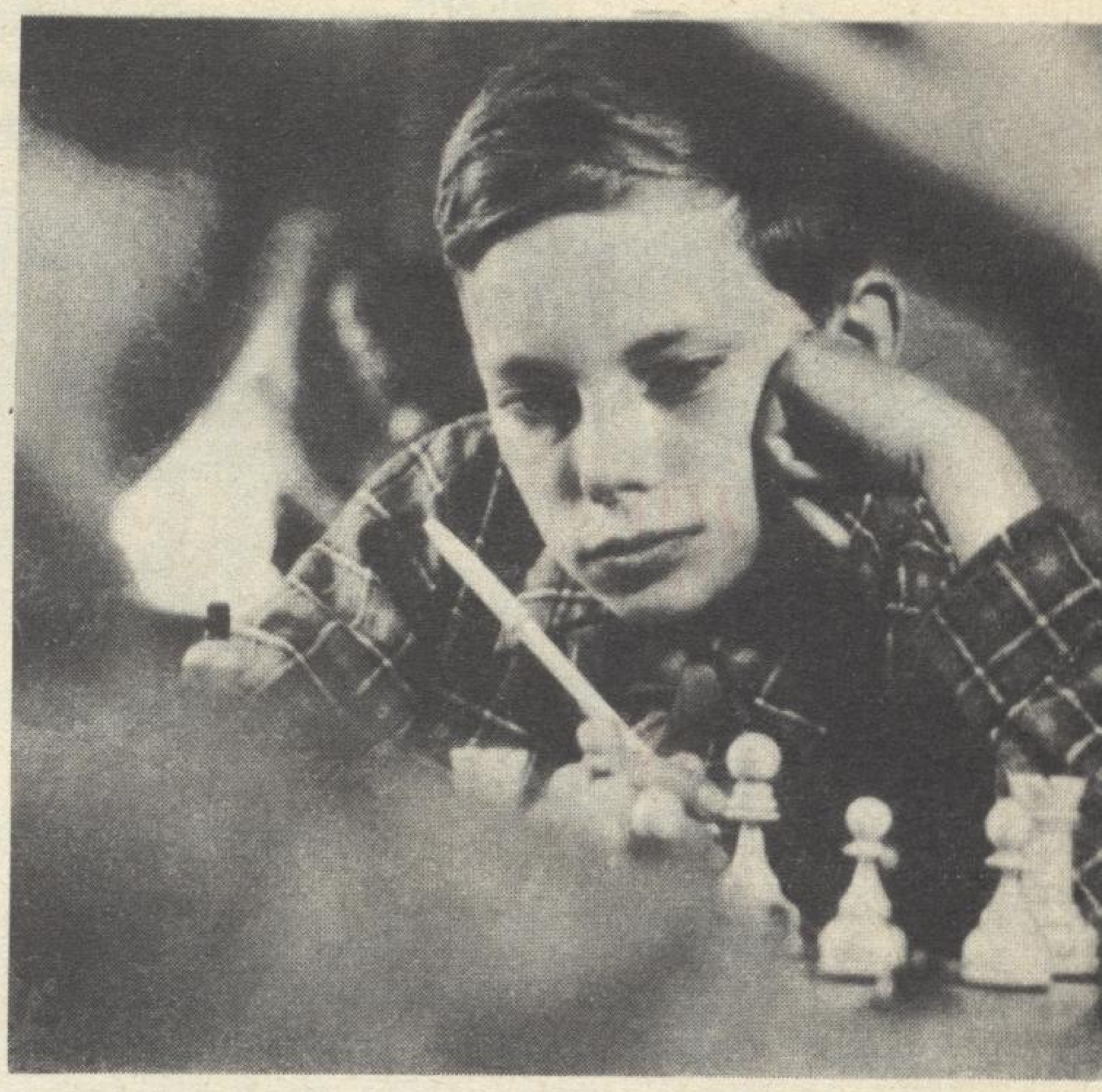
Белым угрожал ход черного коня на b3. Плохо для белых 1. Лa5 : c5. Черные просто уйдут ладьей на e7 и останутся с лишней пешкой в лучшем положении. Белые коварно сыграли 1. Лe1—b1, и после этого хода Пешкин зажег сигнал, предупреждающий черных.

Могут ли они сделать такой ход: 1...Kd4—b3? Чем ответят на этот удар белые? Какую комбинацию они придумают?

Ребят, которые первыми ответят на эти вопросы, Пешкин наградит «Грамотой ферзя и ладьи».



Рисунки Н. ДОБРОХОТОВОЙ.



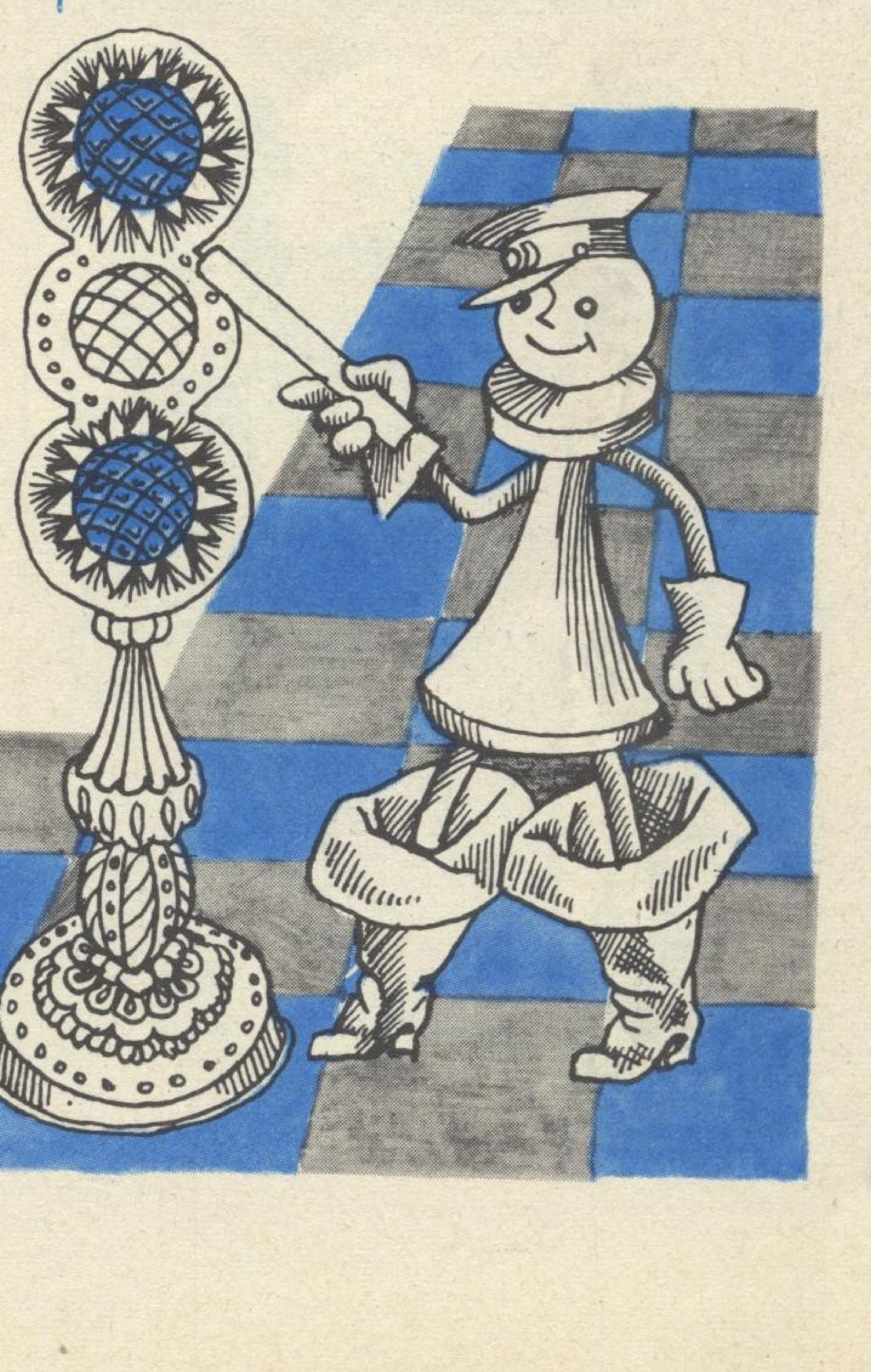
Алеша Чистовский.

Проверьте решения

Задача, помещенная в журнале №3, решается ходом 1. Kpg4. В задачах из № 4 к цели ведут ходы 1. Фb6!; 1. Cc2, задачу из № 5 решает только ход 1. Ke4.

Среди ребят, приславших правильные решения: **Валерий Денисов** (Черемхово), **Александр Борисов** (Краснодон), **Эдуард Герасимов** (г. Тырныауз, Кабардино-Балкарская АССР), **Юра Лавров** (ст. Каневская, Краснодарского края), **Петя Панкратов** (Воркута), **Валентин Якутович** (Гомельская обл.), **Ваня Шевченко** (совхоз «Коммунар», Алтайский край), **Станислав Распопов** (с. Юсьва, Пермской области), **Левон Эвоян** (Кировакан) и другие ребята.

Судейская коллегия конкурса подводит итоги соревнования и скоро начнет рассылать классификационные справки и премии победителям.



Записал Вадим ЛЕВИН

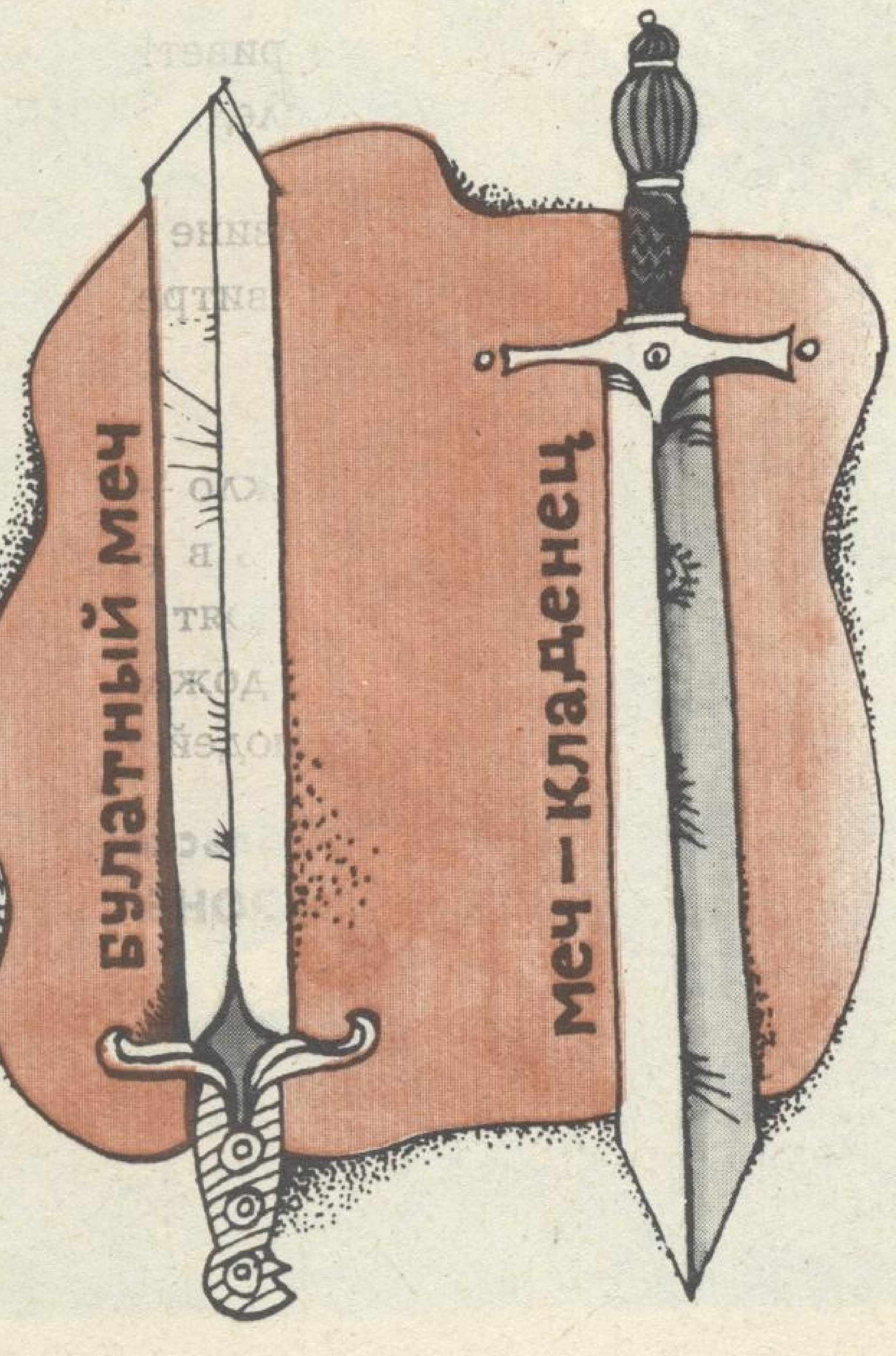
— Бабушка Белобока была права, — сказала Соберика-Разберика, едва сорока-президент открыла заседание клуба: — Не только мы, сороки, иногда говорим слова, значения которых не знаем, но и наши уважаемые читатели тоже.

— Не может быть! — раздались возмущенные голоса. — Это клевета! Требуем доказательств!

— Вот доказательства.— Соберика-Разберика показала крылом на пачку писем. — Отклики на наше февральское заседание прислали больше тысячи ребят, но только в семнадцати письмах мы с Эврикой и Всезнайкой обнаружили правильные ответы на вопрос о волшебном коне. А сказку-то про Сивку-Бурку все, наверно, читали не раз..

— Соберика-Разберика верно говорит, — поддержала подружку Всезнайка. — И многие ребята с нею согласны. Москвичка Наташа Шмелева так и написала: «Действительно, мы часто употребляем слова, значения которых не знаем. Вот, например, слово перелесок. Кажется, простое слово, но объяснить его могут не все. А перелесок — это...»

— Не читайте дальше, — перебила бабушка Белобока.— Пускай это будет нашим первым заданием:



РЕБЯТА, ОБЪЯСНИТЕ, ЧТО ТАКОЕ ПЕРЕЛЕСОК!

— И еще, — добавила Эврика, — Марина Волкова из Рязани пишет: «В некоторых сказках я слышала выражение **булатный меч,** но не знаю, что такое **булатный».**

А Оля Ощепкова из города Чайковский тоже спрашивает о мече: «Что такое **меч-кладенец?»**

— Прекрасно! — решила бабушка Белобока:

ПУСКАЙ ВОПРОСЫ МАРИНЫ И ОЛИ ТОЖЕ ВОЙДУТ В ПЕРВОЕ ЗАДАНИЕ.

— Я благодарю Наташу, Марину и Олю за новые экспонаты, — сказала Соберика-Разберика. — Я коллекционирую слова, которые звучат знакомо, а не совсем понятны. И прошу всех читателей присылать мне побольше таких слов. Потом все вместе будем разбираться, что эти слова означают.

— А все-таки что такое «Сивка-Бурка», что значит «вещая» и почему «Каурка»? — спросила Почемучка.

— Сивый, бурый и каурый — это масти коней, цвет их шерсти,— ответила Незнайка и гордо задрала клюв.— Есть еще масти: вороная, буланая, пегая, саврасая, гнедая, соловая...

— Откуда ты знаешь? — удивилась Почемучка.

— Она вместе с нами разбирала почту и прочла это в письмах Саши Чернова (г. Салават) и Люды Полетаевой (г. Москва),—объяснила Эврика.— Сама бы она, конечно, ни за что не догадалась. Да и я, наверно, не додумалась бы: очень уж трудные были вопросы. Я поздравляю ребят, которые правильно и быстро ответили на эти вопросы: Валю Обрезанова и Андрюшу Панкова (село Биаза, Новосибирская обл.), Лену Деркач (г. Тула), Роберта Абдуллина (г. Ишимбай), Таню Федорову (г. Москва), Борю Клюйко (г. Минск) и Иру Квиртия (пос. Селятино, Московской области).

Ира Квиртия признается: «Мне пришлось полистать словари и хорошенько расспросить бабушку».

Молодцы ребята! Теперь мы все вместе (с помощью словарей и Ириной бабушки) разберемся наконец, какого цвета волшебный конь. Сивый — серовато-сизый, бурый — понятно, а каурый, как выяснили ребята,— светло-каштановый. Выходит, конь серо-буро-каштановый. Ну, и цвет!

«Итак, волшебный конь трех цветов: сивого, бурого и каурого,— пишет пятиклассник из Москвы Коля Агафонников. — Откуда столько? Да **ведь конь волшебный!** Тут-то и собака зарыта! Когда он скачет, цвета его меняются: то он сивый, то бурый, то каурый».

А Светлана Соловова из поселка Комсомольска Архангельской области, очень интересно объясняет, как волшебному коню удается без всякого волшебства менять свой цвет: «В сказке написано так:

Рисунки А. БОРИСОВА.

«Одна шерстинка у коня золотая, другая серебряная». Потому шерсть и переливается рыжим и другими цветами».

— Понятно, — сказала Почемучка. — А **вещий** — это тоже масть?

— Нет. **«Вещий** — значит **приносит вести, много ведает, может предсказать будущее».** Так объяснила это слово ученица 4-го класса Люба Маринкова из Томска. Видишь, **вещий** и **весть, вещать, радиовещание** — родственники.

— Разве слова бывают родственниками?

— Конечно! В языке очень мало одиноких слов, почти у всех есть родственники: родители, дети, двоюродные братья.

— Не может быть, — все больше удивлялась Почемучка. — Тогда выходит, что слова могут рождаться и умирать, могут стареть, как люди!

— Вот именно. Все так и есть на самом деле. И случаются у них, у слов, грустные истории: бывает так, что родитель умирает и дети забывают о том, что они братья. Такое происходит сейчас со словами **перчатка, наперсток, перстень:** они уже почти не чувствуют себя родственниками, **хотя** у

них был один папа — **перст**, так раньше называли палец.

— А-а-а-а! У-у-у-у! О-о-о-о! — послышался вдруг плач Несмеяны.

— Что случилось? Что с тобой? Мне их жалко!

— Кого?

— Слова. Они забыли своих родителей и теряют братьев. А-а-а!

— А Несмеяна права, — согласилась с жалостливой сорокой Путешественница. — Им нужно помочь. Давайте организуем Бюро по розыску слов-родственников.

— Замечательная идея, — поддержала Соберика-Разберика. — У меня в коллекции есть несколько старинных слов, которые давно умерли, в русском языке не употребляются. Но их родственники живы и здоровы.

— Очень хорошо, — обрадовалась бабушка Белобока. — Есть второе задание:

ОБЪЯВЛЕНИЕ

БЮРО ПО РОЗЫСКУ СЛОВ - РОДСТВЕННИКОВ ПРОСИТ ЧИТАТЕЛЕЙ НАЙТИ ДЕТЕЙ ИЛИ ВНУКОВ СЛЕДУЮЩИХ СЛОВ:

ВЕЛИЙ — когда-то это слово означало «большой».

БАЯТЬ — когда это слово было живо, оно означало «говорить».

ВАГА — означало «вес».

БЮРО ПО РОЗЫСКУ СЛОВ - РОДСТВЕННИКОВ ПРИНИМАЕТ ЗАЯВКИ ЧИТАТЕЛЕЙ «ПИОНЕРА»! СООБЩАЙТЕ НАМ О СЛОВАХ, У КОТОРЫХ ПОТЕРЯЛИСЬ РОДСТВЕННИКИ!

— Слово для благодарности предоставляется сороке Художнице.

— Уважаемые читатели! Спасибо за слова, которые вы прислали для моего словаря. Сегодня я сделала рисунки к словам Саши Субботина (пос. Билибай, Свердловской обл.), Оли Ж. (г. Мурманск), Вити Щенёва (г. Андижан).

РЕБЯТА, ПРИСЫЛАЙТЕ НОВЫЕ СЛОВА В МОЙ СЛОВАРЬ!

Сорока ХУДОЖНИЦА

Ванда ХОТОМСКА

СТИХИ о печальных зонтиках

В одном варшавском магазине
Стояли зонтики в витрине.
Их было пять, их было пять.
Им надоело там стоять,

Им надоело круглый год
Молчать, воды набравши в рот,
Когда в витрине, как назло,
Всегда так сухо и тепло,
И дождик не стучит в стекло.

Но как-то раз осенним днем
Ударил над Варшавой гром,
И заспешил по мостовой
Веселый топот дождевой.

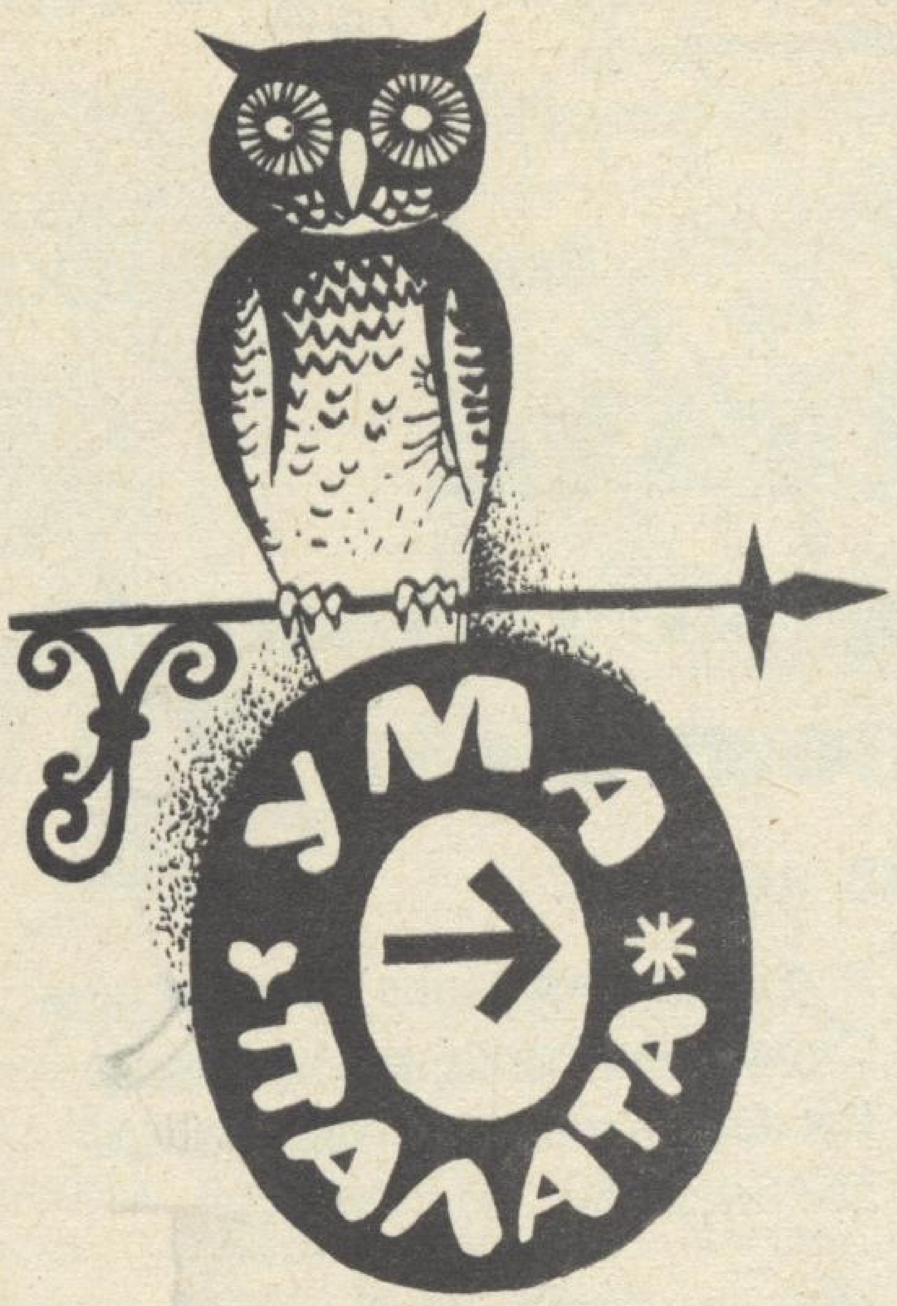
Зонты вскочили на окно:
«Мы ждем дождя давным-давно!
Давным-давно дождя мы ждем!
Хотим намокнуть под дождем!»
И все зонты—их было пять!—
Пошли по улицам гулять.

Один увидел, что с моста
Спешит старушка без зонта;
Другой, от ветра трепеща,
Прикрыл девчонку без плаща;
А третьего унес с собой
Прохожий в куртке голубой;
Четвертый припустил бегом
За симпатичным пареньком;
А пятый крикнул мне:
«Привет!»
И поскакал за мною вслед.

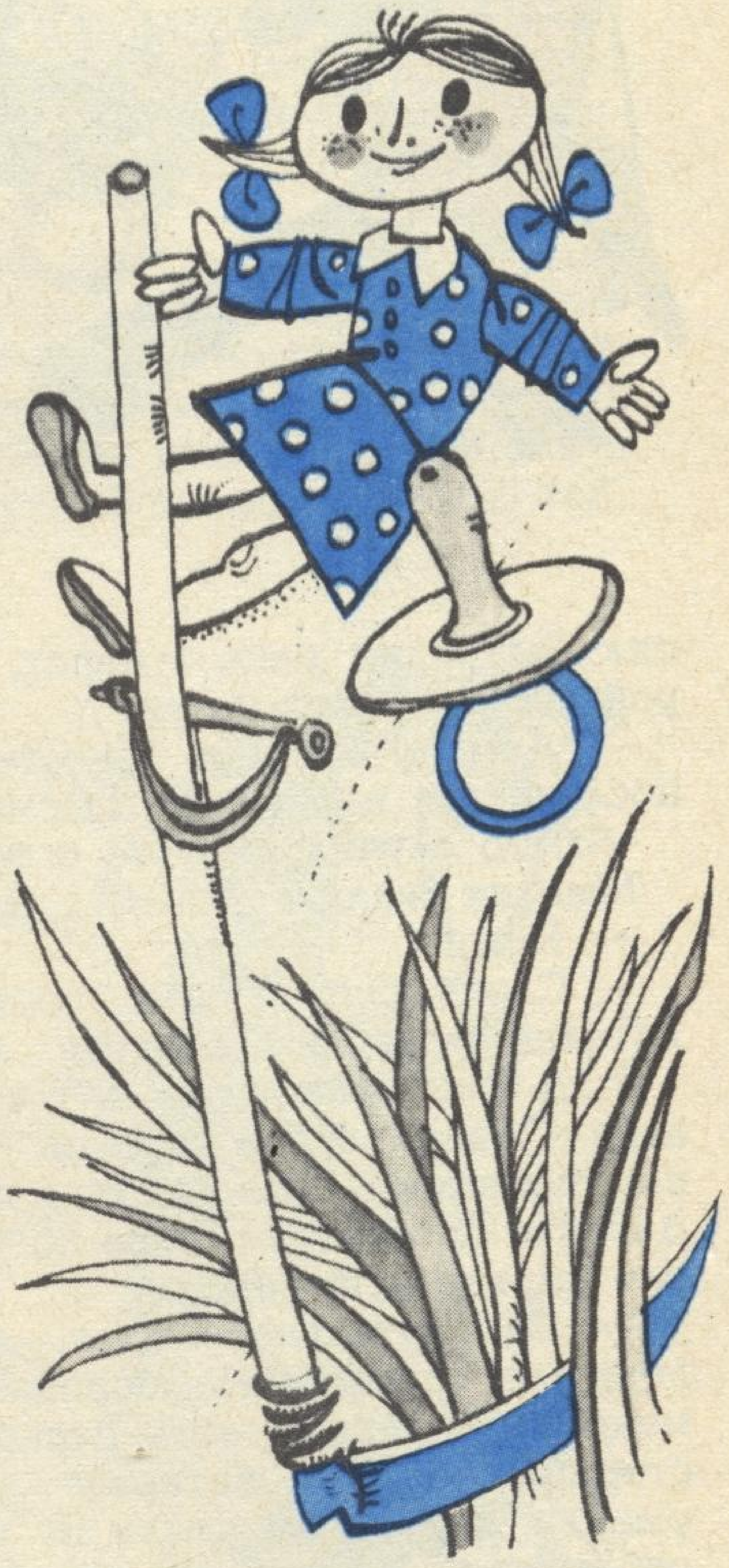
И снова в том же магазине
Стоят пять зонтиков в витрине.
В витрине сухо и тепло,
И не стучится дождь в
стекло —
Там, молча выстроившись в ряд,
Пять черных зонтиков стоят
И ждут дождей, и ждут дождей,
Чтобы укрыть от них людей.

Перевела с польского
Нина ВОРОНЕЛЬ.

СЛОВА-НЕВИДИМКИ



Ответственный дежурный
Никита РАЗГОВОРОВ.



ИГРЫ ДЕДА БУКВОЕДА

Сегодня в нашей «Палате ума» снова в гостях слова-невидимки. Вы, конечно, помните, как решать эти загадки: недостающие буквы у всех трех слов одинаковые, но стоят они в разном порядке.

I

— Со мной дружить неинтересно.
— А я нарядна и прелестна.
— А кто меня пускает в ход,
Нехорошо себя ведет.

II

— Меня опасно рвать руками.
— Я в каждом классе перед вами.
— А я расту, тянусь, тянусь,
И только ниже становлюсь.

III

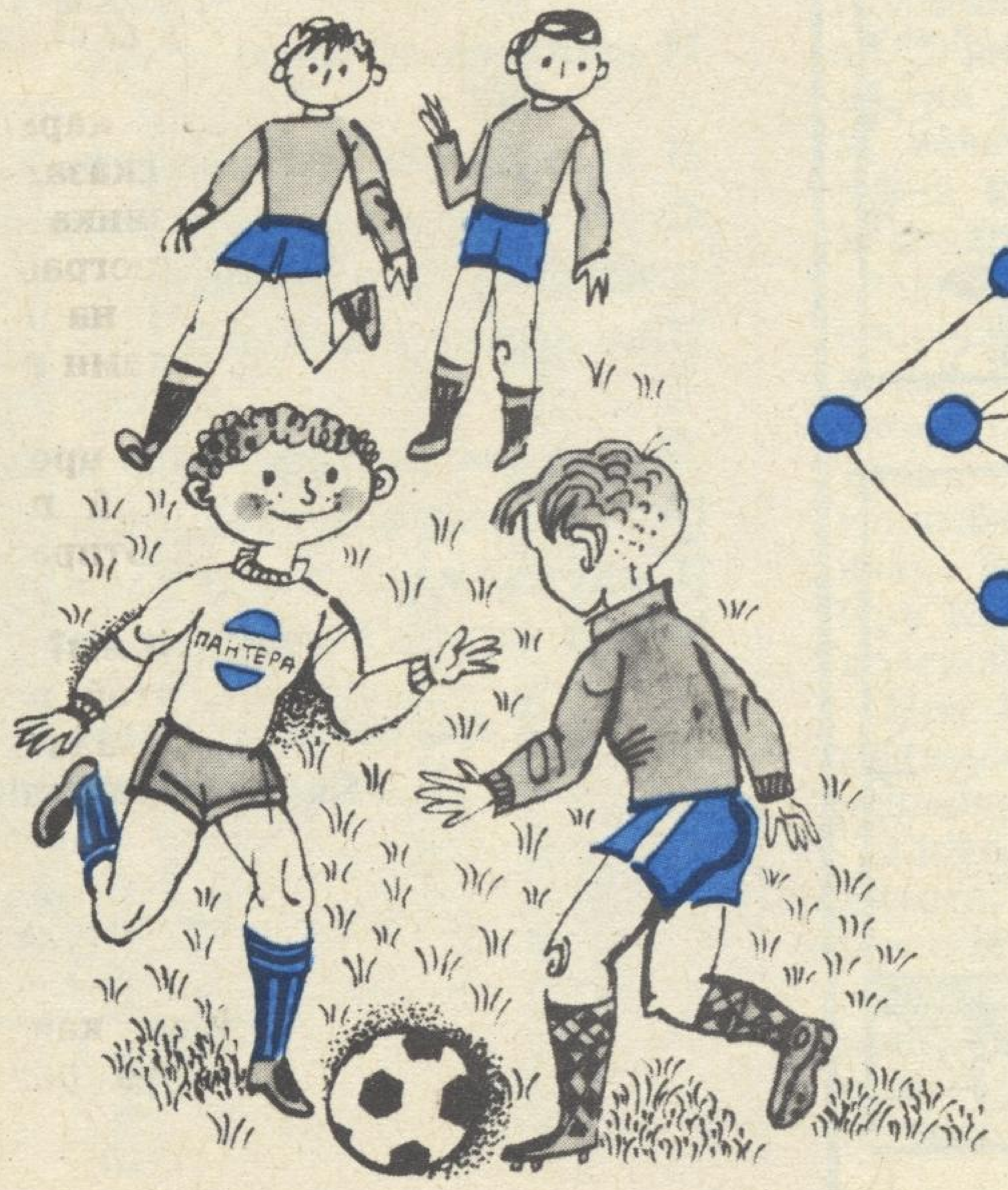
— Меня любой из вас боится.
— А я доверчивая птица.
— А я, расстроенный и злой,
Лежу и тлею под золой.

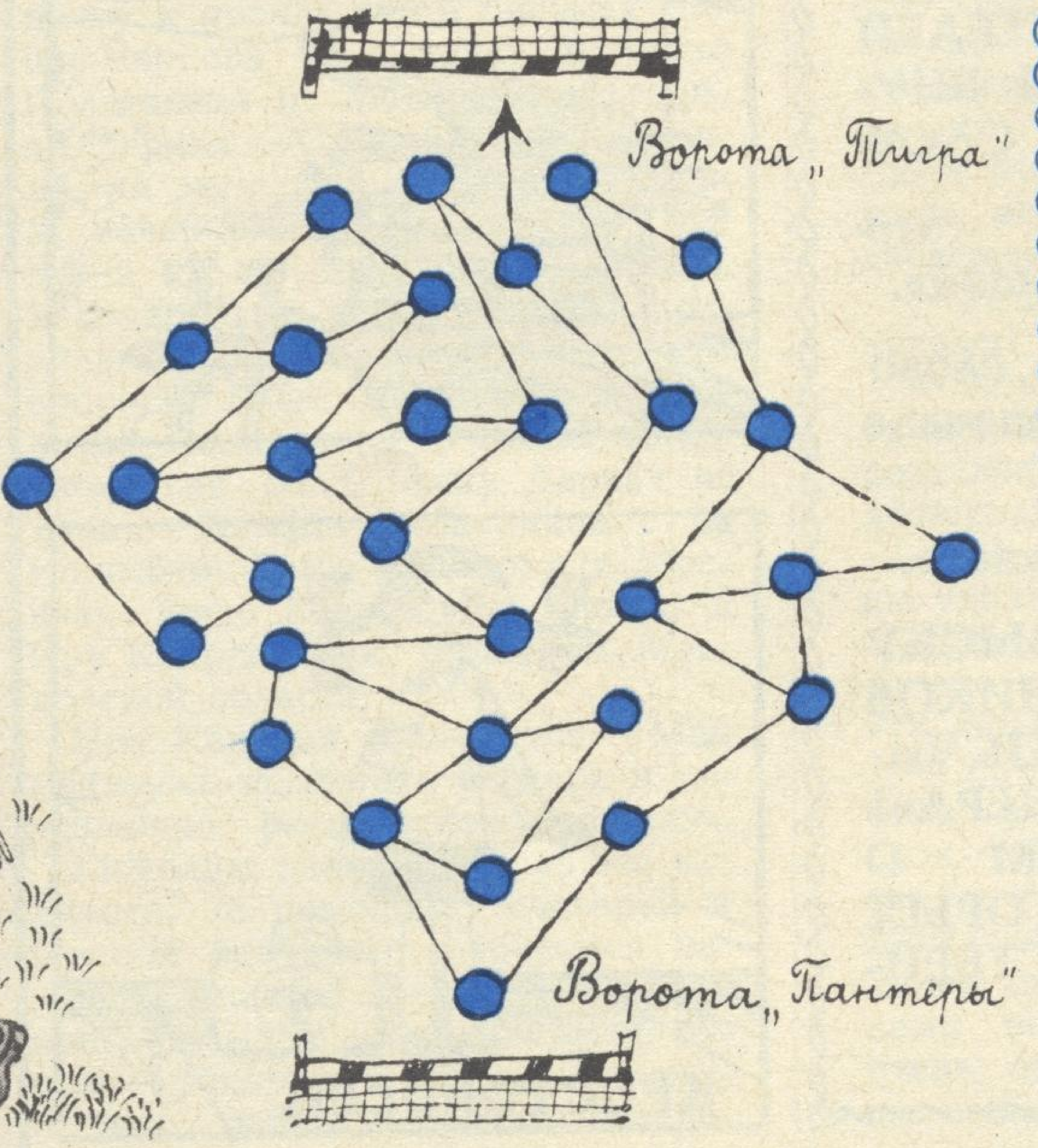
Пеле вступает в игру

В команду «Пантера» пришел новый игрок. Товарищи прозвали его Пеле, потому что он прекрасно бегает, отлично владеет мячом, всегда умеет оценить обстановку на поле.

В очередной встрече с «Тигром» Пеле принес «Пантере» победу. После свободного удара от ее ворот и в результате ряда удачно проведенных комбинаций пантеровцы забили гол. Гол был забит после нечетного числа пасов. Свободный удар можно считать первым пасом. Какой путь проделал мяч? Попробуйте найти также место, в котором находился Пеле в ответственный момент матча.

Вы знаете, что именно от направления его удара зависело, будет ли количество пасов четным или нечетным. Это вам поможет в решении задачи.





Ответы на задачи из № 9

Записки капитана Перо-86.

ФАЛЬШИВАЯ НОТА

Вы заметили, наверно, что скрипка осталась лежать в концертном зале. Значит, Золотой Пенал украл тот карандаш, у которого в руках был футляр от скрипки.

СМЕШНЫЕ ЛЯГУШАТА И ПРАВИЛА КВАДРАТА

Вот как прыгали лягушата: первый ход — А1—С3. Второй ход — А2—С2—С4 и так далее.

ОБЪЯВЛЕНИЕ

Ребята, на некоторые задачи, такие, например, как «Дрессированные обезьяны», мы не даем ответов, потому что эти задачи очень легкие, и все вы их решаете правильно.

Живживка в парикмахерской

Несколько месяцев наш специальный лесной корреспондент бродил по африканским джунглям. Он собирал материалы для «Палаты ума». Когда Живживка появился в редакции, его никто не узнал, и мы тут же отправили его в парикмахерскую стричься. В парикмахерской решили, что стричь Живживку должны два мастера. Одному тут не справиться. Вот как выглядел Живживка. Наши художники сделали два рисунка очень похожими, но все-таки они отличаются друг от друга. Найдите в них семь несовпадающих деталей.

Рисунки А. БОРИСОВА.

Записки капитана Перо-86

ТЁМНЫЙ СЛУЧАЙ

1. Утром голубой карандаш пришел ко мне и сказал, что ночью какая-то резинка пробралась в кабинет географии и стерла Черное море на карте, нарисованной учениками пятого класса.

2. — Наверно, это проделки резинки с Треугольной площади! — подумал я и отправился к ней домой.

3. — Нет, нет, что вы? Я никуда не выходила этой ночью. Весь вечер я решала задачи Деда Буквоеда. Над одной просидела до часа ночи, а потом крепко заснула.

4. — Вот посмотрите, какая хитрая задача!

Вы, наверно, тоже, как и я, сразу догадались, что резинка меня обманула.

Никогда не писала тебе, но теперь не выдержала и решила написать.

Мне четырнадцать лет. Учусь в восьмом классе.

Год назад к нам в класс пришла новенькая, Лена. Ее посадили за одну парту со мной. Училась она плохо, и я решила помочь ей. Много ли, мало ли я занималась с ней, не знаю. Она стала учиться лучше и окончила седьмой класс с тройками. Я была так рада, думала, что наконец-то нашла настоящего друга. Но это оказалось не так. Моя дружба была ей нужна только для того, чтобы я помогала ей в учебе, а когда я попросила ее помочь мне, она говорит: «А мне-то что? Как хочешь, так и делай».

Но вот наступило лето, и Лена обо мне совсем позабыла. Зачем я ей летом? Уроки учить не надо, да и с другими девочками можно дружить летом. Когда учились, о многом мечтали. Хотели вместе куда-нибудь съездить, но пришло лето, и я оказалась ей не нужна.

А недавно мы изучали комедию Фонвизина «Недоросль». После этого вдруг Лена стала обзывать меня Простаковой. Когда я спросила, почему она меня так называет, Лена сказала: «Ты на самостоятельной никогда не подскажешь». Но я и сама иногда сижу над задачами и не могу решить. А вдруг я решила неправильно? Я дам кому-то задачу, и в результате и он и я получим двойки.

Но пусть меня все обзывают Простаковой, только не Лена. Сколько я сделала для того, чтобы она была моим лучшим другом!

Мой адрес: Пермская область, город Чермоз, ул. Маяковского, № 8. Грязновой Вале.

СОДЕРЖАНИЕ

Ключ к номеру 1
Антошка и «Антон».— Рассказ И. Васильева. Рисунки С. Трофимова 2
Мне кажется...— Стихи З. Тумановой. Рисунки А. Вовиковой 12
Маяк.— Стихи Б. Лапузина 12
За каждой рекою.— Стихи А. Кондратьева . 13
Я помню...— Стихи К. Ковалева 13
Наука в твоей жизни.— В. Н. Столетов. Фото В. Постникова 14
Неизвестный солдат.— Стихи Макса Дахие . 17
Костя Емельянов, вожатый октябрят.—Л. Романова. Рис. Е. Медведева 18
Где вода, там жизнь.— Ю. Крутогоров. Фото В. Кругликова 21
«Пошли в кино!».—А. Митта. Рисунки А. Борисова 22
Книга Славы 27
Как это делается
Тысяча добрых услуг.— В. Глазунова. Рисунки Ф. Терлецкого 28
Тридцать три злоключения и одно чудо.— Рассказ А. Шарова. Рисунки И. Урманче 33
Машина учится деликатности.— О. Леонидов, М. Юлин. Рисунки А. Борисова. Фото С. Карасева 41
Научный телеграф.— М. Гуревич, О. Либкин. Рисунки А. Вовиковой 44
Листобой.— Рассказы Ю. Коваля. Рисунки П. Багина 46
Юность Александра.— Повесть Л. Воронковой. Окончание. Рисунки И. Галанина. Карту походов нарисовал Б. Бегов 48
50 пионерских лет
Отряд открывает свои секреты.— Л. Симонова 54
Алые перья стрел.— Повесть В. и С. Крапивиных. Окончание. Рисунки Е. Медведева . 57
Самый смешной из мишек.— Я. Голованов. Фото автора 68
Что нам читать? 70
Встречи с Тремя Неизвестными
Про хоккей и теорию вероятностей. Рисунки Б. Кыштымова 72
В стране шаха — владыки черных и белых полей.— Международный мастер М. Юдовйч. Фото В. Постникова. Рисунки Н. Доброхотовой 74
Клуб «Сорок сорок». — В. Левин. Рисунки А. Борисова 76
Стихи о печальных зонтиках.— В. Хотомска. Перевела с польского Н. Воронель . . . 77
«Ума палата».— Ответственный дежурный Н. Разговоров 78
Сами о себе 80

На обложке:
«Октябрята готовятся к празднику». Рисунок Е. Медведева.

Главный редактор **С. А. ФУРИН.**

Художественный редактор **С. Ю. Сахарова.**

Редакционная коллегия:

О. И. Грекова, В. К. Железников, Н. В. Ильина, Е. Л. Коваленко (ответственный секретарь), **Ф. В. Лемкуль, В. Ф. Матвеев** (заместитель главного редактора), **С. В. Михалков, А. С. Некрасов, В. И. Орлов, В. А. Поддубная, М. П. Прилежаева, Э. С. Соколова.**

Макет К. М. Высоцкой.

Адрес для писем: Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14, 11-й этаж. Телефон 253-30-73.

Рукописи не возвращаются.

Технический редактор **В. П. Борисова.**

Сдано в набор 30/VII 1971 г. А 00966. Подписано к печати 2/IX 1971 г. Формат бумаги 84×60 1/8. Объем 9,33 усл. печ. л. 11,24 учетно-изд. л. Тираж 1 350 000. Изд. № 1971. Заказ 1688.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.

О ЧЕМ ОНИ МОЛЧАТ?

ОНА. Ушк, юшк... Снова в окно смотрит. Иногда мне хочется стукнуть его по затылку самым толстым учебником. Сегодня опять сказал: «Немо, у тебя нет красного ластика?» И все этот Жюль Верн в старой обложке: третий день лежит в парте. Оньк, еньк... Впрочем, мне какое дело. Ушк, юшк... В окно смотрит, как будто там лепестки на деревьях распускаются, а на меня, как на орфографический словарь. Ну и пусть. Вчера Галя и Женька на чердак забрались, туда, где старые парты лежат. Подняли два пальца и сказали: никогда, никогда не будем дружить с мальчишками. И правильно сделали.

ОН. Кому нужны эти суффиксы... Ушк да юшк. На большой перемене все ходили вокруг ее парты. Саня просто так, а я... я, конечно, дурак. Тоже мне... Софи Лорен... Уткнется в учебник, как будто уроков дома не учила. Зубрила самая настоящая: учебник, как «Монте-Кристо», читает.

Я на прошлой неделе видел ее в магазине. Стояла и смотрела на спиннинг, на тот самый, который мне нравится. Все-таки мы с ней очень похожие.

КТО СМЕЕТСЯ ПОСЛЕДНИМ!

ОН. Сань, ты посмотри, ты только глянь на нее: какая выдержка! Сила воли! Упорство! О-го-го! Эге-ге! А может быть, мы улыбнемся? О, улыбнись, прекрасная Елена! Мы здесь у ваших ног!.. Нет, куда ей... Зубрилка несчастная: «Оньк-еньк», «ушк-юшк». Кто это? Кто это перед вами? Да это знаменитый языковед, светило отечественной науки, профессор Елена Лабузова! Похлопаем ей, братцы, похлопаем дружненько. Упорство — это вещь! Именно упорство ведет к вершинам знаний! Помните это, друзья!

●

...Листья за окном, как желтые аппликации, приклеенные к синей бумаге. Листья сорвал ветер, бумага пожелтела от частых дождей. Такого цвета бывает осенью море. Светло-серое, таящее в глубине лодку капитана Немо...

А в дневнике у него двойка. Двойка за суффиксы... Капли дождя ползут по стеклу. Обидно. Суффиксы...

И. ГОЛУБЕВА.
Фото В. ПОСТНИКОВА.

ВИНТОКРЫЛЫЙ ДОЗОРНЫЙ

...Подмосковное шоссе. Одна за другой бегут машины. Кажется, на магистрали порядок. Но вот серый «пикап» стремительно обгоняет автобус справа. Лихач-водитель спокоен: милиции поблизости нет, никто нарушения не заметил. Однако через некоторое время его останавливает встречная машина ГАИ.

— Очень спешу, товарищ старший лейтенант,—попытался уйти от разговора водитель.

— Видимо, поэтому вы и обогнали машину справа...

— Как же вы могли об этом узнать?!—изумился пассажир «пикапа».

Вместо ответа автоинспектор показал на вертолет ГАИ, висевший над дорогой. Оправдываться не было смысла.

А воздушный автоинспектор продолжал полет над трассой, «зависая» над местами скопления транспорта, деловито вмешиваясь в жизнь автомагистрали.

Если совершалось грубое нарушение правил, вертолет снижался до сорока метров, и над трассой звучал спокойный требовательный голос, усиленный репродукторами:

— Товарищ водитель машины 19-27, вы совершили недозволенный обгон. Через три километра пост ГАИ. Доложите...

И тут же связывался с постом, просил воздействовать на нарушителя.

Вертолеты над дорогами появились недавно, но польза уже сейчас огромная. С каждым годом автомобилей на магистралях становится все больше, скорости их увеличиваются, и поддерживать порядок становится труднее. А вертолеты, оборудованные устойчивой радиосвязью, громко говорящими установками, помогают предотвращать дорожные происшествия, берегут жизнь и здоровье людей.

Майор милиции Н. САЛЬНИКОВ,

Цена 25 коп.

Индекс 70694